

Николай
Байков

СОБРАНИЕ

Великий Ван

СОСТАВ
СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
НИКОЛАЯ БАЙКОВА

ВЕЛИКИЙ ВАН

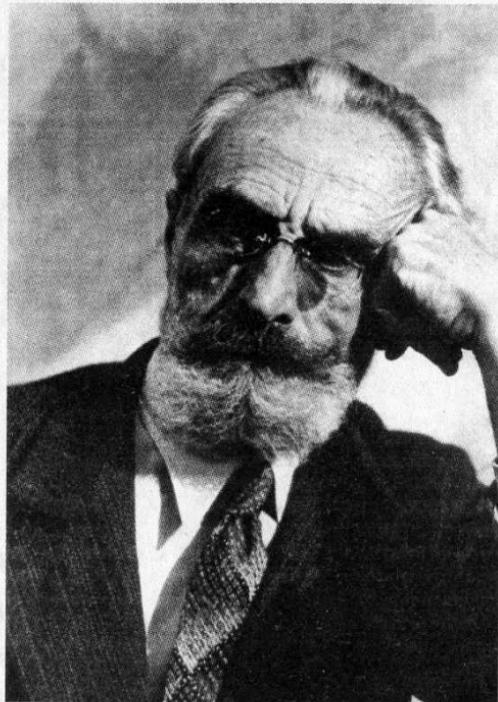
Повесть «Великий Ван». Роман «Черный капитан».

В ГОРАХ И ЛЕСАХ МАНЬЧЖУРИИ

Роман «Тигрица». Очерки из книг «В горах и лесах
Маньчжурии», «Тайга шумит».

ШУ-ХАЙ

Рассказы, очерки, статьи из книг «Шу-Хай»,
«Сказочная быль», «По белу свету», «У костра»,
«Записки маньчжурского охотника»

Н. Байков

Николай Байков

СОБРАНИЕ

Великий Ван

повесть

Черный капитан

роман

РУБЕН

Владивосток
2009

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»*

Байков, Николай Аполлонович (1872-1958).

Б18 Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман / Вступ.
статья Е. Ким. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. –
528 с. – (Собрание).

ISBN 978-5-85538-038-5

В первое Собрание сочинений писателя и натуралиста Николая Байкова войдут его романы, повести, очерки, воспоминания и дневники. Широко издаваемый в Японии и других странах, автор знаменитого «Великого Вана» и визави В.К. Арсеньева в Маньчжурии, Н. Байков, проживший полвека в Китае и похороненный в Австралии, известен на родине лишь узкому кругу читателей и специалистов.

В книгу вошли самые известные произведения писателя – повесть «Великий Ван» и роман «Черный капитан».

В оформлении книги использован рисунок Н.А. Байкова.

ISBN 978-5-85538-038-5

© Н.А. Байков, наследники,
2009

© Е. Ким, вступительная статья,
комментарии, 2009
© Альманах «Рубеж», 2009

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Собрание сочинений Николая Байкова никогда прежде – ни в нашей стране, ни за рубежом – не издавалось. По-видимому, тома данного Собрания станут вообще первыми книгами замечательного писателя и натуралиста, выходящими в новой России. Потому как, если быть точным, самым первым российским изданием была книга «В горах и лесах Маньчжурии», изданная в Петрограде редакцией журнала «Наша охота» в 1914 году.

Мы приурочили выпуск Собрания к 140-летию Николая Аполлоновича, которое будет отмечаться в 2012 году.

Начиная с 1992 года, когда в первом номере альманаха вышла знаменитая повесть Н. Байкова «Великий Ван», произведения писателя постоянно публикуются во Владивостоке в тихоокеанском альманахе «Рубеж».

Впервые Собрание мы задумали и начали готовить к изданию много лет назад – вместе с дочерью писателя Наталией Николаевной Дмитровской-Байковой, проживающей в Австралии, и ее сыном Николаем Дмитровским. Позднее к этой работе подключилась Елена Ким, подготовившая вступительную статью и Комментарии.

Все тексты произведений Николая Байкова публикуются по первым изданиям, вышедшим в Китае и Австралии под редакцией автора.

БАЙКОВ
НИКОЛАЯ БАЙКОВА
АДОЛФА ГАЛКОНА

ИЧУЖИРАННЯХАСТЫЖАЮТСЯ
ХАРДКОМПЬЮТЕРНЫЕ ЧИСЛЕННЫЕ МОДЕЛИЗАЦИИ
СЛОВАЧИИ

ЛАХ-СИ
«КАК ДЛЯ ПРИРОДЫ НЕДОЛГО ВОСТОКА
СТАНОВИТСЯ СОСТОЯНИЕМ, КОТОРЫЕ ВОСТОКА
СТАНОВИТСЯ СОСТОЯНИЕМ»

ПО БЕЛУ СВЕТУ

(НИКОЛАЙ БАЙКОВ. СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО)

Вот перед нами человек. Он устал, но не сломлен. Во взгляде – сила. Лицо сухое, худое. Даже сквозь густую бороду уггадывается упрямый подбородок. Высокий открытый лоб. И много, множество морщин и мордочки.

Это Николай Байков – путешественник, натуралист и писатель.

До революции его ждала блестящая карьера – по-тому что дворянского рода, последователь Пржевальского, поклонник евразийского учения Менделеева; молодой, но уже весьма известный ученый, безупречный офицер... Он дослужился до полковника, но призвание свое видел на писательском поприще.

Впрочем, главное произведение Николая Байкова – это его судьба, увлекательный роман, состоящий из десятков юмористических рассказов, трагических повестей, наблюдений над природой и человеком, над самим собой¹.

* * *

Родился Байков 29 ноября 1872 года в Киеве, в семье потомственного дворянина. Предок его, Федор Исаакович Байков (человек неграмотный, но больших способностей), был первым послом русского государства в Китае (Империя Цин) в 1654-1657 годах. Он вез китайскому императору грамоту царя Алексея Михайловича

¹ В опубликованных работах биографических сведений о жизни Николая Байкова довольно мало, поэтому приходится опираться на беллетристические произведения и публицистику самого автора.

с предложением установить дружественные отношения между двумя странами.

Федору предписано было уклониться от исполнения любых унизительных обрядов, которые могли бы ущемить суверенитет и нанести ущерб престижу России. Он должен был добиться личной аудиенции у цинского императора для вручения грамоты и подарков от Алексея Михайловича.

«В 1654 году в первый раз отправлен был из Тобольска в Китай сын боярский Федор Байков для присматривания в торгах и товарах и в прочих тамошних поведениях. <...>

Канбалыка (Пекин) Байков достиг только в марте 1656 года. В полверсте от города посла встретили двое царских близких людей и потчевали чаем, варенным маслом и молоком; посол отказался пить, потому что был Великий пост. «По крайней мере, возьми чашку», – сказали близкие люди; посол взял чашку и, подержав, отдал назад. <...>

На другой день приехали царевы близкие люди и сказали, что царь Богда велел взять у него подарки, присланные ему государем. «Везде такой обычай, – сказал Байков, – что посол сам подает государю любительскую грамоту и потом уже подарки». «У вашего государя такой чин, а у нашего свой, – отвечали близкие люди. – Царь царю ни в чем не указывает», – и взяли силуно подарки. Через день после этого близкие люди прислали сказать послу, чтобы с царской грамотой ехал к ним в приказ. Байков отказал: «Прислан я к царю Богде, а не к приказным близким людям». «Царь тебя велит казнить за то, что ты его указы не слушаешь», – велели сказать близние люди. «Хотя бы царь велел по составам меня рознать, а все же в приказ не пойду и государевой грамоты вам не отдаю», – отвечал Байков. В знак царского гнева за это упрямство посол возвратили подарки, и этим все дело кончилось; Байков возвратился только с рассказа-

ми об удивительной стране, впервые виденной русским человеком»².

Не добившись своего, 4 сентября 1656 года китайские власти выслали Байкова из Пекина. Составленный с его слов «Статейный список» представляет собой важнейший географический документ, в котором Байков последовательно описывает все путешествие. По возвращении в Москву Ф.И. Байкову было пожаловано звание дворянина с правом наследования³.

Бабушка со стороны отца Байкова, Мария Егоровна Годлиева, была родной племянницей знаменитого имама Шамиля. Байков очень гордился этим родством, любил говорить о своих предках, часто бывал на Кавказе. В облике его, да и в характере заметны черты, унаследованные им от гордых горцев, – упругий, немного даже вызывающий взгляд, упорство до упрямства, желание самому распоряжаться своей судьбой.

Отец Николая, Аполлон Петрович, генерал-лейтенант и военный юрист, был членом Главного военного суда в Петербурге. Среди его знакомых были Н.М. Пржевальский, Д.И. Менделеев и Великий князь Николай Михайлович, «который знал его по службе в Нижегородских драгунах и Кирасирах Его Величества»⁴.

Жена Аполлона Петровича, урожденная Голуб, происходила из древнего рода. Предки ее еще с 1368 года служили государям московским.

* * *

Как дворянин и сын своего отца, Николай Байков должен был служить. В 11 лет он поступил в Киевский кадетский корпус, где отучился пять лет.

В 1890 году в возрасте 37 лет умирает мать Байкова, Зинаида Александровна. Отец забирает Николая в

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен // «Мысли», Москва. 1991. т. 12. с. 575-576.

³ Автобиография Байкова // Бунгзай. Токио, 1942. № 12. с. 36.

⁴ Байков Н.А. У костра. Воспоминания о Менделееве // «Наше знание». Тяньцзинь, 1940. с. 144.

Санкт-Петербург, где молодой человек активно занимается самоподготовкой и в 1891 году сдаёт экзамен на аттестат зрелости при Первой Санкт-Петербургской гимназии⁵, чтобы затем поступить в Санкт-Петербургский университет на факультет естествознания⁶.

С самого детства мать заметила в Коле интерес к природе. Родители всячески поощряли этот интерес, даже устроили маленький зверинец на Киевском хуторе, где он делал первые свои наблюдения. Уже тогда в нем зародились умение и желание заботиться о природе.

Отец же надеялся сделать из мальчика настоящего охотника – в 12 лет он подарил ему монтеクリсто – духовное ружье, из которого он стрелял воробьев и голубей; за монтеクリсто последовала двустрелка тульского завода – так начиналась охотничья карьера Николая Байкова.

* * *

Время шло, и перед Николаем стал выбор: военная служба или карьера ученого.

Летом 1887 года Николай приехал в Петербург на каникулы. В то время в Петербурге жил его родственник, полковник генерального штаба В.И. Томкеев. Как-то, зайдя к Байковым, Томкеев сказал: «Знаешь, Коля, сюда на короткое время приехал Пржевальский. Если хочешь, я могу тебя с ним познакомить»⁷.

Для пятнадцатилетнего Коли Николай Михайлович Пржевальский был не просто великим путешественником и ученым. Он принадлежал к тому типу людей, чьи личности, по словам А. П. Чехова – «это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме, пишущих от скучи

⁵ Жернаков В.Н. Николай Аполлонович Байков // Мельбурнский университет, 1968. с. 2.

⁶ Дмитровский-Байков Н.И. Жизнь и творчество Н.А. Байкова // Брисбен, 2000. с. 6.

⁷ Байков Н.А. Тайга шумит. Заветы Пржевальского // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 78

неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, <...>, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели»⁸.

Пржевальский, Ливингстон, Стенли, Миклухо-Маклай для тогдашней молодежи были не просто любимыми героями, но кумирами, подвижниками, «олицетворяющими высшую нравственную силу». Недаром их знал каждый школьник и «недаром по тем путям, где проходили они, народы составляли о них легенды»⁹.

На следующий день после приглашения Томкеева Николай Байков познакомился с Пржевальским. Этот день стал точкой отсчета во всей его судьбе. Все случившееся тогда он подробно описывает в автобиографическом очерке «Заветы Пржевальского»¹⁰.

Накануне он страшно волновался, почти не спал и явился на квартиру дяди много раньше назначенного срока. Наконец, раздался звонок, дверь распахнулась, послышался звон шпор.

«Неужели Пржевальский?» – подумал Коля. Чтобы успокоиться, спрятался поглубже в кресло и взял со стола первую попавшуюся книгу. Это было «Путешествие в Уссурийский край» Пржевальского. На заглавном листе было написано: «Moему другу и однокашнику Володе Томкееву от автора на добрую память». Внизу стоял автограф с энергичным росчерком.

В это время послышались твердые тяжелые шаги, раздвинулась бархатная портьера, и в комнату вошел Пржевальский. Он был именно таким, каким Коля запомнил его из газет и журналов: суровые, но правильные черты лица, орлиный нос, кругой подбородок, пышные темные усы и ослепительная улыбка.

«Вся фигура его, могучая и величественная, производила неизгладимое впечатление; недаром полуудикиеnomadы степей Центральной Азии считали его полу-

⁸ Чехов А.П. Статьи, фельетоны // «Правда». Москва, 1984. с. 522.

⁹ Там же. с. 521.

¹⁰ Байков Н.А. Тайга шумит. Заветы Пржевальского // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 81-85.

богом, или же могучим посланником Великого Белого Царя!».

Коля почти выпрыгнул из кресла и вытянулся перед ним в струнку, как полагалось по воинскому уставу. Пржевальский же сказал: «Здравствуй, кадет! Я слышал о тебе от моего друга Владимира, и мне любопытно с тобой познакомиться. Ну, садись. Давай побеседуем. Да ты не стесняйся и называй меня не «Превосходительством», а по имени и отчеству».

Однако Николай никак не мог прийти в себя. Пржевальский это заметил и, желая его подбодрить, сказал: «Я вижу, что ты меня стесняешься. Не бойся! Я некусаюсь и не съем тебя! Говори смело и смотри на меня как на своего товарища. Излагай мысли прямо, без обиняков. Мужчина, в особенностях военный, должен быть смелым, решительным и правдивым. Я слышал о твоем увлечении природой, охотой и путешествиями. Это хорошо. Одобряю тебя и сочувствую. В твои годы я уже бродил с ружьем по лесам и болотам и теперь, на старости лет, как видишь, не бросил этого дела. Скоро опять отправляюсь в Центральную Азию и хочу пробраться в Тибет с другой стороны, наименее доступной для караванов. Вот если бы ты был постарше и окончил корпус, я взял бы тебя с собой. Из тебя может выйти толк».

С затаенным дыханием Коля слушал знаменитого исследователя. «Что это за книжка у тебя в руках?» – спросил Пржевальский после минутного молчания.

Коля молча протянул книгу.

Открыв заглавную страницу, Пржевальский улыбнулся. «Да, давно это было, – говорил он, перелистывая страницы. – Двадцать лет тому назад. С тех пор я там не был. Если ты так любишь природу и охоту, советую тебе потом отправиться на Дальний Восток. Дивный край! Прекрасная охота. Тайга – что твой сильвас Бразилии! Степи – пампасы Аргентины. Такой природы нет даже у нас на Кавказе и в Туркестане. Жаль, что мне не удалось побывать там вторично. Ты интересуешься узнать, уби-

вал ли я тигров? К сожалению, нет. Это сделаешь за меня ты, когда будешь в тайге»¹¹.

С этими словами он вырвал заглавную страницу с надписью и, подумав немного, написал что-то на второй странице. Возвращая Николаю книгу, он сказал: «Возьми эту книгу и постарайся ее дополнить. Она будет тебе полезна в будущем!».

Вскоре Пржевальский засобирался и, пообещав, что скоро они встретятся снова, ушел.

Только вернувшись в свою комнату, Коля прочел надпись, сделанную Пржевальским: «Моему юному другу Николаю Байкову на память от старого лесного бродяги Н. Пржевальский».

Увы, больше им не пришлось встретиться. Через год после этого вечера Пржевальский умер в Туркестане, перед самым выступлением в тибетскую экспедицию.

А Коля Байков после этого разговора сделал свой выбор.

Японский журналист Сайками Токио, посетивший Николая Байкова в его харбинском доме в 1942 году, что-бы заказать ему статью о Пржевальском, вспоминает:

«Выслушав мою просьбу, он (Байков), бормоча про себя дорогое ему имя «Пржевальский», направился к книжной полке и вынул оттуда одну книгу. Она была в твердой обложке темно-синего цвета, одного суня¹² толщины. Это была книга Пржевальского «Путешествие в Уссурийский край». <...> С тех самых пор, в течение 55 лет, все эти долгие годы, Байков хранил эту дорогую ему реликвию, никогда не расставался с ней»¹³.

В интервью же Байков сказал: «Слова Пржевальского, его книга с дарственной надписью определили мою судьбу. Только вместо Уссурийского края я вступил на землю Маньчжурии. Я начал работать, храня в сердце

¹¹ Байков Н.А. Тайга шумит. Заветы Пржевальского // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 83.

¹² Сун – мера длины, равная 3,03 см.

¹³ Сайками Токио. Писатель Маньчжурской тайги Байков // Сэйкай. Токио, 1962. № 2. с. 234.

завет великого путешественника, преданного науке и Родине»¹⁴.

* * *

В 1892 году умер отец Николая. К этому времени «благие намерения поступить в университет рассеялись, как дым в лесных просторах Литвы»¹⁵, – вспоминает Байков.

Помня наставления Пржевальского, Николай отправляется на военную службу. 1 сентября 1892 года его зачисляют в 17-й Новотроцкий резервный батальон, откуда в 1894 году он переводится в 16-й Мингрельский гренадерский полк в Тифлисе, которым командовал Великий князь Николай Михайлович, энтомолог и большой любитель природы, а также друг покойного Аполлона Петровича. Одновременно Байков поступает в Тифлисское военное училище, по окончании которого ему присваивается чин подпоручика¹⁶.

Великий князь Николай Михайлович знакомит Байкова с известным натуралистом и путешественником Г.И. Раддэ, директором Кавказского музея в Тифлисе. Все свободное время Николай Байков посвящает изучению природы Кавказа. Под руководством Раддэ он прошел хорошую школу музейной работы и научился всем премудростям таксидермии¹⁷ и монтировки. 1899 год он провел в Боржоми, где собирал и монтировал коллекцию чешуекрылых.

Конечно, служба Байкова заключалась не только в энтомологических экспедициях и беседах с Великим князем. Одной из его обязанностей была караульная служба в Метехском замке, бывшем в те времена пере-

сильной тюрьмой. Он вспоминает, как однажды во время вечернего обхода к нему обратился молодой горец с необычной просьбой отпустить его из тюрьмы на несколько часов – ради встречи с отцом. Вначале Николай колебался, но все же выпустил его под честное слово. На рассвете горец вернулся.

А через несколько дней к Байкову пришел высокий худой старик, отец того самого горца. Он пришел поблагодарить отважного начальника караула и в знакуважения подарил ему семейную реликвию – древний кавказский кинжал.

Этот подарок стал настоящим другом Байкова, не раз он будет упоминать его в своих романах и повестях. Много приключений переживут они вместе до того самого дня в 1918 году, когда Николай закопает его на хуторе под Киевом, чтобы клинок не достался большевикам¹⁸.

* * *

В эти годы счастливый случай свел Николая Байкова с еще одним великим человеком.

Как-то, возвращаясь из очередной энтомологической экскурсии, Николай встретил Великого князя, гулявшего с двумя стариками весьма почтенной «ученой» наружности.

Одним из них был Густав Раддэ, второй же казался удивительно знакомым: «...большая, породистая голова, увенчанная львиною гривой седеющих волос, острый взгляд серых вдумчивых глаз», смотрящий на тебя со страниц всех научно-популярных журналов – не оставалось никаких сомнений. Это был Дмитрий Иванович Менделеев.

«Дмитрий Иванович! – произнес в этот момент Великий князь, – разрешите представить вам моего ученика, молодого натуралиста, подпоручика Байкова».

¹⁴ Там же. с. 235.
¹⁵ Воспоминания Н. Байкова. т. 1. с. 55а.
¹⁶ Дмитрионский-Байков Н.И. Жизнь и творчество Н.А. Байкова // Брисбен, 2000. с. 6.
¹⁷ Таксидермия (от греч. *táxis* – устройство и *dérma* – кожа, шкура) – изготовление чучел животных; основой служит металлический или деревянный каркас. При мягкой набивке необходимая форма придается по мере наполнения шкуры мягким материалом (пакля, вата).

¹⁸ Байков Н.А. У костра. Клятва Гассана // «Наше знание». Тяньцзинь, 1940. с. 116-124.

«Очень рад, – проговорил ученый, протягивая свою большую мягкую руку. – Менделеев. Вероятно, слышали обо мне или читали в газетах»¹⁹.

И об этом дне Николай Байков будет вспоминать не один раз. Именно тогда он узнал о постройке КВЖД²⁰. Наконец, перед ним была реальная возможность отправиться на завещанный ему Пржевальским Восток...

До самого рассвета проговорили Великий князь, Менделеев и Радз. Николай слушал, затянув дыхание. 45 лет спустя, в тяжелые и голодные годы эмиграции, он снова будет вспоминать тот вечер: «Мы сидели на обширной террасе дворца, где гостепримный хозяин угостил нас изысканным ужином из кавказских блюд, среди которых доминировал шашлык из горного барашка с барбекюным соусом. Запивали кахетинским вином <...> и слушали знаменитого ученого, посвящавшего нас в различные вопросы современной научной мысли и достижений техники и химии.

Он говорил о значениях нефти для государственного развития; о наших Бакинских источниках; о предполагавшемся, по его проекту, нефтепроводе Баку – Батум; об усовершенствовании двигателей; о развитии транспорта и торговли; о тяготении России на Восток; о перемещении

¹⁹ Байков Н.А. У костра. Воспоминания о Менделееве // «Наше знание». Тянь-цзинь, 1940. с. 147.

²⁰ Из истории КВЖД:

Более короткий и удобный вариант соединения Сибирского пути с Владивостоком прямо через Маньчжурию возник после того, как изыскания показали, что реализация первоначального варианта проекта Сибирской магистрали по долине Амура сопряжена с рядом значительных технических трудностей. Так появился проект Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Воспользовавшись приездом представителя китайского правительства Ли Хунчжана в Россию на коронацию Николая II в 1896 году, министр финансов С.Ю. Витте предпринял энергичные действия и добился согласия китайского правительства на строительство КВЖД. Договор был заключен. Первые изыскательские работы завершились в 1898 году, а новая железнодорожная линия – кратчайший путь из Европы в Азию – открылась 1 июля 1903 года.

Для охраны работ созданы были воинские части – Охранные стражи КВЖД – 8 рот и 19 конных сотен. 18 мая 1901 года Охранные стражи были переименованы в Замурский Округ пограничной стражи. Состав войск увеличился до 55 рот, 55 сотен, 6 артиллерийских батарей и 25 учебных команд.

ее государственного центра в Западную Сибирь; о значении для России берегов Тихого океана; об исторических задачах русского народа и о многом другом, что изгладилось уже из моей памяти за истекшие 40 с лишним лет»²¹.

Радз рассказывал о приамурской природе, богатстве и разнообразии нашего Дальнего Востока, Менделеев внимательно слушал, а затем сказал: «Отправляйтесь на Восток, молодой человек! Там непочтенный край для вашей будущей деятельности и обширное поле для исследований!»²².

«Кстати, постройка КВЖД идет полным ходом. Там нужны такие, как вы!»²³ – добавил Радз.

С того самого дня мысль о Дальнем Востоке и службе на КВЖД преследовала Байкова неотступно.

* * *

В 1898 году Байков, по совету дяди А.А. Голуба, переводится в 108-й Саратовский полк, так как это могло способствовать поступлению в Академию Генерального штаба. Здесь он знакомится с дочерью своего бывшего командира по Новотроцкому полку – Евгенией Леонидовной Стоговой. В 1900 году Николай Байков становится мужем, а вскоре и отцом²⁴.

В этом же году он подает прошение о переводе на службу в Охрannую стражу КВЖД, и уезжает в Петербург для ускорения перевода. Но в Главном штабе ему сообщили, что он зачислен кандидатом... Иными словами – «без особой проктракции попасть в Маньчжурию не представлялось возможным»²⁵. Байков решил, что в этом деле «весьма

²¹ Байков Н.А. У костра. Воспоминания о Менделееве // «Наше знание». Тянь-цзинь, 1940. с. 148.

²² Встреча с Д.И. Менделеевым. Воспоминания Н.А. Байкова. Приложение к газете «Время» № 27 (230), 4 июля 1943 г.

²³ Байков Н.А. У костра. Воспоминания о Менделееве // «Наше знание». Тянь-цзинь, 1940. с. 148.

²⁴ Дмитровский-Байков Н.И. Жизнь и творчество Н.А. Байкова // Брисбен, 2000. с. 7.

²⁵ Байков Н.А. У костра. Воспоминания о Менделееве // «Наше знание». Тянь-цзинь, 1940. с. 149.

может посодействовать» Менделеев. Дмитрий Иванович гостил в то время в Ориниенбауме на даче у дяди Байкова – И.П. Илимова. Николай сразу же отправился туда.

«Конечно, поезжайте, молодой человек, в Маньчжурию! – восхлипнул знаменитый ученый. – Это новый край, который ждет исследователей. Завтра же буду в Питере и поговорю о вас с начальником штаба. Кроме того, советую вам явиться к Великому князю Николаю Михайловичу, в этом деле он может быть вам очень полезен. Благословляю вас на новую жизнь. С Богом!»²⁶.

В тот же вечер Байков вернулся в Петербург. Уже на следующее утро он был во дворце Великого князя на Миллионной улице.

Выслушав Николая, Великий князь сказал: «Вы могли бы легко поступить в Академию Генерального штаба, и я с удовольствием оказал бы вам содействие в этом деле, но вижу, что ваши намерения другие. Готов помочь!».

Достав из стола визитную карточку с Великокняжеской короной, он написал на ней что-то и протянул Байкову со словами: «Думаю, этого вполне достаточно. От души желаю вам успеха. Если вас не затруднит, не откажите собрать для моей коллекции редкие экземпляры маньчжурских бабочек, которых у меня нет. Буду очень благодарен. Все необходимое для сборов я перешлю вам через профессора Радда. Передайте начальнику Штаба карточку и мой привет»²⁷.

8 декабря 1901 года командиру 108-го пехотного Саратовского полка, где в то время служил Николай Байков, был отправлен приказ: «Поручик Байков переводится высохшим приказом от 26 ноября с.г. в Отдельный корпус пограничной стражи в Заамурский округ сего корпуса, вследствие чего штаб корпуса по приказанию командира корпуса просит Ваше Высокоблагородие предложить упомянутому офицеру отправиться по месту его назначения».

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. с. 150-151.

* * *

В популярных географиях начала века о Маньчжурии было сказано лишь: «Маньчжурия – дикая страна, покрытая дремучими лесами. Здесь растет знаменитый женьшень, водятся тигры и добывается трава для обуви – ула». Николай Байков открыл Маньчжурию не только для ученых, но и для простых читателей. Оценивая его труды, Елена Рачинская в книге «Перелетные птицы» пишет: «По глубине проникновения в тайны маньчжурской тайги и ее обитателей, по любви к ней, по длительности полного и счастливого слияния с ее жизнью – вряд ли многие могут быть поставлены рядом с широко известным и за пределами Маньчжурии писателем-охотником, Н.А. Байковым»²⁸.

Маньчжурия стала для Байкова домом. Она дала ему все. После войны и революции он вернется сюда измученный и усталый, и она снова примет его. Но это будет намного позже, а пока Николаю Байкову всего 28 лет, он молод, полон сил и надежд. Он едет навстречу своей мечте.

В конце 1901 года состоялся приказ, а через месяц Байков, забрав семью – жену и малолетнюю dochь, – выехал из Москвы сибирским экспрессом.

Дорога заняла около трех месяцев. Но молодому офицеру изнурительное путешествие было ни почем. Он жил мечтой, к которой с каждым днем оказывался все ближе. Тяготы пути вызывали у него лишь легкую усмешку:

«От Иркутска поезда ходили только до станции Байкал – Кругобайкальской железной дороги еще не было. Отсюда через Байкал нас перевезли в санях, причем ехать пришлось лежа в кочеве, закутанными с головой в олени дохи. Расстояние в 60 верст до станции Мысовой проделали в четыре часа, полчаса отдыхали посреди Байкала, где на «станке» кормили и поили лошадей, нас же поили горячими чаем с сибирскими шанежками.

²⁸ Рачинская Е. Перелетные птицы // «Глобус». Сан-Франциско, 1982. с. 5.

<...>

В это время года лед на Байкале ломается и дает глубокие трещины, иногда до сажени шириной. Эти трещины приходилось брать «с налету». Ямщик, стегнув тройку, кричит, не оборачиваясь, зычным голосом: «Эй, держись! Польниья!». Услышав под шубами этот крик, пассажиры хватаются за борта, чтобы не вылететь в полынью, на дне которой чернеет и клокочет зловещая бездна озера. Выглянуть из мехов не было возможности, т.к. это грозило отмерзанием носа и щек! Мороз доходил до 50 градусов»²⁹.

Все Забайкалье Байков с семьей проехал поездом. Несколько раз им пришлось пересаживаться из служебных вагонов КВЖД в вагоны третьего класса, места в которых надо было брать с боем. Иначе они рисковали застрять на каком-нибудь безлюдном полустанке на несколько недель.

Наконец они добрались до Хинганского³⁰ хребта, отделяющего Монголию от Маньчжурии; «вместе с Великой Китайской Стеной он служил защитой против вторжений северных варваров, к каковым китайцы присылают и русских»³¹.

По легендам китайцев, Хинганский горный хребет – это каменный остов дракона, голова которого упирается в Амур, а хвост оканчивается у устья реки Ляо-хэ. Окаменел он давно, много тысяч лет тому назад, но придет время, когда дракон проснется, прогнут все его члены и сбросит он с себя землю и леса и двинется на запад, уничтожая все на своем пути.

Состав, в котором ехали Байковы, взобравшись на перевал, ненадолго остановился. Предстоял спуск вниз. Спуск этот заслуживает отдельного описания. С перевала поезд спускался на тормозах по тупикам, которых

²⁹ Байков Н.А. Записки маньчжурского охотника. Прощай, Европа! // «Наше знание». Тяньцзинь. 1942. с. 2-4.

³⁰ Хинган – название тунгусского, китайцы же называют его Хэй-лун-шань, т.е. Горы Черного Дракона, а Амур носит у них название Хэй-лун-цзян, Река Черного Дракона.

³¹ Политехник (Сидней). 1979. № 10. с. 79.

было всего шесть. Таким образом, поезд двигался то вперед головой, то хвостом. Уклон был так велик, что паровоз, становившийся всегда в голове поезда, несмотря на усиленный «задний ход», мчался с головокружительной быстротой. Из-под тормозов сыпались искры, и пахло горелым железом. Буксы горели во многих вагонах. Во время этого сумасшедшего бега вагоны качало, как на море, и многие пассажиры молились. На всех лицах был написан панический страх и ужас, даже поездная прислуга крестилась, и слышались возгласы: «Пронеси, Господи!».

Наконец поезд благополучно добрался до нижнего тупика, и все с облегчением вздохнули. «Вот это езда так езда!» – сказал денщик Байкова Михаил, приди в себя после испытанных переживаний. Няня Фекла зарылась с головой в подушки, не будучи в состоянии видеть и слышать стремительный бег поезда. И только дочка Байковых «как ни в чем не бывало хохотала и шалила, смотря в окно и подымая с подушек няню»³².

Поезд подошел к станции Фуляэрди. До Харбина оставалось несколько дней пути. За окном расстилалась гладкая песчаная степь, нагонявшая неимоверную тоску. «Неужели вся Маньчжурия такая же плоская, унылая, безотрадная страна?»³³ – с ужасом думал Байков.

Михаил, глядя в окно вагона, ворчал себе под нос: «Ну и сторона! Будь она неладна! Куда это мы заехали? Почитай, на самый конец света, где бабы на небо белье вешают!»³⁴.

Наконец, почти через три месяца после отъезда, в конце февраля 1902 года, Байков с женой, дочерью, денщиком и няней прибыл в Харбин.

Харбин строился: кругом штабелями навалены были доски, кирпич, бутовой камень, пиленный лес и

³² Политехник (Сидней). 1979. № 10. с. 78.

³³ Байков Н.А. Записки маньчжурского охотника. Прощай, Европа! // «Наше знание». Тяньцзинь, 1942. с. 3.

³⁴ Русский Харбин. Н.А. Байков. Воспоминания. Мой приезд в Маньчжурию. 1902 год // «ЧеРо». Москва, 1998. с. 7.

цемент. На арбах материал подвозили к месту построек, «где копошились как муравьи тысячи китайцев-рабочих»³⁵.

С трудом устроившись в одну из двух имевшихся в городе гостиниц, Байков немного отдохнул и, надев парадную форму Пограничной стражи, отправился в Штаб Заамурского округа. Штаб располагался в одном из длинных саманных домов в центре города, над зданием его гордо развевался русский флаг. У входа стояли две старые чугунные пушки, отнятые у китайцев во время боксерского восстания³⁶.

Явившись в Штаб, Байков был принят начальником Военного округа и настоял на своем желании служить на Восточной линии КВЖД, несмотря на предложение остаться при штабе в Харбине, где ему предложили хорошую должность.

Еще через полчаса он получил предписание, проездные билеты до станции Пограничная и наряд на провоз 60 пудов вещей.

Однако дома эта весть была воспринята весьма холодно. Услышав, что он отказался от места при штабе округа, жена рассердилась не на шутку и укорила его в эгоизме. Правда, денщик Михаил был доволен, говоря, что в Харбине нет ничего хорошего – ветерок, песок, грязь и пыль и больше ничего. Аня Фекла была равнодушна, и ей было абсолютно безразлично, куда ехать, – всюду здесь плохо, всюду манзы³⁷ и хунхузы^{38,39}.

Уже на следующий день в восемь часов утра Байков с семьей выехал из Харбина на восток: «Мечты мои осу-

ществились; я попал в таинственную страну, носившую название Маньчжурия»⁴⁰.

Станция Пограничная (Суйфыньхэ), куда был направлен Байков, находится у самого предела Южно-Уссурийского края. Добравшись, наконец, до места назначения, Байков вступил в должность заведующего оружием 3-й бригады. Он должен был два раза в год объезжать ее части, расположенные от станции Пограничной до станции Эрцендяньцы.

Так он попал в Заамурский округ Пограничной стражи, всех служащих которого называли заамурцами. В обязанности их входила охрана самой КВЖД и так называемой полосы отчуждения, широкой полосы по обе стороны железнодорожной линии, в которой действовали русские законы, был учрежден русский суд, русская полиция.

Разбитые по постам по линии КВЖД и подъездным лесным веткам, на протяжении двух тысяч километров «заамуры несли не за страх, а за совесть свою тяжелую и опасную службу»⁴¹. Постоянные стычки с хунхузами и боксерскими отрядами; таежная охота на диких зверей; возможность наблюдать за древней тайгой, быть первым ее исследователем – все это наполнило жизнь Байкова новыми впечатлениями, событиями и приключениями, о которых он мечтал еще мальчишкой.

Быстро привыкнув к непривычному быту таежника, он мог на очередном посту или в бедной фанзе китайского зверобоя, отужинав кабантины и выпив «изрядное количество стаканов чаю», забраться на теплый кан⁴², и, невзирая на полчища клопов, заснуть крепким сном уставшего, но здорового и счастливого человека⁴³.

Много интересного, необычного и удивительного наблюдает Байков во время своих путешествий по таежным

³⁵ Байков Н.А. Записки маньчжурского охотника. Прощай, Европа! // «Наше знание». Тяньцзинь, 1942. с. 4.

³⁶ Боксерское движение (или антиимпериалистическое восстание иххтуаней) – восстание в Северном Китае в 1899–1901 годах. В июле 1900 года иххтуаны вступили в Пекин. Войска Японии, Германии, Англии, США, Франции, России подавили восстание, а Китаю было предложено подписать кабальный заключительный протокол.

³⁷ Манзы (кит.) – зд. китайцы.

³⁸ Хунхузум (кит.) – бандиты, разбойники.

³⁹ Байков Н.А. Записки маньчжурского охотника. Прощай, Европа! // «Наше знание». Тяньцзинь, 1942. с. 83.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Байков Н.А. Сказочная быль. Счастливая Хорватия // «Наше знание». Тяньцзинь, 1940. с. 27.

⁴² Расположенный вдоль стены невысокий каменный или глинняный выступ, используемый как лежанка, под которым проходят печные трубы.

⁴³ Байков Н.А. Черный капитан. Маньчжурская быль – роман из жизни заамурцев по охране КВЖД. 1901–1910 гг. // «Наше знание». Тяньцзинь. 1943. с. 45.

дебрям Маньчжурии: вот медведь забрался на телеграфный столб, и 20 вооруженных людей стоят в недоумении, не зная, как его снять; или тигр лег на рельсы и ни за что не хочет уходить – на полдня движение поездов остановлено; да и где еще можно получить телеграмму: «срочно присыпите кого-нибудь – станцию осаждают тигры»...

Воспоминания об этих золотых годах будут согревать его на протяжении всей долгой скитальческой жизни.

Но то, что для Байкова являлось воплощением мечты, было неприемлемо для молодой привычной к городской жизни женщины – его жены. Их брак распался.

* * *

Байков приехал в Маньчжурию вскоре после боксерского восстания 1899-1900 годов. Остатки повстанцев, да и просто бандиты-хунхузы долго еще тревожили охрану КВЖД.

Несмотря на некоторую бутафорность сражений – часто китайцы шли в бой почти безоружными, имея только ножи и неся перед собой бумажных драконов, которые должны были навести панику на «белых дьяволов», или толкали перед собой огромные деревянные пушки – порой стычки принимали весьма ожесточенный характер.

Со временем открытых столкновений становилось все меньше, но тем опаснее была служба охранников КВЖД. «Озлобленные остатки боксерских банд и жестокие хунхузы ушли в тайгу в надежде спрятаться там до лучших времен. Случайные встречи с ними грозили большими неприятностями и даже гибелью»⁴⁴.

Байков несколько раз сталкивался с хунхузами во время охоты. Но судьба была благосклонна к нему – китайцы уходили, оставив его целым и невредимым.

Вскоре Байков получает назначение на должность заместителя адъютанта бригады (адъютант отвечал за

проведение специальных операций и разведки). Он начинает тщательно изучать тактику хунхузов, подмечая такие детали, на которые другие не обращали внимания. Эту честру – острую наблюдательность – быстро подметил начальник штаба 3-й бригады А.И. Деникин, впоследствии один из руководителей белого движения. Увидел он и другие качества, необходимые молодому разведчику: смелость, предприимчивость, владение иностранными языками, склонность к изучению восточных наречий. К тому же во время частых застолий Байков знал норму (крайне важное качество для русского человека), а по утрам в любой обстановке баловался двухпудовой гирей.

Байкову стали доверять особые поручения. Первыми заданиями были маршрутные съемки китайской территории с обозначением железной дороги и близлежащей местности, с указанием всех топографических подробностей.

Во время русско-японской войны Российская армия не имела карт разрастающегося театра военных действий. Тогда Байкову, возглавившему отряд из 25 пограничников, поручают составить описание малозаселенной и малоизученной территории Маньчжурии.

И в этом деле Байков достиг больших успехов. Карты, составленные его отрядом, отличались информативностью и точностью. По окончании войны военный министр А. И. Куропаткин приказал представить к наградам всех пограничников разведотряда Байкова.

С 1906 года Байков работает в топографическом отряде Генерального штаба по съемке и составлению двухверстовой карты Северной Маньчжурии.

* * *

Исправно занимаясь всеми служебными обязанностями, Байков никогда не забывал о главном деле своей жизни. Будучи ответственным начальником и исполнительным подчиненным, имея прекрасные пер-

⁴⁴ Байков Н.А. Чёрный капитан. Маньчжурская быль – роман из жизни заамурцев по охране КВЖД. 1901-1910 гг. // «Наше знание». Тяньцзинь. 1943. с. 45.

спективы на военном поприще, Николай Байков все же воспринимает службу как вынужденный и временный этап своей жизни.

Все свободное от службы время он проводит, делая сборы и наблюдения для Императорской Академии наук (по совету Менделеева он привез с собой все необходимое для научных работ и сборов). Результаты – коллекции для Зоологического музея и натуралистические очерки – он отправляет в столицу.

Пишет он много, в основном натуралистические заметки, наблюдения над тайгой: «Звероводство в Маньчжурии» (1903), «В Маньчжурии» (1904), «Случайная охота в Гиринской провинции» (1904), «Фауна и охота» (1905), «Охота у горы Маоэршань» (1907), «По тигровым следам» (1907), «На тигре. В Маньчжурии» (1909), «Змеи и их приручение» (1911), «Собаки Маньчжурии» (1911), «Русские трапперы в Маньчжурии» (1912), «В горах и лесах Маньчжурии» (1914). К 1914 году Байков опубликовал 13 очерков.

Уже эти ранние работы пронизаны любовью и уважением к природе, мальчишеским восхищением передней и отеческой заботой.

* * *

В эти же годы Байков познакомился с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. В тяжелые времена эмиграции он не раз будет обращаться к нему за поддержкой и советом.

Пути их поначалу во многом удивительно схожи. Рожденные в одном и том же году, почти в одно и то же время оказываются они у восточных границ Империи. Даже дочери их были ровесницами, да и назвали обеих Наташами.

Оба хотели посвятить себя изучению Дальнего Востока. Однако один стал известным и, главное, признанным гражданином своей страны, второй же доживал свой век в безвестности и безденежье на чужбине.

Их дружба многое дала не только Байкову, но и Арсеньеву. Е.В. Витковский пишет даже, что книги Арсеньева

«По Уссурийскому краю» (1921) и «Дерсу Узала» (1923), «пользовавшиеся большой популярностью в СССР, были написаны под влиянием Н. Байкова»⁴⁵.

* * *

Трепетное отношение к природе сочеталось в Байкове с азартом охотника. Охота была для него священным ритуалом. Где же удача, где храбрость и страсть науки, спрашивает он, если охотник едет в бронированной машине с автоматом в руках? – так обычно «охотятся» европейцы. Или индийская охота на тигра, когда стрелок, сидя на спине слона, бьет загнанного зверя без всякого для себя риска⁴⁶. Что сказал бы он о сегодняшних VIP-охотниках, которые отстреливают беззащитных животных, сидя в вертолетах...

Но как было Байкову не уважать русских охотников, в одиночку идущих на тигра или медведя, или уссурийских тигроловов, берущих – живого! – зверя голыми руками.

Байков ощущает себя частью разноголосой тайги. Входя в ее владения, он принимает ее законы, преклоняясь перед ее первобытной красотой.

В одном из очерков, «Жизнь лучше смерти», Байков описывает, как во время охоты он и его товарищи были заворожены битвой изюбрея: «Они сошлись вплотную и молча вступили в единоборство. Искусно фехтуя рогами, они старались пронзить друг друга. <...> Стойкие фигуры зверей, их могучая мускулатура и страсть борьбы увлекли не только меня, но и моего компаньона. Мы, не отрываясь, наблюдали за боем, забыв, что в руках у нас смертоносное оружие»⁴⁷.

Но внезапно появившаяся медведица с медвежатами спугнула изюбрея. Охотники не успели сделать ни единого выстрела. Но это их ничуть не расстроило.

⁴⁵ Писатели русского зарубежья (1918-1940). Справочник. III ч. // ИИОН РАН. Москва, 1995. с. 200.

⁴⁶ Байков Н.А. У костра. Рассказ шофера // «Наше знание». Тяньцзинь, 1940. с. 19.

⁴⁷ Байков Н.А. Тайга шумит. Жизнь лучше смерти // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 149-151.

Упустив столь прекрасную добычу, они непринужденно расхотались. С тех пор их «винтовки не раз опускались перед чудною красотой Божьего мира»⁴⁸.

О своих охотничих успехах Байков всегда рассказывал с гордостью. В 1937 году в письме к бывшему министру колчаковского правительства И.И. Серебренникову⁴⁹, задумавшему первую биографию Байкова, он пишет: «Как охотник-натуралист я вел всегда точный учет своих трофеев и количество добытых зверей и птиц. Охотился я во многих странах старого света, как-то: Россия, Африка, Азия и Малайские острова. В России охотился в Польше, Литве, Малороссии, Полесье, на Кавказе, в Архангельской губернии. В Европе только в Галиции и в Карпатах. В Африке – в Египте, Судане, Абиссинии, Восточной Африке (Танганьика). В Азии: в Индокитае, на Яве, Цейлоне, в Индии, в Гималаях и в Маньчжурии.

Но я никогда не был промышленником в полном смысле слова и работал не только для себя, но и для Императорского Музея Академии наук. Мои трофеи и сборы имеются в музеях Санкт-Петербурга, Тифлиса и немного в Харбине. Если описать все мои путешествия, охоты и приключения, то получится объемистый том, а то и два тома»⁵⁰.

* * *

В 1910 году Байков принимает командование 6-й ротой Заамурского пехотного полка на станции Шитоухецы.

«Даю вам роту с тем, чтобы вы ее исправили и подтянули!» – получает он приказ командира полка. После такой нелестной рекомендации Байков был очень удивлен храбростью и преданностью заамурцев. Вскоре его подчиненные стали отличными следопытами, в одиночку ходившими не только на медведей, но и на тигров, которых в те времена водилось много в горных лесах Восточной

⁴⁸ Там же. с. 152.

⁴⁹ Хисамутдинов А. В лесах Маньчжурии // «Проблемы Дальнего Востока», 1997, № 5.

⁵⁰ Hoover Inst. Серебренников И.И. Box 3 (Письма Н.А. Байкова). Все письма Байкона приведены по данному источнику.

Маньчжурии⁵¹. Слава о них прошла по Маньчжурии, и рота Байкова получила название «Тигровой», как и главная лесная конcession, находившаяся под ее охраной.

Охотясь на тигров, Байков прекрасно изучил их повадки и образ жизни. Эти наблюдения он изложил в ряде натуралистических очерков: «По тигровым следам» (1907), «Маньчжурский тигр» (1925), «Тигры на Дальнем Востоке» (1927), «Охота на тигра» (1927) и др.

Помимо чисто научных наблюдений, уже тогда Байков выступает с публицистическим памфлетом в защиту маньчжурского тигра – «Владыка тайги»:

«Этот хищник представляет собой редкий вымирающий реликт маньчжурской фауны, сохранившийся от времен третичного периода. У торговцев дикими зверями на мировой бирже он расценивается наравне с такими униками, как бозен, зубр, комодийский варан, окапи и др. редкие вымирающие звери и пресмыкающиеся. <...>

Этот царственный зверь с незапамятных времен у многих народов Восточной Азии пользуется особым почитанием. В религиозных воззрениях этих народов существует даже особый «культ тигра», связанный с целым циклом верований, обрядностей и обычаев. Маньчжуры считают, что Великий Ван⁵² – царь всех зверей; в его теле находится душа умершего великого человека, царя или князя. Тигр для маньчжура – священный зверь, перед которым преклоняются, воздвигают алтари и кумири и совершают моление «Великому духу гор и лесов»⁵³.

По разным сведениям, сам Байков убил двух или трех тигров. Но совершенно точно, что один из убитых им тигров был Великим Ваном. Несколько лет этот огромный тигр, выделявшийся среди прочих необыкновенной силой и хитростью, нагонял страх на местных

⁵¹ Байков Н.А. Тайга шумит. Тигровая рота // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 111.

⁵² Великий Ван – старый тигр, весом более 160 килограммов, с изображением на голове иероглифа «Ван». Он ценится намного дороже. Среди других тигров (и прочих обитателей тайги) обладает непрекращаемым авторитетом. Ольяненный своей безграничной властью, иногда начинает нападать на людей.

⁵³ Байков Н.А. Сказочная быль. Владыка тайги // «Наше знание». Тяньцзинь, 1940. с. 84-85.

жителей, убивая всех, кто пытался его преследовать. Никто не мог с ним справиться, и только русский офицер нашел, выследил и уничтожил людоеда.

* * *

Частенько приходилось Байкову забредать в дебри лесов «Императорской охоты», которые в те времена представляли собой волшебный мир, не тронутый рукой человека. В эти заповедные пуши – около 10.000 квадратных километров – не допускался никто, кроме охотников-егерей, соболовщиков и искателей женщины. Охрана бдительно оберегала свои владения от браконьеров, а отрубленные головы последних, вывешенные на окраине лесов, служили наилучшим предупреждением.

Каждый год поздней осенью здесь устраивались царские охоты в присутствии самого Богдана. Одних тигров убивали до 50 и более! Шадили только Банов, их отгоняли в горы особые егера из местных звероловов⁵⁴.

Во время своих походов по тайге Байков много раз встречался с этими егерями. Это были уже ветхие старики, доживающие свои дни в таких же ветхих и убогих лачугах-фанзах, в дебрях дикой дремучей тайги, где протекала вся их долгая, богатая переживаниями и воспоминаниями жизнь⁵⁵.

Порой ему приходилось ночевать в их фанзах, и они рассказывали ему чудные сказки-были о давнопрошедшем, а он с увлечением слушал их старческий лепет, и «иногда казалось, что это шепот первобытного леса и шум древней тайги доносится издалека, из темных тайников Шу-Хая, Лесного Мора»⁵⁶.

* * *

В 1907 году по ходатайству Менделеева Министерство государственных имуществ наградило Байко-

⁵⁴ Байков Н.А. Тайга шумит. Сказочная быль // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 117.

⁵⁵ Там же. с. 118.

⁵⁶ Там же.

ва земельным участком в 500 десятин (примерно 500 гектаров!) в Южно-Уссурийском крае на берегах реки Иман. Академия наук присвоила ему почетное звание «Сотрудник-корреспондент».

Здесь Байков собирался устроить заповедник для наблюдений за жизнью диких животных. На станции Пограничной у него уже был зверинец. Были там и крупные животные: медведи и волки, лисицы, кабаны, изюбрь, косули, барсуки, соболя, бурундук; и птицы – журавли, орлы, ястребы, фазаны, куропатки; и даже пресмыкающиеся – амурские полозы, тигровые ужи, щитомордники и черепахи⁵⁷...

Служба не давала полной свободы для научно-исследовательской деятельности, и в 1914 году ротмистр Н.А. Байков вышел в отставку. К этому времени он был одним из наиболее известных офицеров-пограничников на КВЖД. Судьба благоволила к нему. Все условия для исследований были созданы.

Но мечте не суждено было сбыться, и вместо желанной тайги он попал на фронт первой мировой войны.

Уезжая в 1915 году, Байков выпустил всех животных в тайгу.

* * *

Почти три года Байков проводит в действующей армии на австро-венгерском фронте в Галиции недалеко от города Рава Русская. Во главе заамурцев он храбро бьется «за Веру, Царя и Отечество». Получает ранение, затем контузию. Но вновь и вновь возвращается на поле боя. К концу войны он уже полковник и кавалер ордена Святого Владимира III степени с мечами и бантом.

Мрачные и жуткие воспоминания войны воплотились в очерки и рассказы сборника «По белу свету».

Наступает 1917 год.

⁵⁷ Жернаков В.Н. Николай Аполлонович Байков // Мельбурнский университет, 1968. с. 3.

Мнения исследователей об отношении его к революции и гражданской войне различны. А. Хисамутдинов пишет: «Советскую власть Н.А. Байков не принял. Изменив внешность и отпустив бороду, он бежал на юг. Полковник Байков командовал Полтавской дружиной (1918), воевал против красных в добровольческой армии в офицерском батальоне генерала Гуттенберга (1919). Перерыв в кровавой бойне он сделал в Николаевске, когда тяжело заболел тифом»⁵⁸.

Иное мнение высказывает Олег Щербаков в статье «Разведчик, ставший философом»: «После революции многие, особенно молодые, растерялись. Умудренный жизненным опытом, уже немолодой Байков пришел к мысли: не стоит поддерживать ни белых, ни красных.

В конце 1917 года Байков приезжает в Киев. Здесь он знакомится и делает предложение Вере Ивановне Круминг, которая на всю жизнь становится его надежной спутницей.

Вскоре берега Днепра заняла добровольческая армия под командованием бывшего соратника Байкова по Маньчжурии А.И. Деникина. Испытывая остройшую нехватку в опытных офицерах, Деникин предложил Байкову (к тому времени полковнику) желанное для многих звание генерал-майора. Николай Аполлонович отказался.

Как бы там ни было, в 1920 году вместе с белой армией Байков покидает страну. В очередной раз ему предстоит обойти полмира в поисках своего заветного Шу-хая.

Пароход «Саратов» привозит Байкова с семьей в Египет. Здесь он встречает множество интересных и знаменитых людей, переживающих, как и он, все невзгоды эмигрантской жизни.

Среди беженцев были и губернаторы, и заслуженные генералы, чиновники высшего ранга, фельетонисты, художники, литературные критики... «Здесь на чужбине беженство и эмигрантская жизнь сравняли всех – боль-

ших и маленьких, богатых и бедных, умных и глупых, знатных и простых, белых и черных»⁵⁹.

В Египте, находясь в гостях у английского короля, все русские беженцы получали обмундирование и довольствие простого английского солдата. Впрочем, этого вполне хватало.

Прошло две недели обязательного карантина. И после его снятия русских перевезли в Ливийскую пустыню, в оазис Тель-эль-Кебир. Территория лагеря, занимавшая площадь в два квадратных километра, была обнесена оградой из колючей проволоки, высотою в три метра. Лагерь был хорошо оборудован: главное – имелась в изобилии артезианская вода для питья и душа.

Несмотря на 35-градусную жару и возможность печь яйца в песке за палаткой, несмотря на отсутствие влаги в воздухе, несмотря на периодически налетающие сирокко – когда с запада несется тучи мелкого песка и температура поднимается до 50 градусов, – несмотря на все это, никто из беженцев не болел, и даже наоборот, многие больные поправились.

Быстрее всего приспособились дети, они проводили по целым дням на солнце, роися в песке и бегая с открытой головой по пустыне. Вскоре все они по цвету кожи стали похожими на арабчат⁶⁰.

Дочь Байкова и Веры Круминг, которой тогда было всего несколько месяцев, «чувствовала себя под жгучим африканским солнцем прекрасно. Посаженная матерью на песок около палатки, она зарывалась в него, как ящерица, и играла с копрами⁶¹, которые подкатывали к ней свои шарики»⁶².

⁵⁸ Байков Н.А. Сказочная быль. В стране фараонов // «Наше знание». Тяньцзин, 1940. с. 39.

⁶⁰ Там же. с. 43.

⁶¹ Копр – (Coprifis), род жуков семейства пластинчатоусых. Жук и личинки питаются навозом коров и лошадей. Самка роет под кучей свежего навоза норку, куда натаскивает навоз, придает комкам грушевидную форму и откладывает в них яйца.

⁶² Байков Н.А. Сказочная быль. В стране фараонов // «Наше знание». Тяньцзин, 1940. с. 45.

Дочь Байкова – Наташа родилась в Новороссийске в 1919 году, во время отступления Деникинской армии. В Тель-эль-Кебире ее крестили в лагерной, построенной из камыша, православной церкви. Метрическое свидетельство о крещении было удостоверено английской военной комендатурой оазиса Тель-эль-Кебир⁶³.

Через год Байкова с семьей, как и других русских беженцев, перевезли в лагерь на берегу Средиземного моря. Он находился в десяти километрах к западу от Александрии и назывался Сиди-Бишр.

Здесь жизнь разнообразилась купаньем в море, поездками в Каир и Александрию, рыбной ловлей и спектаклями любителей в походном театре, декорации, занавес и украшения которого были разрисованы в древнерусском стиле художником Билибиным.

Несмотря на все эти развлечения, режим в лагере был довольно строгий. А с приходом к власти в Англии лейбористов он сразу изменился к худшему.

В Сиди-Бишр Байковы пробыли меньше года. Пришли известия о том, что во Владивостоке сформировано национальное временное правительство Меркулова. Англичане дали добро, среди русских нашлось 70 человек, желающих ехать на Дальний Восток, и в один прекрасный день английский военный крейсер «Адмирал Гардин» увез их из гостеприимной Африки в Бомбей, в неизвестное будущее.

* * *

Некоторое время Байков с семьей провел в Индии. И когда в 1922 году он, наконец, попал во Владивосток, белое восстание было уже подавлено.

В этом же, 1922 году, он возвращается в Маньчжурию, в Харбин. Однако это уже совсем другой город. По переписи 1923 года население Харбина насчитывало 127 000 человек⁶⁴.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Рачинская Е. Перелетные птицы // «Глобус». Сан-Франциско, 1982. с. X.

Культурный уровень населения Харбина всегда был весьма высок: с самого основания города в 1898 году русское правительство заботилось «о духовных запросах населения. Храмы и школы начали появляться в первые же годы строительства дороги: десятки школ – начальных, выше-начальных, гимназий, училищ»⁶⁵.

С поражением белой армии в город хлынули тысячи эмигрантов. Ученые, преподаватели, писатели, поэты, артисты, певцы, танцовщицы, архитекторы, купцы, коммерсанты, спортсмены – они принесли с собой в Харбин свои знания, свой опыт, свои деньги.

В городе появляются русские университеты и институты, соборы и церкви, издательства и литобъединения; на улицах звучит русская речь.

Литературная жизнь 20 – 40-х годов была богата событиями. В 20-е годы в Харбине издавались журналы «Рубеж», «Заря», «Вестник Маньчжурии» и другие. Газеты возникали и исчезали довольно быстро, отвечая широчайшему спектру вкусов и интересов: от прояпонского «Времени» до фашистского «Нашего пути», от монархической газеты «Свет» до коммунистического издания «День». Выходило около десяти разных газет с тиражами от пяти до двенадцати тысяч экземпляров.

Литературные собрания и кружки тоже были на любой вкус. В созданную в 1926 году «Чураевку», например, в разное время входили Николай Щеголев, Алексей Ачаир (Грызлов), Георгий Гранин, Валерий Перелешин, Борис Юрьевский, Лариса Андерсон, Михаил Волин, Николай Светлов, Петр Лапиков, Василий Обухов, Наталия Резникова, Михаил Шнейссер. Порой студию посещали и писатели старшего поколения Всеволод Иванов, Арсений Несмелов⁶⁶.

«Чураевка» дала возможность говорить и спорить о сокровенном. Люди, молодые и не очень, стремились туда в поисках воздуха родины. И здесь они получали,

⁶⁵ Политехник (Сидней). 1979. № 10. с. 163.

⁶⁶ Русский Харбин. Слободчиков В.А. «Чураевка» // «ЧеРо». Москва, 1998. с. 70.

пусть и дозированный, и дистиллированный, но все же – привет из прошлого.

Помимо «Чураевки» в Харбине были и другие кружки: имени Н.А. Гумилева, имени П.Н. Краснова. Был и кружок имени писателя-натуралиста Н.А. Байкова, в котором Николай Аполлонович состоял почетным членом.

По словам Вс.Н. Иванова, Харбин тех лет «был красивый и богатый город-гибрид, – оригинальный и сильный, созданный общими трудами народов Китая и России»⁶⁷.

«Люди жили по-русски, попросту, сблюдая обычай: на Масляной ели блины, катались вместо троек на рикшах, а на Пасху ходили по улицам и умилялись, слыша звон колоколов: в церквях шла служба»⁶⁸.

Не только Иванов, многие считали, что жить в Харбине было можно, и жить неплохо – дешево, сытно, спокойно⁶⁹. Как дома. Почти.

«Харбин, в сущности, сделался единственным свободным русским городом на всем земном шаре, в котором жизнь шла прежним, старым, русским, размеренным порядком»⁷⁰.

Но этот богатый и радушный для русских город не очень приветливо встретил Байкова с семьей: жили в долг, перебивались случайными заработкаами.

Вскоре они переезжают на станцию Эхо, а потом на станцию Яблоня, где Байков устраивается на службу в лесопромышленное предприятие В.Ф. Ковальского, на лесную концессию простым сторожем. Позже он получает место десятника. Однако после соглашения 1924 года между Китаем и СССР о паритетном управлении КВЖД он вынужден оставить и эту должность, так как по условиям соглашения «русским служащим было предложено или

брать советские паспорта, или переходить в китайское гражданство, или же, наконец, увольняться с дороги»⁷¹. Байков предпочел третью. Они возвращаются в Харбин.

О своих злоключениях он пишет в письмах к Арсеньеву:

«Сегодня получил от Вас три книжки Ваших трудов, за что приношу глубокую благодарность и признательность. Я их еще не читал, но, судя по беглому взгляду, они так же интересны и живо написаны, как и все ваши труды по описанию природы и быта обитателей нашего Дальнего Востока. <...>

До поступления на концессию Ковальского я зарабатывал на хлеб и кормил семью чертежными работами в частных фирмах Харбина и продажей чучел птиц. На концессии я прослужил в качестве десятника три года, получая по 40 золотых рублей в месяц. Теперь остался с семьей на улице, без средств и без куска хлеба. Советского паспорта не взял до сих пор по причине, что не имел возможности это сделать, за неимением средств, т.к. мне едва хватало заработка, а затем жалованья на пропитание. Первый год службы у Ковальского был сторожем и получал 25 иен, т.е. 15 золотых рублей в месяц. Кроме того, приходилось выплачивать долги, которые я сделал за первое время безработицы. Таким образом, я никак не мог уделять ту сумму, которая необходима для уплаты за регистрацию и паспорт СССР. Помимо того, я жил все время на линии, вдали от Харбина, и поездка в Харбин для выбора паспорта была для меня совершенно бесполезна. В настоящее время, лишившись места, я не имею и тех грошей, которые зарабатывал для семьи тяжелым трудом. В профсоюз меня не принимают, т.к. я не пролетарского происхождения, надо сперва зарегистрироваться и принять подданство СССР, что стоит значительных денег, которых у меня, к сожалению, нет. Словом, я попал в заколдованный круг, выйти из которого трудно».

Паспорт он все-таки получил и в 1925 году поступил на службу в земельный отдел КВЖД на должность стар-

⁶⁷ Русский Харбин. Вс.Н. Иванов. Харбин. 20-е годы // «ЧеРо». Москва, 1998. с. 13

⁶⁸ Там же. с. 15.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Петров В. Город на Сунгари // Издание русско-американского исторического общества. Вашингтон, 1984. с. 23.

⁷¹ Рачинская Е. Перелетные птицы // «Глобус». Сан-Франциско, 1982. с. VIII.

шего смотрителя лесных концессий. Но и здесь он зарабатывает ничтожно мало.

«На лето предполагаю поехать куда-нибудь на ли-нию, поближе к родной тайге, воздух которой должен окончательно излечить мое большое сердце, – пишет Байков в последнем письме к Арсеньеву⁷². – Лета мои (55) еще не так велики, и я еще не думаю сдаваться на капитуляцию; кроме того, мне необходимо прожить еще лет 10, чтобы поставить на ноги девяностолетнюю dochь. Через 10 лет я могу умереть спокойно, выполнив, по мере сил и возможностей, свой долг перед родиной, оставил некоторый след в краеведческой литературе Дальнего Востока по изучению его животного мира».

* * *

Еще в 1923 году в Харбине созданы Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК) и музей при нем. Байков активно помогает их деятельности. ОИМК избирает его пожизненным членом за труды по изучению природы Маньчжурии и дает задание написать несколько научно-популярных очерков, которые были напечатаны в журнале «Вестник Маньчжурии», а затем выпущены Обществом отдельным изданием. Это были «Маньчжурский тигр» (1925), «Изюбрь и изюбреводство» (1925), «Корень жизни (женьшень)» (1926), «Медведи Дальнего Востока» (1928).

«До 1934 года, – отмечала газета «Русская Жизнь», – Байков поместил в «Вестнике Маньчжурии» более 12 научно-популярных очерков, некоторые с обильным иллюстрационным материалом, на различные темы, от «Охотничьих племен Северной Маньчжурии» и «Зверowego промысла и пушной торговли Маньчжурии» до отчетов об экспедициях и кратких монографических описаний биологии редких или типичных представителей маньчжурской фауны, как, например, соболя, кабарги, фазана и т.п.».

⁷² Письмо это датируется июнем 1928 года. После этого переписка прекратилась.

Кроме работы в ОИМК он читает лекции в Обществе правильной охоты и рыболовства, в школьных и литературных кружках, у скаутов-пржевальцев и в Клубе юных натуралистов, выступает с публицистическими работами.

С 1928 года Байков преподает биологию в Железнодорожной гимназии. В 1930 году становится нештатным преподавателем естествознания в 4-м отделе Департамента народного просвещения в Маньчжурии. Но 1 сентября 1934 года его увольняют «за анткоммунистическую работу в школах и за отказ в лонгации советского паспорта, просроченного с 1932 года»⁷³.

Как раз в это время Маньчжурию занимают японцы, начинаются переговоры о передаче железной дороги, которая и состоялась в сентябре 1935 года. Многие русские вернулись в СССР. Но для Байкова этот путь был закрыт. Убежденный монархист, офицер белой армии, считавший октябрьскую революцию стихийным бедствием, он ненавидел советскую власть. Но ненависть к Советам, как и у большинства эмигрантов, соседствовала с любовью-страстью к Родине. Во время Великой Отечественной войны он очень переживал за поражения русских и был уверен, что, в конце концов, Россия все же победит⁷⁴.

Его отношения с японцами тоже были весьма неоднозначными. 20 лет назад он воевал с ними в русско-японской войне, а теперь они избавили его от назойливой опеки и цензуры СССР.

Япония со своей стороны всячески поддерживает Байкова как писателя Великой Восточной Азии. В это время она занята продвижением идеи «паназиатизма» (в противовес «европеизму»).

На этот период – с 1935-го по 1945 год – приходится расцвет художественного творчества Байкова. Он и его жена много и упорно работают. С середины 30-х годов

⁷³ Хисамутдинов А. В лесах Маньчжурии // «Проблемы Дальнего Востока», 1997. № 5.

⁷⁴ Ким Рехо. Николай Байков. Судьба и книги // Литературное обозрение, 1993. № 7.

один за другим публикуются объемные сборники, которые Байков сам иллюстрирует.

Он печатается в харбинских журналах и газетах «Природа и охота», «Нива», «Охотнико», «Охотник и пушник Сибири», «Вестник Азии», «Юность» и «Вестник Маньчжурии».

Здесь очерки и рассказы, повести и сказочные были и даже исследования по психологии, много публицистических статей. Всего за эти десять лет он опубликовал около 200 работ.

Тематика его произведений видна из их названий. Подзаголовок сборника «В дебрях Маньчжурии» – «Очерки и рассказы из быта обитателей тайги» – можно было бы поставить практически перед любой его книгой. Жизнь маньчжурской тайги и ее обитателей, коренных и пришлых – вот о чем пишет автор. Исключение составляет сборник «По белу свету», где описываются события 1914-1919 годов, свидетелем и участником которых был сам Байков.

Часто Байков подписывается псевдонимами: Заамурец, Зверобой, Следопыт, Промысловик, Скиталец. Иногда он печатается и под именем Пенсне, под которым его знали большинство товарищей по охоте. Этот псевдоним ему особенно дорог, ведь местные китайцы называли его – «яныцзин», т.е. очки (в смысле – интеллигентный человек).

В 1936 году выходит повесть Байкова «Великий Ван». Перед читателем история тигра – владыки маньчжурских лесов и гор, его жизнь от рождения до смерти. Тигра не простого, а Великого Вана. «На широком лбу его и на затылке обозначены были иероглифы «Дэ» и «Ван», то есть «Великий Князь».

«Великий Ван» приносит Байкову известность. Для русских и западноевропейских читателей «Великий Ван» был открытием нового материка с его чудесной природой и древними преданиями. Но книга Байкова была открытием и для восточных читателей. Никто из дальневосточных писателей не изображал так живописно и

романтично жизнь маньчжурской тайги, которая была совсем рядом⁷⁵.

Повесть была переведена на многие языки Восточной Азии. На китайском языке она была опубликована в 1942 году (в переводе с японского), двумя годами раньше, в 1940-м, газета «Мансю нити нити симбум» («Ежедневная маньчжурская газета»), выходящая в Порт-Артуре на японском языке, из номера в номер печатала повесть Байкова.

Байков сразу приобрел известность в Японии. В 1941 году «Великий Ван» выходит отдельной книгой. 100 тысяч экземпляров разошлись, к удивлению издателей, очень быстро. В послевоенное время книга многократно переиздавалась. В 1952 году она вышла сразу в трех крупнейших издательствах Японии, причем в трех различных переводах⁷⁶. В Корее повесть впервые появляется в 1993 году в издательстве Кэмонса (Сеул).

«Великий Ван» до сих пор переиздается в Японии и Корее.

Вслед за «Великим Ваном» Байков выпускает несколько сборников. По одному в год – «По белу свету» (1937), «Тайга шумит» (1938), «У костра» (1939), «Сказочная быль» (1940). За исключением «По белу свету», все они посвящены теме тайги. Байков вновь проживает те далекие и счастливые годы, описывая свои охоты («Владыка тайги», «Таежные встречи»), свою службу («Тигровая рота»), свои приключения («Забавное происшествие», «Сумасбродная затея») – все то, что так дорого его измученному эмигрантскому сердцу. Он вспоминает о привольной жизни времен начала постройки КВЖД («Счастливая Хорватия»), о нелегких, но полных надежды годах эмиграции («В стране фараонов»), о том, что уже навсегда ушло, о том, чего не вернуть. Не вернуть в жизни, но можно заново все это воссоздать и увидеть и

⁷⁵ Ким Рехо. Николай Байков. Судьба и книги // Литературное обозрение, 1993. № 7.

⁷⁶ Там же.

почувствовать на страницах его книг. Он пишет о прошлом. Он живет прошлым.

Главное действующее лицо большинства его рассказов – Шу-Хай – лесное море маньчжурской тайги. Тайга для Байкова сакральна: «Массивные высоченные стволы колоссальных кедров поднимаются вверх и теряются в густой, непроницаемой для солнца хвое. Здесь царит вечный полумрак, как в храме»⁷⁷. И правда, природа для Байкова именно храм. Человек входит в его святая святых – таинственные таежные дебри, но он здесь не более чем жрец, а порой и всего лишь жертва.

Описываемые им события происходят то посреди зимней равнины, где «яркое зимнее солнце, пробиваясь в лесную чащу сквозь темную хвою старых кедров, искарилось, переливаясь радужными цветами на ослепительно белой пелене снега», то на фоне «благоухающей весеннеей ночи, которая окутала землю своим призрачным пологом. Издалека доносится рокот горной речки, и цветущая тайга напевает свои тихие задушевные песни. Жизнь в ней бьет ключом и кажется, что грудь земли вздымается и дышит, наполняя воздух ароматом своего дыхания». Музыка дикого леса завораживает и успокаивает. Как завораживает и восхищает вид Шу-Хая, могучего, бесконечного, уходящего зелеными волнами «в туманную даль горизонта».

Часто кажется, что сюжет, событие служат автору лишь поводом, чтобы снова и снова вернуться в тайгу, рассказать о ней. Но этому великолепию скоро придется конец. Алокалиптические мотивы нередко проскальзывают в рассказах Байкова, и связаны они с вмешательством человека в упорядоченное бытие тайги. Люди пытаются приспособить тайгу для своей жизни и наносят ей страшный ущерб. Древние могучие деревья срубаются под корень пришлыми китайцами только для того, чтобы удобнее было собирать орехи. С негодованием и горечью пишет Байков о бесславной гибели лесов: «Де-

сятки, сотни обтесанных смолистых кедровых бревен разбросаны были по тайге, и мертвые богатырские тела их белели среди куч поваленной хвои, красноватых ветвей и щепы. <...>

Мне казалось, что я вижу перед собой поле битвы, с телами павших воинов-богатырей...»⁷⁸.

Или вот перед нами гигантский пятисотлетний кедр – «патриарх лесов». «Он имел более 20 сажен в высоту, при 3 сажнях в окружности у корня».

На его густой кудрявой вершине, возвышающейся над лесом, люди установили платформу с перилами. Вокруг ствола вилась деревянная лестница.

«На этом кедре устраивались пирушки, и гости из Харбина засиживались здесь до утра, встречая восход солнца, когда золотые лучи его освещали гранитную твердыню Тигровой Горы, и тайга тихо напевала свою венчнюю песню»⁷⁹.

Явственное осуждение звучит в словах Байкова. Глупые и малодушные забавы людей оскорбляют достоинство пятисотлетнего «патриарха тайги». И вместе с ним негодует и Байков: «Любители сильных ощущений приезжали издалека испытать свои нервы, стараясь подняться на самый верх в бурю, когда тайга шумела, как море, и лесной богатырь раскачивался как тростинка»⁸⁰.

Недолго древний гигант смог выдержать такие надругательства: «он упал на землю и разбрзлся на несколько частей. В конце концов, его покололи на дрова и сожгли в котире»⁸¹.

Вмешательство человека гибельно для тайги. Человек должен прийти сюда в гости, а не домой. И лишь тогда он найдет гармонию. Но и сама тайга сурова к чу-

⁷⁷ Байков Н.А. У kostра. У тигровой горы // «Наше знание». Тяньцзин, 1940. с. 189.

⁷⁸ Байков Н.А. Тайга шумит. Патриарх лесов // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 13.

⁷⁹ Там же. с. 14

⁸⁰ Там же.

⁷⁷ Байков Н.А. Тайга шумит. Кольцо с рубинами // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 126.

жакам. Она и ее обитатели живут по своим таежным законам. Нарушившие его гибнут.

Люди, живущие в тайге, – другие. У них свои представления о морали, о чести, о справедливости. Вот, к примеру, «Божий суд» по законам таежников: двое друзей устраивают «дуэль» (хотя нет, скорее, охоту) из-за женщины: «Кто первый выследит и убьет, тот будет прав перед Богом и перед людьми». Перед боем ударили по рукам, обнялись, поцеловались, прочитали молитву и, взяв винтовки с одним патроном, разошлись на километр. Потом начали сближаться, «выслеживая друг друга, как на охоте зверя»⁸². Один погибает, другой остается с женщиной, родившей ему сына от погибшего друга. Они счастливы, никакого душевного дискомфорта, так как все решилось по соглашению, по-божески, т.е. по первообытному закону тайги (рассказ «Драченок»).

Другая тема, болезненная и близкая для Байкова, – судьба русских эмигрантов. Стараясь выжить, они бегутся за любую работу. Скитаясь по белу свету, автор узнает в укротителе диких зверей товарища по охоте, а в Индии он встречает своего соотечественника, ставшего заклинателем змей. Кому-то удается устроиться, кому-то даже разбогатеть, многие же спиваются.

Маньчжурское прошлое настигает людей в самых неожиданных местах. Иван Грачев, русский эмигрант, единственный из зрителей цирка, кто решился на предложение укротителя войти в клетку с дикими зверями во время жестокого аттракциона в Александрии. Но укротитель допускает оплошность, и хищники начинают беспокоиться.

«Выходите!» – кричит грек-переводчик.

Но уже поздно. «Лев и бенгальская тигрица, стоявшие впереди, бросились на Грачева и готовы были нанести ему смертельные удары своими мягкими, но тяжелыми лапами.

⁸² Байков Н.А. Тайга шумит. Драченок // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 55.

Неожиданно между человеком и зверями выросла огромная фигура сибирского тигра, и угрожающий рев его, потрясший все здание цирка, остановил нападавших. <...>

Тигр подошел к Грачеву и, склонив свою прекрасную могучую голову, стал к нему ласкаться по-кошачьи⁸³.

Это оказался Васька, которого Грачев взял еще молчным тигренком, вскорил и воспитал, но из-за войны вынужден был продать торговцу зверями.

Пораженный увиденным, дрессировщик предлагает охотнику выгодную работу. На чужбине перед безработным Грачевым открываются большие возможности, карьера. Однако для Грачева Васька – друг, а вовсе не дрессированная кошка. Таежные законы не позволяют ему устраивать из дружбы аттракцион. «Наш земляк наотрез отказался выступать публично в цирке и, получив, в виде компенсации, незначительную сумму, запил горькую, опустился окончательно и исчез бесследно»⁸⁴.

В творчестве Николая Байкова беллетристика и натуралистические заметки соседствуют с публицистикой. В своих статьях он живо откликается на проблемы современности, снова и снова говорит об угрозе, которую представляет человек для природы, предупреждает, призывает.

Отдельную часть его публистики составляют заметки о великих людях, с которыми ему довелось повстречаться: «Заветы Пржевальского» (1937), «Воспоминания о Менделееве» (1940), «Встреча с Антоном Павловичем Чеховым» (1945), «Пуришкевич» (1937), «В стране фараонов» (1940) и др. Кроме реальных встреч и событий он пишет и просто о разных интересных людях. Среди таких работ очерк о Яновском – «Дэнун» (1937), статья о пребывании Витте на КВЖД – «Граф Витте в Маньчжурии» (1945), очерк о его кавказском предке – «Шамиль – имам Чечни» (1944).

⁸³ Байков Н.А. Тайга шумит. Васька // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1937. с. 67.

⁸⁴ Там же. с. 68.

Помимо рассказов и очерков Байков публикует и два романа – «Черный капитан» (1943 и посмертное издание 1959) и «Тигрица» (1940). Некоторые исследователи относят к романам и «Великого Вана».

Романы Байкова посвящены все той же теме – «Маньчжурия, ее природа и люди».

В подзаголовке к «Черному капитану» сказано «Маньчжурская быль-роман из жизни заамурцев по охране КВЖД 1901-1910 гг.». Именно этому и посвящен роман: неторопливо рассказывает он о строительстве КВЖД, о жизни ее рабочих и охранников, об их быте, обычаях и нравах. С теплом и любовью описывает Байков нехитрые развлечения охранников, их опасную службу, стычки с хунхузами, охоту. Читатель верит, что автор и сам жил той же жизнью.

Роман является интереснейшим историческим свидетельством, отражающим эпоху строительства КВЖД.

Второй роман – «Тигрица» – повествует о судьбе молодой женщины Насти, которая сбегает из родительского дома в тайгу к своему возлюбленному. Но муж ее погибает в схватке с тигрицей. После его смерти онаозвращается в город, со временем снова выходит замуж. Она счастлива как любящая и любимая жена и мать. Но воспоминания и тоска о привольной таежной жизни не покидают ее.

Сюжетная линия романа предельно проста, она лишь повод, чтобы в очередной раз показать жизнь тайги во всем ее многообразии и разноцветии. Это энциклопедия таежной жизни, гимн тайге.

Одним из героев этой книги является богатырь Бобошин. И переворачивая последнюю страницу романа, читатель понимает, что, несмотря на название, главный герой романа – именно он. Он символ тайги, сама тайга.

Бобошин славится своим ростом, силой, добротой и какой-то первобытной мудростью. Китайцы ставят его изображение в своих кумирнях, на что он, правда, страшно сердится.

Это почти идеальный, с точки зрения автора, человек. Простой охотник-промысловик, большую часть года он находится в тайге, неизменно тяжелым и опасным трудом добывая деньги; затем оказывается в городе или на станции, где с первым же встречным пропивает все дочиста. Многие пользовались его простотой и безотказностью. Но автор совсем не осуждает Бобошку, наоборот, в этом он видит широту русской души. Бобошин очень добр к людям, «в нужде он помогал многим, давал взаймы налево и направо, конечно, не рассчитывая на отдачу.

Его честность и бескорыстие были легендарны⁸⁵.

Бобошин – герой не только этого романа, он сопровождает Байкова во многих рассказах и повестях. С ним вместе Пенсне (Байков) исходил вдоль и поперек всю Маньчжурию.

Такой персонаж – герой-спутник, верный помощник автора – конечно, не новость в русской литературе. Но все же Бобошин отличается от своих предшественников. Как и Дерсу Узала, это реальный человек, но для Байкова это имеет второстепенное значение. Для него важна идея, которую воплощает Бобошин всей своей жизнью. Бобошка своеобразный, самобытный тип русского охотника, именно русского. Сильный, но добрый, отважный и немного сентиментальный, бесстрашный и наивный. Таким Байков видит настоящего русского человека.

* * *

12 мая 1942 года Литературно-Художественное Общество в Харбине разослало своим членам сообщение:

«В текущем, 1942 году исполняется 40-летие литературной деятельности известного эмигрантского писателя и маньчжурского краеведа, Николая Аполлоновича Байкова.

⁸⁵ Байков Н.А. Тигрица // Издательство М.В. Зайцева. Харбин, 1940. с. 15.

Литературно-Художественное Общество в Харбине настоящим доводит до Вашего сведения, что юбилейная дата Н.А. Байкова отмечается особым торжественным заседанием, которое назначено на 29 мая с.г. в помещении Железнодорожного Собрания, ровно в 7 ч. вечера.

Юбилейное торжество устраивается при содействии Ниппонской Военной Миссии, Главного Бюро эмигрантов и всей местной прессы. После особого заседания, в программе вечера принимают участие крупнейшие литературные, художественные и музыкальные силы.

Юбилей Н.А. Байкова в современных условиях представляется явлением большой культурной важности и поэтому носит всеманьчжурский характер: к нему привлекаются все круги ниппонской, маньчжурской и эмигрантской общественности, зарубежные научные организации и культурная молодежь».

В одном из залов собрания была устроена выставка его акварелей, эскизов, рисунков природы и животного мира Маньчжурии (почти все рисунки на обложках и иллюстрации к своим произведениям Байков делал сам).

Осенью того же года Байков был приглашен в Токио на съезд писателей Великой Восточной Азии.

В 1944 году Байков вступает в число действительных членов Клуба естествознания и географии ХСМЛ (Христианский Союз Молодых Людей) в Харбине. В секции молодых археологов, натуралистов и этнографов при Бюро по делам российских эмигрантов в Харбине он состоял почетным старшим другом. Сохранилась также переписка Байкова с японскими школьниками. Работа во всех этих молодежных организациях давала ему возможность с самых юных лет привить детям любовь и уважение к природе.

Байков активно выступает в защиту природы, настаивает на создании национальных парков в Маньчжурии. Если в начале века он сам занимался созданием заповедников, то теперь – в сороковые – он может об этом лишь мечтать. И настаивать. Он верит, что человечество

одумается. Своими художественными произведениями и статьями он пытается образумить людей.

Закончилась вторая мировая война. Советские войска вошли в Харбин. Перед эмигрантами стояла дилемма: или вернуться в Россию, или снова бежать, теперь уже из Маньчжурии. Байкову предложили вернуться, но он отказался.

После войны ему пришлось очень тяжело. Несмотря на широкую известность, его едва не арестовали. Советские власти изъяли из библиотек все книги Байкова и уничтожили.

Байков вспоминает: «После войны я почти не выходил из дома: был стар, и голодно и холодно было. Заработка дочери едва хватало на неделю. Что можно продать, продали за бесценок. <...> Мои книги в библиотеке КВЖД сожгли как сочинения писателя-эмигранта. Жена ежедневно проставляла в очередях за продуктами и углем, но часто возвращалась с пустыми руками. Сейчас кажется даже странным, что я остался жив»⁸⁶.

В 1950 году в Японии выходят первые послевоенные издания «Великого Вана» и «Тигрицы». В послесловии каждого из них сообщается, что Байков умер от сыпного тифа. И дата смерти – 15 марта 1946 года.

Шесть лет спустя, в 1956 году, в токийской газете «Иомура» появилась заметка: «В Гонконге на углу центральной улицы Натан находится отель «Шамло», предназначенный Комитетом ООН по оказанию помощи беженцам специально для русских белоэмигрантов, ожидающих выезда из страны. Здесь на третьем этаже, в маленькой комнате из шести татами уже шесть месяцев живет Байков, с ним жена и дочь», – пишет корреспондент Нисимура.

Оказалось, что после долгих проволочек и отчаянных попыток вырваться, перед Рождеством 1955 года,

⁸⁶ Автобиография Байкова // Иван. Токио, 1987. № 9. с. 134.

благодаря содействию Международного Союза церквей Байковы получили, наконец, разрешение выехать в Парагвай. «Пришло время, – пишет Байков, – расстаться с милым Харбином, Маньчжурией, ставшей нашей второй родиной, где я провел полвека своей жизни»⁸⁷. Но на переезд просто не было денег. В ожидании перемен к лучшему они и ютились в этой гонконгской гостинице.

Новость о том, что Байков жив, быстро разлетелась по Японии. В адрес Нисимура пришло много писем для любимого писателя – Байкова-Сан. Нисимура передал Байкову не только письма, но и гонорар – 20 тысяч иен – за переиздание «Великого Вана» и «Тигрицы». Неожиданный подарок судьбы позволил семье Байкова выехать из страны.

Байковы отправились не в Парагвай, как планировалось, а в Австралию. В Брисбене их ждала Осипова – подруга дочери Байкова Натальи.

* * *

В Брисбене Байков прожил полтора года. Но переживания последних лет, да и разлука с любимой тайгой не прошли бесследно.

6 марта 1958 года в 10 часов вечера Николай Байков умер.

На правом берегу реки Брисбен, на австралийском кладбище «Даттон Парк» есть одна неприметная могила. На сером камне можно разобрать: «Полковник Николай Аполлонович Байков. 1872-1958».

Елена Ким

⁸⁷ Там же. с. 135.

ВЕЛИКИЙ ВАН

(THE GREAT WANG)

НА ТАУДИНЗЫ

Избрана в один из первых лет жизни в Татудинзы (1922) это произведение было написано в юности в Ленинграде. Печаталось оно в журнале «Юность» под псевдонимом Федорова. Время и место действия: Июнь 1922 года — существо из мира сказок в Татудинзы.

Любовь отчаянья и страха в Марииной драме приводится к исходу. В процессе ее развития всплывают различные темы.

В мае 1923 года в журнале «Юность» было опубликовано стихотворение Федоровой «На Татудинзы».

В 1924 году Федорова вышла замуж за писателя Григория Соловьева.

В 1925 году Федорова родила сына — писателя Григория Соловьева.

В 1926 году Федорова родила второго сына — писателя Григория Соловьева.

В 1927 году Федорова родила третьего сына — писателя Григория Соловьева.

В 1928 году Федорова родила четвертого сына — писателя Григория Соловьева.

I. ПРОЛОГ

Была ранняя весна. Тайга ожила, и буровато-серый фон ее зеленел молодою листвой и изумрудом юных побегов. По речным долинам и на склонах гор зацвели черемуха и яблоня.

Белые колокольчики ландышей показались уже в темной чащее лесов.

Чистый, как кристалл, горный воздух был напоен ароматом цветов и дыханием земли.

Солнце склонилось к западу, и длинные вечерние тени протянулись по склонам сопок.

Гранитная вершина Татудинзы озолотилась яркими лучами заката и горела в глубине темно-синего неба.

Дневная жизнь тайги постепенно замирала, уступая свое место ночи с ее таинственным лепетом сказки.

Где-то в отдалении отдавался мелодичный, подобно звукам флейты, крик неизвестной птицы.

На опушке темного кедровника, у самой земли, плавно и бесшумно мелькнула тень и взмыла кверху, к одиночному кедру, подымавшему свою гордую вершину над порослью болотной низины.

Это мрачный обитатель горных лесов, отшельник филин, покинув свое убежище в расселинах скал, вылетел на охоту.

Его темная фигура ясно обрисовалась на вершине старого кедра.

Огромные круглые глаза его светились, и заунывший крик его: «Кто такой!» — раздавался в тишине наступающей ночи.

Как далекое эхо отозвался ему другой из глубины кедровника.

«Я тут! Я тут!» – казалось, отвечал он, и звуки эти, то приближаясь, то удаляясь, замирали вдали.

Засыпающая тайга чуть слышно напевала колыбельную песню. Над зарослями лесной поляны реяли летучие мыши. Ночь приближалась. Красноватый диск луны выглянула из-за зубчатого гребня ближайшего хребта и бросил свои бледножелтые лучи в лесную чащу. Тени стали гуще и темнее, и глубокие недра тайги, потеряв очертания, ушли в непроницаемую темноту ночи.

Ночная жизнь вступила в свои права. Природа исполняла свой гимн, великану песню любви и созидания новой жизни из накопленной энергии солнца.

Многочисленные своеобразные звуки неслись изо всех уголков леса – то кричала неведомая птица, то трубил козел, то шелестела листва под легким дуновением ветерка, то шумела тайга, напевая свою венчнюю песню.

Но вот филин перестал кричать свое «пугу», замолк козел, и притаился в зарослях актинидий вертлявый бурундук: на поляну, освещенную луной, вышел могучий, стройный зверь, и длинное упругое тело его, с длинным пушистым хвостом, застыло как изваяние. Только самый кончик хвоста едва шевелился и судорожно вздрогивал. Круглая кошачья голова зверя была обращена на лесную опушку, и большие круглые глаза пронизывали темноту, светясь зеленоватым фосфорическим светом.

Это была тигрица, судя по маленькой изящной голове и округлому туловищу, в недрах которого зарождалась новая жизнь.

Филин застыл в своей позе ожидания, щелкая по временам клювом, и захлопал глазами, вперив их в фигуру хищника, освещенную луной.

Красновато-бурая шерсть на спине и боках тигрицы отливала червонным золотом, а баки, подгродок и нижняя часть туловища блестели как посеребренные.

Постояв минуту в совершенной неподвижности, зверь поднял свою голову и взглянул на филина. Взоры их встретились. Щелкнув клювом, пернатый хищник взмахнул своими широкими мягкими крыльями и, описав дугу по опушке, скрылся в глубине леса. Тигрица проводила его взглядом и, когда птица скрылась из виду, медленно двинулась вслед за нею через поляну. Все движения ее обнаруживали скрытую силу и упрогость мускулов. Неслышино ступая своими бархатными лапами, зверь быстро продвигался вперед, скользя среди сухого валежника и зарослей, не производя почти никакого шума, только за ним слегка колебались ветви и травяные былинки. Движение тигра в густых зарослях очень напоминает движение змеи, оно так же бесшумно, так же стремительно и быстро. На открытом месте, где нет препятствий в виде бурелома, камней, травы и зарослей, тигр двигается медленно, ленивою походкой, не стараясь скрыть своего движения, если к тому не побуждают его обстоятельства.

Идея по тайге, тигрица прислушивалась к биению в ней живой жизни. Могучий голос материнства и инстинкт сохранения рода побуждали ее искать укромного угла, в виде скрытого и удобного логова, где можно спокойно вывести и уберечь будущее потомство от различных случайностей и опасностей, грозящих здесь на каждом шагу в виде дождя, холода, четвероногого или пернатого хищника или даже самого страшного врага всего живущего на земле – человека.

Только при наличии природной сообразительности, собственного житейского опыта и инстинкта самосохранения самке любого зверя удается найти для себя подходящее жилище, которое отвечало бы всем необходимым условиям и обстоятельствам в первый период появления на свет детенышей и их первоначального воспитания.

В несколько дней будущая мать обыскала почти все известные ей места обширного района горы Татудинзы и не могла остановиться ни на одном: то ей казалось, что логово слишком открыто, то не защищено от ветра и дождя, то слишком сырьо, то удалено от любимых охотничих угодий. Долго пришлось ей ломать себе голову и решать наиболее важный вопрос всей ее жизни, от которого зависит судьба ее потомства и отчасти жизнь ее собственная.

Наконец, после тщательных поисков из нескольких облюбованных ею мест она остановила свой выбор на одном из них, находящемся на южном склоне Татудинзы, среди непроходимых зарослей аралии и виноградника, где гранитные скалы и утесы образовали лабиринт узких ущелий и проходов, под нависшую каменною глыбой в неглубокой пещере. Здесь солнце светило целый день, нагревая гранитные твердыни. Заросли и каменные дебри обеспечивали безопасность от врагов. Горный ключик, бьющий внизу из-под камня, невдалеке от логовища, мог утолить жажду. В ближайших отрогах горы, в дубняках, постоянно держались стада кабанов, давая обильную пищу. Двуногий хищник — человек никогда не заходил в эти горные трущобы, так как ему здесь делать нечего.

Так рассуждала наша тигрица, найдя себе удобное логовище, где она проводила теперь целые дни в ожидании появления на свет потомства.

Каждую ночь отправлялась она на охоту в ближайшие дубняки, где легко добывала себе молодого кабана или годовалую свинью, и вволю насыщалась вкусным сочным мясом. На рассвете она возвращалась в свое логовице, причем старалась из предосторожности не делать к нему следов, ступая только на камни и обнажения гранита, так как по опыту знала, что малейшие следы могут погубить ее дорогих детей; хотя, по-видимому, им не угрожала никакая опасность ни от двуногих, ни от четвероногих хищников.

Но такова врожденная психология зверя, основанная на жизненном опыте минувших поколений в борьбе за существование.

По мере приближения времени появления на свет нового поколения тигрица все реже и реже покидала свое логово, сокращала круг своих охот. Движения ее стали более осторожными; при ходьбе она широко расставляла задние ноги и избегала больших прыжков, даже во время охоты на кабанов, причем добыча ее ограничивалась исключительно молодыми особями, так как старые свиньи требовали от нее большого напряжения и значительных физических усилий, чего она теперь избегала, зная, что это может повредить ее детям, которых она бережно носила и питала в своем теле.

II. РОЖДЕНИЕ ВАНА

За два дня до рождения маленьких тигрица не выходила из своего гнезда и лежала на подстилке из сухой травы и листьев. Только рано утром и вечером она спускалась к ключику, весело журчавшему в расщелине скалы, и утоляла жажду.

На третью ночь появились на свет тигрята. Их было двое — самец и самочка. Они были малы, неуклюжи и крайне беспомощны. Величина их не превосходила небольшую домашнюю кошку. Самец отличался от самки ростом, величиной головы и более массивным сложением. Мордочки у них были как бы приплюснуты, глаза закрыты и ушки плотно прижаты к голове. Мать в течение пяти дней находилась при них безотлучно и, почти не переставая, облизывала их, согревая своим телом. Первые дни после рождения тигрята были чрезвычайно слабы и еле-еле шевелились, причем мать сама подталкивала их мордой к своим соскам. Наевшись до отвала, они моментально засыпали и в таком состоянии находились до следующей кормежки. Только на шестой день, на рассвете, тигри-

ца оставила свое гнездо и торопливо сбежала на водопой. Возвратившись, она внимательно оглядела своих спящих детей и все логовище, стараясь заметить что-либо подозрительное; но, не найдя никаких перемен в окружающем, она успокоилась и снова легла рядом с детьми, спиной к задней стенке логовища, чтобы всегда иметь на виду выход, на случай внезапного появления врага.

Из предосторожности тигрица никогда не испражняется вблизи своего гнезда, так как она по опыту знает, что другие тигры, в особенности самцы, по этим следам могут легко найти ее убежище и причинить вред детям.

Солнце пряталось уже за гребнями сопок, и из глубоких падей повеяло вечернею прохладой. Тигрица только что окончила туалет своих малышей, собираясь отдохнуть и понежиться в теплых лучах заката, как до чуткого уха ее долетели сперва неясные, а затем определенные звуки, нарушавшие невозмутимую тишину тайги. В тихом шелесте листьев, в шуршании сухой травы, в звуке сломанного сучка и в звуке сорвавшегося камешка она сразу уловила что-то необычное и, комбинируя факты, получила уверенность в том, что звуки эти имеют особое происхождение. В них она ясно услышала шаги какого-то приближающегося зверя. Мгновенно вся фигура ее преобразилась, подтянулась, как бы съежилась; уши встали по направлению звука, и зрачки сузились. Одну секунду она постояла у входа в логовище неподвижно, а затем скользнула в заросли и, привав ноги, поползла сквозь их чащу, как змея извиваясь между стволами деревьев и торчащими камнями. Отдаленные крики сорок убедили ее, что к логовищу приближается зверь одного с ней вида, так как по собственному опыту она знала, что эти назойливые птицы преследуют своим беспокойным криком только тигров и тем выдают иногда их присутствие. Спустившись к ручейку у места водопоя, тигрица остановилась в ожидании, притаившись за

выступом гранитного утеса. Звуки шагов слышались все яснее, и, по мере приближения зверя, все мускулы ее тела напряглись, играя под гладким бархатистым мехом. Подходивший зверь, очевидно, не забылся о скрытности своего движения и шел свободно, игнорируя производимые им звуки, иначе его движение не уловил бы даже изощренный слух тигрицы.

Как только фигура зверя показалась на фоне зарослей, тигрица ринулась к нему с угрожающим ревом и, замахиваясь грязными лапами, насыдала на него настичиво и упорно, не давая опомниться.

Это был огромный старый тигр, забредший в эти места случайно, в поисках добычи и новых охотничих угодий.

По величине он превосходил тигрицу раза в полтора и мог бы дать ей отпор шутя, но тем не менее, видя перед собой самку и отчаянную ее решимость, могучий зверь не выказал ни малейшей злобы и без сопротивления попятился назад, съежился и, как бы конфузясь, поспешил поскорее удалиться, уступая поле слабейшему.

Тигр-самец понял побуждения, вынудившие тигрицу броситься на него, и решил отступить, зная, что это мать, защищающая своих детей. Великий закон природы руководил обоими: в ней говорило материнство, в нем инстинкт самца – продолжателя рода.

Когда удаляющиеся шаги тигра замерли в чаще, тигрица подошла к ручью и с жадностью начала лакать холодную как лед воду. Утолив жажду, она тут же совершила свой вечерний туалет, пригладив своим шершавым, как щетка, языком взъерошенную шерсть.

Сороки и сойки, эти лесные сплетницы, по-прежнему не унимались, крича на весь лес, суетясь и летая над тигрицей, что ей, очевидно, не понравилось, так как она быстро юркнула в кусты и, меняя направление, под защитой густых зарослей вышла с противоположной стороны логовища.

Назойливые птицы бросились было за ней, но, потеряв ее из виду, постепенно отстали, рассаживаясь на ветвях старого дуба на ночлег.

Пернатые пользуются остатками пищи после трапезы зверя; опыт показал им, что настойчивость в преследовании почти всегда венчается успехом.

Возвратясь в логовище, тигрица нашла все в порядке. Дети ее безмятежно спали, прижавшись друг к другу от вечерней прохлады, уткнувшись в бока своими туptyми розовыми носами.

Обнюхав свое сокровище и решив, что дети сыты и проснутся не скоро, тигрица осторожно, не производя ни малейшего шума, вышла из логовища и на некоторое время замерла как изваяние, прислушиваясь к звукам леса, улавливая всякие подозрительные шумы и шорохи. Убедившись, что ничто не угрожает детям и в окрестностях спокойно, она отправилась, наконец, за добычей, чувствуя признаки нестерпимого голода.

Выходя на ближайший узкий гребень горного отрога, она двинулась по нему, зорко всматриваясь в чащу редкого дубняка, где жидают обыкновенно ка-баны.

Заметив группу толстокожих, состоящую из нескольких свиней и прошлогодних поросят, тигрица моментально прильнула к земле и начала их скрадывать. Солнце уже закатилось, но на небе горела еще вечерняя заря.

С наступлением темноты свиньи расположились уже на ночлег. Мамаши со своими поросятами улеглись под стволами старых деревьев, а взрослая молодежь все еще не могла угомониться и веселилась, пользуясь отсутствием надзора старших.

Тигрица наметила себе группу расшалившихся легкомысленных юнцов и, прикрываясь мелкими дубовыми кустами, быстро приближалась.

Не прошло и четверти часа, как она была уже в нескольких шагах от животных, затаившись за стволом старого дуба. Все внимание ее, зрение и слух были со-

редоточены на молодой свинке, бегавшей взапуски за своей подругой среди зарослей орешника. Хищник выжидал только удобного момента, когда беспечное животное приблизится к нему на расстояние короткого прыжка, т.е. на шесть-семь метров. Легкий ветерок тянул кабанов на тигрицу, так что специфический запах хищника не мог быть ими услышан, что, конечно, учитывалось зверем и было им точно рассчитано. Вот, наконец, в порыве шаловливой ревности молодая свинка, описав небольшой полукруг, подбежала к стволу дерева, за которым скрывалась хищница. В мгновение ока стальные мускулы задних ног ее расправились, и упругое тело всей своей тяжестью обрушилось на бедную свинку, успевшую только издать короткий пронзительный визг. Ударом могучей лапы она была сбита с ног, и в следующее мгновение острые конические клыки колосальной кошки вонзились в шею своей жертвы и перекусили ей шейные позвонки. Смерть наступила моментально, и тигрица, не теряя драгоценного времени, принялась с жадностью насыщаться горячим кровоточащим мясом, начиная с задних окороков животного.

Предсмертный крик погибшей свинки послужил тревожным сигналом, по которому все стадо ринулось вверх по косогору, спасаясь от смертельной опасности. Не прошло и двух секунд, как шум убегающего стада замер вдали и в тайге наступила прежняя тишина, нарушающаяся только чавканьем челюстей тигрицы, хрустом ломаемых костей на гигантских зубах зверя и довольно мурлыканьем.

Около часу насыщалась тигрица. От животного остались только ноги с копытами и содержимое брюшины, все остальное поместились в объемистом растижимом желудке хищника.

Облизывая и напевая про себя любимую песенку, тигрица поднялась с земли, выгнула свою упругую спину, потянулась, подошла к стволу старого дуба, поднялась на задние лапы, а передними начала цара-

пать кору дерева, как это делают обыкновенно наши домашние кошки. Глубокие продольные борозды проводили по стволу дерева острые серповидные когти хищного зверя. Голова его в это время была поднята кверху, и выражение морды изображало довольство: хвост был вытянут параллельно земле, и самый кончик его извивался, как змея. Вонзив свои когти несколько раз в мягкую кору, тигрица отошла от дерева и замерла на одну секунду, прислушиваясь к ночной тишине, затем быстро зашагала к своему логову, где остались ее любимицы.

Тигры имеют обыкновение царапать мягкую кору деревьев в период смены когтей, когда отжившее роговое вещество заменяется новым.

Из деревьев они предпочитают породы с мягкой корой, бархат, орех, кедр и лиственницу.

III. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Придя в берлогу, тигрица внимательно осмотрела своих детей, спящих безмятежным сном младенчества, и всю внутренность пещеры, ища чего-либо подозрительного. Успокоившись на этот счет, она легла рядом со своими крошками и занялась туалетом, т.е. чисткой своего атласного полосатого меха.

Тигрята, очевидно, сквозь сон почувствовали близость теплого тела матери и потянулись к нему, тыкаясь своими тупыми мордочками в пушистый белый мех на ее животе.

Так проходили дни в хлопотливых заботах о питании юных зверенышей, о добывании себе пищи и об охране логовища.

Через двенадцать дней у тигрят открылись веки, и они стали смотреть на мир своими подслеповатыми, еще мутными глазами. Вначале яркий дневной свет ослеплял их и они шуршились и закрывали глаза, когда солнечные лучи падали непосредственно на сетчатую оболочку глаза. К этому времени они значительно

подросли, окрепли и начали совершать прогулки по всему логовищу. Но, не имея еще достаточно зрительного опыта, они постоянно натыкались мордочками на острые выступы камней, что причиняло им боль.

Впоследствии, когда они научились ясно различать предметы и зрение их стало нормальным, действия их строго координировались зрительными впечатлениями, и все движения их постепенно становились смелее и увереннее.

Их собственное логовище было теперь для них особым миром, где они чувствовали себя в своей среде, в привычной для них обстановке. Все, что было вне этого мира, казалось им чуждым и враждебным, и они иногда со страхом и ужасом взирали на этот мир с порога своего жилища. Но присущее всем молодым существам любопытство неудержимо влекло их в этот мир, они все чаще и чаще подходили к выходу из логовища, и прогулки их в этом направлении увеличивались. В конце концов они убедились, что ничего особенно страшного в другом мире нет, и решили выглянуть из своего гнездышка. Матери в это время дома не было, она ушла на охоту и там задержалась. Долго стояли малыши у выхода и с любопытством наблюдали за жизнью неведомого для них мира. Юркий бурундук, пробегавший в это время по стволу поваленного буреля дерева, остановился, сел на задние лапки и начал рассматривать неуклюжих зверят, дотоле им невиданных. Самец, со свойственной ему полусмертью, находился впереди, а скромная самочка жалась к нему сзади, готовая каждую секунду юркнуть назад в свое гнездо. Уже в этом возрасте сказываются биологические признаки пола: осторожность и благородумие – на стороне слабой половины, смелость и самонадеянность – у сильнейшей.

Заметив бурундука, тигрята сжалась и присмирились. Обоюдное разглядывание продолжалось недолго. Инстинкт хищника, несмотря на испытываемый им страх, толкнул его вперед, и тигренок, привав на свои

неуклюжие толстые лапы, пополз из логовища к бурундуку. Последний, видя приближение неведомого зверя, пронзительно свистнул и в мгновенье ока исчез в ближайших зарослях.

Тигренок не заметил этого исчезновения и продолжал свой маневр, но, дойдя до ствола дерева и не видя на прежнем месте зверька, поднялся на лапы, ища глазами предмет своего любопытства. В это время, откуда ни возьмись, появилась сорока.

Сидя на суху молодого дубка и увидев детенышней грозного владыки тайги, она на весь лес застремотала об этом, ссывая своих товарок и других любопытных птиц. Вскоре со всех концов леса слетелись пернатые сплетницы, и пошла потеха.

Крик поднялся такой, что его услышала тигрица, возвращавшаяся ленивою походкою домой после удачной охоты. Зная, что эти птицы кричат только в известных случаях, и чувствуя недобро, она прибавила шагу и через несколько минут была уже у входа в логовище. Тигрята, напуганные сороками, спрятались в логово и сидели там, дрожа от страха. Но все же этот первый выход в свет сделал переворот в психологии мальшей и показал им другой мир, более обширный и интересный, полный таинственности и новых, неподобных еще впечатлений. Завеса, скрывавшая от их взоров этот мир, упала, открыв перед ними другую жизнь, не ограниченную глухими каменными стенами родного гнезда.

Придя домой, тигрица прежде всего бросилась к детям, которые успели уже проголодаться и потянулись к ее полным сосцам, набухшим от скопившегося в них молока.

Лежа с детьми в своем логове и облизывая их со всех сторон, тигрица думала свою неотвязчивую думу, материнское сердце ее тревожно билось, и мысли о детях не давали ей покоя.

IV. ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Появление сорок и их неистовые крики не на шутку обеспокоили мать. Она по опыту знала, что лесные сплетницы, открыв ее убежище, разнесут по всему лесу известие об этом; но это бы еще ничего, она боялась, что секрет этот откроет человек, тем более что несомненные следы его пребывания она открыла в непосредственной близости от логовища, внизу, в глубокой пади, где человек поставил свой шалаш на берегу горной речки. Человек этот был рыболовом, ловившим тайменей и лососей в быстрых водах реки посредством затворов и плетеных морд, куда попадала рыба, идущая вверх по течению для метания икры.

Тигрица побывала у шалаша, узнала, что в шалаше живут два китайца, и теперь была уверена, что сороки выдадут им местонахождение ее логовища. Она знала коварство человека и была уверена, что он воспользуется ее отсутствием и унесет ее дорогих детей. Решение переменить логово было уже принято, только надо найти более погаенное и безопасное. Она перебрала в уме все известные ей места, но не пришла к определенному решению, куда перенести свое кроввище.

Весь день она пролежала в своем логове и поздно вечером, когда солнце скрылось за горизонтом, отправилась на поиски. В течение ночи она обшала знакомые ей каменные дебри Татудинзы и выбрала, наконец, самую отдаленную от настоящего логовища пещеру, находящуюся у самой вершины горы, среди непроходимых для человека каменных россыпей. Расстояние до нового логовища было не менее двух километров, но мать, боясь за участь своих детей, не смущалась дальностью расстояния и трудностями переноски.

Весь следующий день она провела в своем логове, играла с детьми и впервые принесла им на потеху живого зайца, которого поймала по дороге домой. Чтобы

добыча не убежала, она слегка прикусила зайца так, чтобы он мог только ползать, но бегать не мог. Бедное животное, сознавая свое отчаянное положение, пыталось уйти, но тигрята, стараясь задушить, но не имея в этом практики и опыта, немилосердно мяли его, терзали и, в конце концов, замучили. Но и съесть мертвого зайца они не могли, не зная, как к этому приступить, тогда мать расчленила его на несколько кусков, и дети с жадностью, давясь и пуская обильную слюну, чавкая и чмокая, съели злополучного косого, оставив нетронутыми лапки, шкурку и более крупные кости. Остатки эти прикончила мать, с любовью наблюдавшая эти первые хищнические опыты своих детей.

Прошло уже около месяца со дня рождения тигрят. Они значительно выросли, окрепли и приобрели житейский опыт. По величине они равнялись уже большой домашней кошке, но лапы, массивные и широкие, выдавали их привилегированную породу.

Желание перевести детей в другую берлогу усилилось еще тем обстоятельством, что мать, будучи в тот день на разведке около шалаша рыболовов, заметила две человеческие фигуры, пробирающиеся вверх по ручью, по направлению к логовищу. Не выдавая ничем своего присутствия, тигрица неоступно следовала за ними, провожая их до своего водопоя, откуда до берлоги было не более двухсот шагов. Здесь охотники остановились, увидев на прибрежном песке свежие следы тигрицы, и дальше не пошли.

«Логовище недалеко отсюда, — сказал старший из них, закуривая спичкой свою длинную трубку, — следы идут сверху вниз. Теперь идти туда рискованно, так как тигрица дома. Пойдем лучше завтра вечером, с закатом солнца, когда она уйдет на охоту». «А ты знаешь эти места? — спросил его молодой спутник, щупая пальцами углубления следов зверя на морском песке, — если не знаешь, то лучше поискать сегодня, а завтра идти уже наверняка».

«Ты молод и неопытен! — возразил ему старший. — Если мы теперь застанем тигрицу в логове, то не избежать нам беды: мы без оружия, и она задерет нас обоих, как только приблизимся к ее берлоге. Я знаю эту тигрицу.

Два года тому назад она убила моего компаньона, Ван-Кэ-Лина, который легкомысленно приблизился к ее гнезду с целью добыть тигрят. Нет, лучше мы подождем, выследим тигрицу и, зная, что она ушла, будем действовать смело и решительно. А теперь пойдем домой и осмотрим верши с рыбой, до вечера осталось уже немногого».

Напившись чистой, как горный хрусталь, воды из тигрового водопоя, охотники двинулись в обратный путь вниз по ручью. Как только фигуры их скрылись в чащах леса, тигрица вышла из своей засады, посмотрела пристальным взглядом им вслед, причем взгляд этот не предвещал ничего хорошего, так как был полон дикой злобы и ненависти. Челюсти ее открылись, и две пары конических клыков сверкнули своей белизной. Из полуоткрытой пасти вырвалось глухое ворчание, в нем слышалась угроза.

Постояв еще немного на месте и обнюхав следы человека, тигрица быстро направилась вверх по ручью, в свою берлогу, где ждали ее проголодавшиеся дети.

Подходя к логовищу, она снова услышала крик несносных сорок и соек, и решение ее о переносе детей созрело окончательно. Лежа на подстилке из сухих листьев, она подставила им свои сосцы и любовалась ими, как может любоваться мать своими детьми, которым она дает жизнь своим телом.

В это время в мозгу ее созревал сложный план переселения в далекую берлогу, и мысли ее были всецело направлены в эту сторону.

Окончив кормление детей, она уложила их спать, а сама улеглась рядом с ними.

Неугомонные сойки группами подлетали к логвищу и своими криками нарушали тишину догоравшего дня. Вечерело. Солнце багрово-красным диском скрывалось за лесистыми гребнями сопок. Гранитные твердыни Татудинзы горели червонным золотом, резко выделяясь своими остроконечными контурами на темно-синем вечернем небе.

Тигрица проснулась. Осмотрелась кругом. Разбудила детей, толкая их своим теплым розовым носом. Те неохотно подымались. Долго потягивались, зевали и, шатаясь на своих еще слабых лапах, направились к матери, сидевшей в углу и наблюдавшей своих питомцев.

Пора было приступать к выполнению плана.

V. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Перенос детей мать решила начать с сына, которого она взяла в свою пасть, причем резцами захватила его за загривок, приподняла с земли, снова опустила и, наконец, взвы окончательно, быстро вышла из берлоги, направляясь по косогору вверх, где розовела еще вершина горы в лучах заходящего солнца.

Тигренок съежился в комок в зубах матери и, как будто чувствуя необходимость происходящего, терпеливо переносил все неудобства своего положения и даже легкую боль, причиняемую его загривку острыми зубами.

Тигрица шла быстро, широко шагая, выбирая чистые места, без зарослей, и стараясь ступать не по земле, а по камням, чтобы не оставлять следов. Иногда, в силу необходимости, ей приходилось делать прыжки с камня на камень. Тигренок притаился и молчал, только во время прыжков он крякал и еще более подтягивался и сжимался.

Два раза ей пришлось опустить его на землю, чтобы дать отдохнуться и переменить положение, но зве-

реныш героически переносил путешествие, инстинктивно чувствуя, что так надо, что это неизбежно.

Через четверть часа тигрица принесла своего сына в новое жилище. Оно было менее удобно и не так комфортабельно, подстилка из травы и листьев в нем отсутствовала, ложем могла служить только голая земля.

Положив своего детеныша на землю и лизнув его несколько раз в мордочку, мать ушла назад к старому логовищу, где оставалась ее дочь.

Переноска второго тигренка совершилась так же благополучно и быстро, как и первого.

Новое жилище было хотя и менее удобно, но более безопасно, так как находилось почти на самой вершине горы Татудинзы, среди недоступных для человека каменных россыпей. Сюда не заходил даже дикий зверь, и редкая птица залетала в эти гранитные дебри.

Сойки и сороки, лесные кумушки, сюда не показывались никогда, они не поднимались выше границы лесов. Из птиц только одни горные орлы посещали эти высоты и гнездились в расщелинах скал.

Семья могучих хищников нашла здесь надежное убежище, вполне безопасное от всяких врагов. Охотничьи угодья отсюда были далеко. Тигрица теперь могла спокойно оставлять детей одних и удаляться на охоту в дубняки, лежащие у подножия горы.

Новое логовище было расположено в большой пещере, под самой вершиной, откуда открывалась чудная панорама бесконечных лесистых хребтов, как волны застывшего моря уходящих в даль горизонтов.

На западе в туманной мгле голубых далей, как фантастическая фата-моргана, мерещилась светлая долина Сунгари. На востоке, среди темнозеленых отрогов Лао-Э-Лина и Кентей-Алина едва намечалась узкая долина Муданьцзяна с его изумрудными озерами и светлыми полосками пашен. С севера и юга у подножия Татудинзы теснились бесконечные цепи горных хребтов, покрытых темными дремучими лесами;

к северу хребты эти тянулись на сотни километров, упираясь своими отрогами в устье реки Муданьцзян, при впадении ее в Сунгари, а к югу уходили к границам Кореи, сливаясь с северными отрогами Чан-Бай-Шана.

Сама вершина горы в летнее время муссонов почти всегда бывает закутана облаками, и только осенью и зимой она белеет своими девственными снегами в прозрачной синеве неба.

В этом заоблачном замке семья могучих зверей могла жить совершенно спокойно в непосредственном соседстве с беркутами. Ни один звук тайги не достигал этих каменных твердынь. Вечное безмолвие пустыни господствовало здесь, и только зычный клекот горного орла раздавался над дикими ущельями и утесами Татудинзы.

В ясные солнечные дни тигрица выводила своих детей из глубины мрачной пещеры на горные каменные террасы и уступы, ложилась там на солнцепеке, на краю пропасти, любуясь резвыми играми своих питомцев. Они там беспечно и беззаботно предавались своим забавам и веселью, не тревожимые никем, вдали от мира сего, под защитой неприступных альпийских высот.

Мать не спускала глаз со своих подрастающих малышей и внимательно следила за их играми, беганьем взапуски, борьбой, игрою в прятки и шалостями.

Главным объектом их забав все же был сильный пушистый хвост матери, который они старались поймать. По целым часам они иногда предавались этой забаве и безжалостно кусали и теребили его, но, несмотря на боль, причиняемую острыми зубами малышей, мать терпеливо и любовно играла с ними, зная, что эти упражнения развивают силу и ловкость в детях для будущей тяжелой борьбы за существование.

Когда тигрята, расшалившись, слишком близко подбегали к краю пропасти, она ничуть не беспокоилась, будучи уверена, что ни один из ее детей, несмо-

тря на ранний возраст и младенческое легкомыслие, не сорвется с карниза. Инстинкт и чувство самосохранения управляли их волей, контролируя все их движения и поступки. Несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, они проявляли большую расторопность и ловкость там, где это было необходимо.

Уже в этом юном возрасте брат и сестра резко отличались своими биологическими особенностями. Большой по величине, сильный и массивный самец преобладал во всех случаях, когда требовалось применить грубую физическую силу, самка же, сложенная более деликатно, с уточненной психологией, во всех играх и забавах применяла более сильное оружие – хитрость, коварство и сообразительность. Иногда самец умышленно поддавался самке и, не пользуясь своим превосходством в силе, уступал хитрой и лукавой сестрице. Но, в общем, мир и согласие между ними никогда не нарушались, и только когда матери казалось, что веселье переходит в гнев, а шаловливое мурлыканье в злобное рычание, она принимала свои меры, подходила к малышам, валила их на землю мягкими ударами своих лап и принимала на себя их раздражение и вспышки гнева, причем они тогда начинали теребить мать, таскали ее за хвост, за уши и за баки. Сыпалось любовное мурлыканье тигрицы и незлобное рычание тигрят. Они все сбивались в один пушистый комок, катившийся по выступу скалы, и яркое летнее солнце бросало на счастливую семью свои горячие лучи. Где-то в вышине неба реяли орлы, и громкий клекот их, будя далекое горное эхо, нарушал невозмутимую тишину заоблачных твердынь.

Быстро промчалась на своей легкой колеснице, убранной цветами, душистая весна. Наступило жаркое лето с его периодическими дождями. Юго-восточный муссон, неся обильную влагу из тропических морей южной Азии, охлаждаясь на горных высотах материки, разряжался обильными дождями, превращавши-

ми долины в обширные болота, черные ручьи и речки – в бурные стремительные потоки.

Благодаря обилию влаги и тепла буйный рост рас-
тительности принял грандиозные размеры. Только
дикие звери прокладывали в этих чащах узкие тропы
от мест своих лежек к местам кормов, а также к бли-
жайшему водопою.

Тучи жалящих насекомых, вскормленных стоя-
чую водой, не давали покоя не только человеку, но и
животным; только на больших высотах, вне предела
лесов, не было этих маленьких мучителей и крово-
пийц, так как разреженный воздух и ночная прохлада
не способствовали их зарождению и развитию.

Тигрица, спускавшаяся с горы для охоты на каба-
нов в нижние ярусы горных лесов, также страдала от
этих насекомых и, кроме того, возвращалась в свой
заоблачный замок вся усеянная клещами, висевши-
ми на ее ушах подобно сергам. Чтобы избавиться от
гнусных сосунов, она каталась по земле и терла свою
голову лапами, причем, раздавливая напившихся на-
секомых, румянила себе щеки, уши и всю голову, как
кокетливая красавица.

В июне, июле и августе Татудинза была скрыта в
облахах, и гордая вершина ее, озаренная иногда луча-
ми солнца, одиноко вздымалась, как остров среди без-
брежного моря туч, низко плывущих над землей.

VI. ПЕРВАЯ ДОБЫЧА

К этому времени тигрята значительно подросли,
окрепли и многому научились, совершая со своей ма-
терью охотничьи экскурсии в ближайших окрестно-
стях логовища.

Для того чтобы выработать в детях качества, необ-
ходимые для будущей самостоятельной жизни, и пре-
подать им практические приемы ловли и умерщвле-
ния животных, мать вначале приносила полуживых
зверьков и птиц, которых тигрята самостоятельно,

без участия матери, ловили и загрызали, постепенно
приобретая необходимые навыки и практикуясь в бы-
строте нанесения смертельных ударов когтями и зуба-
ми. Когда они достаточно постигли эту науку на жи-
вотных слабых и беззащитных, мать стала доставлять им более сильных: она принесла в логовище взрослого
сильного барсука, которого ей удалось поймать во
время сна на солнопеке.

Зверь совершенно не был поврежден и, когда очу-
тился на свободе в логовице тигров, понял свое опас-
ное положение и решил дорого продать свою жизнь.
Увидев перед собой двух насторожившихся тигрят
одного с ним роста, их оскаленные пасти и горящие
кровожадностью глаза, обреченный зверь отступил к
стене, забился в угол, обеспечив этим свои бока и тыл.
Шерсть на спине его поднялась щеткой, зубы оскали-
лись, и глаза метали искры отчаянной злобы и нена-
висти. Барсук готов был к борьбе и сознавал, что от-
ступление для него отрезано, так как тигрица легла у
входа в пещеру в ожидании предстоящего боя.

Тигрята впервые видели перед собой серьезного
противника, готового к отчаянной защите, и в первый
момент замялись, оглядываясь на мать, как бы спра-
шивая у нее совета и даже помощи. Но тигрица про-
должала спокойно лежать и даже усом не повела на во-
просительные взгляды детей.

Освоившись с видом противника, тигрята ободри-
лись и шаг за шагом стали к нему приближаться, при-
чем самец был впереди, а самочка, не желая нападать
с фронта, прокралась к задней стене с измерением ата-
ковать во фланг. Мать одобрительно кивала головой,
внимательно следя за развитием военных действий.

Подойдя на два шага к барсуху, самец припал на
лапы, съежился и готов был уже броситься на свою
жертву, но барсук понял это движение и сам перешел
в наступление, сделав бросок вперед, причем издавал
угрожающее шипение и лязгал своими острыми сер-
повидными клыками. Тигренок не ожидал ничего по-

добного и быстро попятился назад, под защиту своей матери. Сестрица же воспользовалась этим моментом и насыла на барску сбоку, вцепившись в его загривок своими острыми, как шилья, зубами, когтями стараясь схватить его за морду. Барсук был старый и опытный боец, не раз выходивший победителем в стычках со своими соседями – барсуками, лисицами и собаками, а потому, зная по опыту, что схвативший его за шею зверь не отпустит, перевернулся на спину и длинными крепкими когтями задних ног начал наносить короткие энергичные удары по бокам и животу своего соперника. Удары были настолько сильны и болезненны, что молодая тигрица сразу же отпустила шею своего врага, чем барсук не преминул воспользоваться, в свою очередь кляещи своих сильных челюстей зажал горло тигренка, продолжая в то же время работать задними ногами.

Самец-тигренок, видя отчаянную борьбу и опасное положение сестры, бросился на барску и схватил ее зубами за морду. Брызнула кровь, окрасив пушистый мех тигрят малиновыми пятнами. Шерсть с живота самки летела клочьями. Не выдержав давление острых клыков самца, барсук разжал свои челюсти, ударом задних ног отбросил от себя самку, вывернулся из челюстей самца и, отбежав в угол, снова принял боевую позу, готовый к отчаянной обороне. Морда его была окровавлена, один глаз вытек, и губа рассечена пополам.

Самка также пострадала в этой схватке, так как на горле у нее виднелись следы зубов барсука и брюхо было исцарапано его когтями.

Мать все так же спокойно взирала на это побоище и не принимала в нем участия, решив, что ее вмешательства пока не требуется.

Тигрица, получив серьезный отпор от барсука, не решались вторично напасть на него, ограничиваясь злобным ворчанием и демонстративным хождением

около своего врага, неистово шипевшего в своем углу и щелкавшего зубами.

Видя, что дети оробели и не решаются возобновить драку, мать поднялась со своего места и подошла к барску на два шага, как бы приглашая их снова начать бой. Ободренные этим, тигрята приблизились к своему врагу и припали к земле в выжидательных позах. Чтобы ускорить открытие военных действий, тигрица легким ударом лапы толкнула своего ленивого сына к барску. Последний, видя неизбежность боя, опрокинулся на спину, в это время самец от толчка навалился на него всем телом. Барсук воспользовался этим моментом и вцепился ему в грудь зубами, а задними ногами стал наносить ему удары по животу. Сестра, уже без покушения матери, бросилась на выручку брату и, выждав момент, когда барсук очутился сверху, впилась своими острыми клыками в его затылок мертвкой хваткой. Несколько минут продолжалась эта возня. Три зверя слились в один комок, катавшийся по полу пещеры. Слышалось только хриплое дыхание животных и сопение. Борьба шла не на живот, а на смерть. Барсук напрягал последние силы и не выпускал из своей сильной пасти захваченный им подгурдок тигренка, который в свою очередь, изогнувшись, поймал барсуха за морду и вцепился ему в нос. Этот маневр решил участь барсука, так как нос является у него самым чувствительным и нежным местом тела. Силы его начали покидать, и через минуту он разжал свои челюсти. Тигрята сразу почувствовали свое пре восходство и с удвоенной энергией впились в неподвижное тело врага, держа его в своих зубах до тех пор, пока не прекратилось в нем проявление жизни. Когда сердце его перестало биться, тигрята разжали свои челюсти и с довольным мурлыканьем стали обнюхивать неподвижное тело своего врага.

Тогда и мать подошла ближе, перевернула его несколько раз лапой и, убедившись, что он мертв, своими острыми, как ножи, коренными зубами расчлени

ла его на четыре части, отделив задние и передние окорока. Дети топтались около нее, облизывая свои окровавленные губы и с нетерпением ожидая вкусного обеда. Окончив мясницкое дело, тигрица отошла прочь, предоставив трапезу детям. Тигрята с жадностью и довольным урчанием принялись за еду, разгрызая кости своими крепкими молочными зубами и громко чавкая. Нежное, жирное мясо барсука пришло им по вкусу. Долго они наслаждались, причем едва не поссорились из-за одного кусочка, но самец по обыкновению уступил самке и отошел в сторону, облизываясь и мурлыча себе под нос песенку. Самка ела медленнее и тщательнее разжевывала пищу, тогда как самец отрывал большие куски мяса и глотал их целиком.

От несчастного барсука остались только лапы и голова, да содержимое брюшины. Когда тигрята насытились и занялись туалетом и чисткой своего меха, тигрица подобрала все остатки, откусив только длинные когти зверя – это все, что осталось в конце концов от злосчастного барсука.

Наевшись до отвала и приведя в порядок свой запачканный кровью мех, тигрята растянулись на твердом каменном ложе своего логова и заснули крепким сном. Животы их вздулись, как барабаны, и тяжелое дыхание вздымало грудные клетки. Во сне они, очевидно, переживали впечатления первого в их жизни серьезного дела, и в тишине наступившей ночи слышалось их злобное ворчание.

Убедившись, что дети спят богатырским сном, мать вышла из пещеры, направляясь в нижние ярусы горы, где в дубняках паслись обыкновенно кабаны. Дождь лил как из ведра. Между камнями и по ложбинкам всюду журчала вода. Раскаты грома потрясали воздух. Яркие вспышки молний освещали горные хребты, бросая снопы своих ослепительных лучей в недра черной, как могила, тайги.

Не обращая никакого внимания на грозу и дождь, тигрица шла уверенным и неслышным шагом по гребню скалистого кряжа, зорко всматриваясь расширенными зрачками в глубину леса.

VII. НА ПРОМЫСЛЕ

При блеске молний ее большие выпуклые глаза светились фосфорическим светом. Вода струйками стекала с ее лоснившегося меха, под прикрытием которого свободно двигались и играли ее упругие и твердые, как резина, мускулы.

Она была уверена, что все животные в эту ненастную ночь лежат в своих логовах, где их легче добыть, чем на жировке, и, кроме того, шум ветра и дождя значительно облегчает скрывание, а срость и потоки воды, пронизывающие воздух, не дают острому обонянию зверя почутять приближение смертельного врага. Все эти обстоятельства дали возможность тигрице приблизиться к стаду кабанов на самое близкое расстояние, почти вплотную, и толстокожие почуяли грозного хищника только тогда, когда один из молодых кабанов был умерщвлен тигрицей. Первое мгновение все стадо как бы застыло в нерешительности, прислушиваясь к ворчанию зверя и предсмертному хрому кабана, и только через несколько секунд свиньи обратились в погонящее бегство в темноту таежной чащи.

Всю ночь шел проливной дождь. По склонам гор и в глубоких ущельях шумели потоки. В тучах, окутавших крутые ребра Татудинзы, рокотал гром, и молнии рассекали кромешную тьму огненными бичами. Вершина горы величаво вздымалась над морем, где бушевала гроза, шумели бурные реки и стонала тайга под напором ветра.

Там, в вышине, царила тишина, и темное небо сияло мириадами звезд. Полная луна бросала свои зеленовато-желтые лучи на безбрежное море облаков и на гранитные утесы горы-великаны.

Тигрята спокойно спали в своей уютной пещере, когда их мать вернулась с охоты, набив свое вместительное брюхо свежей горячей свининой.

Войдя в берлогу и оглядев своих спящих детей, тигрица расположилась возле них и занялась тщательной чисткой своего меха, пропитанного влагой и наполненного кольчуками после путешествия по зарослям тайги. Этим серьезным делом она занималась не менее часа и только тогда, когда шерсть ее стала гладкой и бархатистой, успокоилась, потянулась, несколько раз всем своим могучим телом, зевнула, открыв огромную пасть с коническими клыками, и растянулась во весь рост. Засыпая, она вздохнула еще раз во всю ширину своих обширных легких, причем крутые ребра ее грудной клетки поднялись и опустились, как кузнецкие меха.

Внизу, у подошвы горы, бушевали стихии, но в заоблачной тишине торжествовало спокойствие, и не-приступный замок властительницы тайги был погружен в глубокий безмятежный сон.

На востоке брезжил рассвет. Гроза стихла, и только отдаленные раскаты грома замирали вдали. Вспыхнули зарницы, и предрассветный ветерок разгонял туманную завесу туч, нависших над зеленым океаном дремучих лесов.

Так проходило лето, дождливое и жаркое. Тигрята за это время приобрели много знаний. Мать иногда брала их с собой в свои охотничьи экскурсии. Убивать живых существ они научились еще в берлоге, когда мать приносила им различных зверей и птиц. Битва с барсуком окончательно убедила их в том, что действовать в борьбе необходимо решительно и смело, и, кроме того, тогда же они поняли, как надо умерщвлять животных, и способы борьбы. Во время своих прогулок с матерью они знакомились с окружающим миром и его обитателями, причем природный инстинкт хищников способствовал приобретению знаний и жизненному опыту. Все, что двигалось, т.е. бегало, ползало,

плавало и летало, обращало на себя их особенное внимание, заставляя припадать к земле, с целью сделаться невидимыми и скрадывать добычу, приближаясь к ней без малейшего звука. Только такой способ имел успех, в чем они убедились на практике. Они различали уже животных, годных в пищу, и знали, что есть существа, опасные для жизни, например, ядовитые змеи, которых они научились убивать ударами своих тяжелых, вооруженных острыми когтями лап. Где недостаточно было опыта и соображения, там выручали инстинкт и жизненный опыт предков, унаследованный от родителей.

Летящая птица, порхающий мотылек, ползущий червяк, мелькнувшая в ручье рыба, бегущая мышь пробуждали в них инстинкт хищника и желание овладеть добычей. В походке, в движениях, действиях и поступках они старались подражать матери, которая была для них примером и олицетворением всех видовых добродетелей. На охоте, во время скрадывания добычи, они следовали по пятам за матерью и копировали ее во всем, до мельчайших подробностей, стараясь не упустить ни малейшего жеста, ни одного движения мускула. Зная это, мать старалась отчетливо работать при скрадывании добычи, чтобы дети поняли смысл и значение каждого ее движения и маневра.

В это же время тигрята на опыте узнали, что цвет их шерсти – защитный, и пользовались этим при скрадывании добычи, ловко затаиваясь в кустах и зарослях желтовато-бурового цвета, где они были совершенно не заметны для глаз. Этому искусству они также научились у матери.

Лето подходило к концу. Приближалась чудная маньчжурская осень с ясными, солнечными днями, морозными ночами и безоблачным небом. Период муссонов кончился. Тайга оделась в свой богатый разноцветный наряд, не цветы, а листья горели яркими самоцветами. На общем темно-зеленом фоне леса желтели шафраном остро вырезанные листья кленов,

скромные листочки берез и лип, горели пурпуром кружевные листья винограда и малиновые пятна лиан и актинидий.

Кедры, ели и пихта свою густою хвоей оттеняли этот разноцветный персидский ковер, наброшенный ранней осенью на горы и леса Маньчжурии.

В тайге поспели разнообразные плоды, орехи и ягоды, и для всего животного мира наступил праздник насыщения, питания и накопления запасов подкожного и мускульного жира на всю долгую суровую зиму. Белки, бурундуки, летяги и другие грызуны хлопочут по целым дням, собирая в свои кладовые необходимый запас продовольствия в виде орехов, семян, сущеных ягод, корешков и других растительных продуктов. Медведи, барсуки, енотовые лисицы и все зимоспящие животные, одновременно с жированием, подыскивают себе надежные, уютные берлоги, где можно предаваться спокойному, безмятежному и долгому сну под защитой непроницаемых для ветров снежных сугробов.

Это время года самое хлопотливое и деятельное в мире животных. У всякого хлопот полон рот. Все кудато спешат, суетятся; у всех деловой, озабоченный вид.

Хищникам также много дела. Все они спешат использовать это время для охоты за травоядными грызунами и жвачными, молодые особи которых, достигшие полного роста, но не имея еще достаточного житейского опыта, легко попадаются в когти и зубы хищников.

Этот период совпадает также с брачной порой любви у многих животных. Изюбри, козули, олени, лоси и кабаны, чувствуя избыток жизненных сил и энергии, стремятся использовать его, выполняя бессознательно великий закон природы – продолжение рода. Тайга наполняется ревом и криками этих животных, и песня любви и зарождения новой жизни заглушает все другие звуки, нарушая торжественную

тишину лесов в период увядания и начала летаргического сна природы.

Тигрята к этому времени подросли и развились настолько, что выглядели полузарослыми; но это только так казалось благодаря тому, что шерсть увеличила их рост. Вес молодого самца достигал уже сорока килограммов, а самка на одну треть была легче его.

Манеры, движения и повадки у них выработались почти окончательно, но все же в выражении глаз, в облике физиономии и в некоторых характерных особенностях строения тела еще много было ребяческого, младенческого, незаконченного.

Они были все так же игривы, и шалости не покидали их пытливого ума, но в поступках и даже в самих играх исчезла прежняя безмятежность и беззаботность, уступив место деловой серьезности и обдуманности действий.

Житейский опыт и суровый закон борьбы за существование уже наложили на их юные головы свою печать. Инстинкт самосохранения и врожденные наclонности, унаследованные от предков, служили им в качестве руководителей на трудном жизненном пути.

Теперь все чаще и чаще тигрица уводила своих детей из логовища, предоставляя возможность им сапим, без ее помощи, охотиться и добывать себе пищу.

Первое время у них было много неудач, ошибок и разочарований, но постепенно, приобретая знания и опыт, они постигали эту трудную науку. Корень учения горек везде – для людей и для животных. Часто тигрята голодали, так как в сентябре у матери иссяжало молоко, и им приходилось довольствоваться только мясной пищей. Мать могла бы всегда добывать для них обильную пищу, но из соображений практического характера она хотела заставить их работать самостоятельно, зная, что голод не тетка и служит лучшим учителем и наставником в жизни.

Скрадывание зверя давалось тигрятам с большим трудом. Начали они с более мелкой дичи, с зайцев,

рябчиков, белок, бурундуков и мышей. Напрактиковавшись на них, тигрята обратили свое внимание на более крупных животных: молодых козуль, горалов, кабагру и барсуков. Мать всегда неотступно следовала за детьми и внимательно наблюдала за их охотничьей практикой, осторожно подводя их к чуткой добыче и указывая пути и способы скрадывания. Во время этих экскурсий семья удалялась на десятки километров от логовища и отдыхала в течение дня в любом подходящем месте, но преимущественно в горных кряжах, в зарослях винограда, лиан и низкорослого орешника. В свое логовище на вершине Татудинзы они возвращались все реже и реже, так как охотничий район их все увеличивался.

VIII. ГОРЬКИЙ ОПЫТ

В южных отрогах Татудинзы, в каменистых россыпях и по уступам отвесных утесов, держатся многочисленные группы горалов.

В пещерах и нишах скал они находят себе приют и убежище от ветров непогоды. Иногда в таких местах скапливается большое количество их помета, в виде небольших шариков, имеющих сходство с кедровыми орешками. В некоторых пещерах он лежит глубокими пластами, до метра толщиной: вероятно, здесь залежи этого туха скаплются столетиями, так как нижние слои представляют собой сплошную компактную массу, похожую на окаменелость.

Горалы – это дети неприступных скалистых горных кряжей: здесь они рождаются, находят себе пищу в виде альпийских трав и растений и закрыты от непогоды и многочисленных врагов среди пернатых, двуногих и четвероногих хищников. Горный орел часто сталкивает своими могучими крыльями молодых горалов в пропасть, где они разбиваются насмерть.

Кровожадная рысь, быстрый как молния леопард и могучий тигр скрадывают этих горных отшельников в

их каменных твердынях и кельях. Но застать врасплох горала очень трудно. Он всегда начеку и при малейшем признаке опасности в мгновенье ока скрывается среди лабиринта скал и отвесных утесов, делая невероятные прыжки, подбрасывая свое плотное упругое туловище крепкими как сталь ногами, снабженными круглыми и твердыми как кремень копытцами.

Горалы чрезвычайно чадолюбивы. Мать и отец с самопожертвованием защищают своих детей от нападений сильнейших хищников, причем почти всегда погибают, давая молодому поколению спастись бегством. Самки и самцы снабжены небольшими, немного загнутыми назад острыми рогами, которыми они действуют в случае нужды чрезвычайно ловко и с поразительной быстротой, нанося глубокие опасные раны; кроме того, удар горала бывает обыкновенно так неожидан и силен, что способен опрокинуть даже большого зверя, а если он по неосторожности станет на краю пропасти, то наверняка будет сброшен вниз, где найдет свою могилу. Старые опытные хищники знают эти качества горного козла, а потому, скрадывая, стараются ударом лапы сбить с ног одного или обоих родителей, тогда молодые теряются и часто также становятся добычей хищника.

Обнаружив опасность, старый козел топает передними ногами и издает звук, похожий на свист, после чего вся группа застывает на своих местах как каменные изваяния. После второго свиста молодежь пускается наутек, а за нею и старики; но если один из молодых зазевается и потеряет возможность убежать, старый козел или коза как молния бросается на врага, с опущеною вниз головой и наносит ему неожиданный и стремительный как таран удар, предотвратить который не в состоянии даже такой ловкий и быстрый пройдоха, как леопард.

Однажды тигрята, совершая обход своих охотничьих владений в районе Татудинзы, направились по выступам крутых гранитных утесов южных склонов

и на одном из поворотов очутились лицом к лицу с семьей горалов, состоящей из старого козла и самки с двумя козлятами. Самец по обыкновению стоял на страже, а мать с детёнышами лежала, поджав ноги, на краю обрыва, пережевывая жвачку после жировки.

Шедший впереди самец-тигренок первый заметил легкую добычу, припал к земле и начал скрадывать ближайшего козленка. Молодая тигрица застыла на месте от неожиданности и наблюдала за маневрами брата, который уже вплотную подполз к козленку и готов был на него броситься.

В невозмутимой тишине наступающего вечера раздался пронзительный дребезжащий свист — сигнал тревоги. Самка с козлятами мгновенно были уже на ногах и ждали второго сигнала. Этого движения было достаточно для тигренка. Он бросился на добычу, сделав один небольшой прыжок по краю откоса. Второго предостерегающего свиста не последовало, но с быстрой стрелы, выпущенной из лука, старый козел ринулся на тигренка во время прыжка и ударил его своим крепким лбом в бок с такой силой, что тот подлетел кверху на два метра, перевернулся в воздухе и исчез в пропасти. Тигренок-самочка видела из своей засады все происшедшее и так была ошеломлена и напугана, что не могла сразу сообразить и сориентироваться в создавшейся обстановке. Семейство горалов моментально скрылось в расщелине скалы, и только тогда самка вышла из-за выступа утеса в поисках брата, но его нигде не было, и она терялась в догадках. Обойдя все закоулки, она подошла к краю обрыва и посмотрела вниз, где на глубине десяти метров, на дне ложбинь, заросшей травой, шевелилась полосатая фигура маленько разбойника.

Только благодаря толстому слою мягкой травы, покрывавшему дно оврага, тигренок остался цел, хотя его бока, спина и голова значительно пострадали от падения и удара, нанесенного крепким лбом горала.

Некоторое время он пролежал на месте без движения, будучи ошеломлен и оглушен падением, затем с трудом поднялся на ноги, едва соображая.

Бока и ноги его болели. Правое плечо нестерпимо ныло. Повизгивая и призывая мать жалобным мяуканьем, тигренок осмотрелся и увидел на краю выступа скалы свою сестру, внимательно его оглядывавшую.

Громким жалобным мяуканьем он звал ее к себе. Отзычивое сердце самки не могло оставаться равнодушным, и она начала изыскивать всяческие способы спуститься вниз к брату.

Долго пришлось ей искать удобный спуск и, наконец, нащупав мягкими ладонями передних лап надежные точки опоры среди многочисленных острых выступов отвесного утеса, она, осторожно цепляясь за малейшие неровности и трещины в камнях, благополучно спустилась вниз.

Брат внимательно наблюдал за всеми ее движениями и, когда она сошла вниз, бросился к ней, ища ее участия и ласки.

Обнюхав его со всех сторон и решив, что видимой опасности нет, она замурлыкала нежную материнскую песенку, выражая свое участие и ласку языком, которым стала облизывать ушибленные места на боках и голове брата.

Ушиб, испуг и глубокие переживания клонили тигренка ко сну, и он, тихо мурлыкая, улегся рядом с сестрой и заснул безмятежным сном.

Она, лежа с ним, долго еще не могла заснуть; в маленькой голове ее роились разнообразные мысли, и мозг ее работал усиленно, переваривая как в кotle пережитые впечатления дня. В уме ее складывались уже определенные заключения, фиксируя конкретные очертания и формы.

Яркая луна уже показалась над зубчатыми гребнями лесистых хребтов, когда тигрица возвратилась с охотничьей экскурсии в свою пещеру на вершине Тайдинзы и, не найдя там своих детей, отправилась на

поиски, руководствуясь не столько обонянием, сколько соображениями и памятью.

Зная, где и по каким местам обыкновенно водила своих детей, она быстро напала на след и нашла их в знакомой нам лощине, где они так сладко спали младенческим сном.

Как все животные кошачьего семейства, тигр не обладает хорошим обонянием и при скрдывании добычи руководствуется почти исключительно слухом и зрением, которые у него развиты до исключительности.

Но тигрица, несмотря на слабость обоняния, почти безошибочно идет по следам своих детей, так как специфический запах их она узнает своим нечутким носом среди множества других запахов леса.

Подойдя к самому краю крутого леса, где произошла неожиданная катастрофа с ее сыном, она увидела на дне ложбины своих детей, мирно спавших.

Одним гигантским прыжком она перебросила свое тело вниз и сделала это так мягко и бесшумно, что тигрята не проснулись.

Нечего и говорить, с какой радостью мать, найдя своих потерявшихся детей, ласкала их и нежила. Тигрята проснулись и бросились к матери.

На дне оврага в тишине ночной слышалось громкое мурлыканье тигрицы; ее любовная колыбельная песенка, вибрируя на низких нотах, рокотала под сводами дремучего леса.

Облизывая своих детей с ног до головы, мать увела их в старую берлогу, на вершину горы.

IX. ПРИШЛА ЗИМА

Золотая красочная осень приближалась к концу. Тайга сбрасывала постепенно свой разноцветный наряд. Желтые и бурые листья покрывали толстым слоем скованную ночных морозами землю. Хотя яркие солнечные лучи согревали еще ее поверхность, но

дыхание северо-западного муссона, несущего ледяний холод с высоких плоскогорий Монголии и Сибири, с каждым днем становилось суворее, и в конце октября двадцатиградусный мороз сковал всю сушу и воды, превратив из камень и стекло.

Низкие снеговые тучи быстро неслись в синеве глубокого неба, и студеные вихри, налетая на вершины горных великанов, покрыли их белыми шапками девственных снегов.

Величавая гранитная макушка Татудинзы блестела и искрилась на солнце, резко выделяясь на фоне неба, в рамке темных кедровиков и густого ельника.

Под вечер, выйдя как-то из берлоги, тигрята были поражены открывшейся перед ними картиной: белая пелена снега скрывала от их взора все то, к чему привык их глаз в течение полугода.

Остановившись у выхода из пещеры, они долго стояли на границе снега, не решаясь сделать хоть один шаг по белой скатерти неведомой для них стихии. Наконец, самец, как более предприимчивый и смелый, попробовал передними лапами ступить на этот светлый пушистый ковер. Первое ощущение холода в мягкой чувствительной ладони и пальцах лап было для него неожиданным, он отступил назад, но любопытство заставило его продолжать исследование, и он сделал еще несколько шагов по снегу, затем поднял переднюю лапу, обнюхал ладонь и пальцы и, не найдя ничего особенного, попробовал снег языком — это оказалась знакомая вода; тогда, почувствовав жажду, он с удовольствием стал глотать снег, мурлыкая себе под нос песенку. Сестра в это время стояла у входа, наблюдала за братом, и, когда увидела результаты его разведки, смело пошла за ним, осторожно ступая и отряхивая лапы от налипшего на них снега.

Через четверть часа, освоившись с невиданным для них явлением, тигрята носились уже по белоснежной скатерти; резвились, катались в пушистой перине, гоняясь друг за другом, стараясь повалить в снег.

В это время старая первородная шерсть на тигрятах сменилась на новую. Они надевали теплые пушистые шубки ввиду наступления суворой беспощадной зимы с ее морозами и студеными ветрами. Купанье в снегу облегчило им процесс линяния, и старая отжившая шерсть вместе с намокшим снегом отпадала клочьями.

Новый наряд их уже напоминал наряд взрослых и был так же красив и пестро окрашен, но общий фон его не приобрел еще того интенсивного красно-бурого цвета, каким отличается мех взрослого тигра.

Старая тигрица к этому времени уже вылиняла и надела свою роскошную меховую шубу красновато-бурого цвета, испещренную черными бархатисто-атласными поперечными полосами. Всегда напряженный, как стальная пружина, хвост ее также надел пушистую муфту.

С выпадением снегов, в середине ноября, когда северо-западный муссон особенно свирепствовал на высотах хребта Лао-Э-Лина, тигрица оставила свое логовище на вершине Татудинзы и перешла со своими детьми в нижние ярусы горы, на южные ее склоны, где солнечные лучи прогревали обнаженный гранит, давая тепло и необходимый уют для устройства зимнего логова. Но это логовище не могло быть постоянным, так как подросшие тигрята и сама тигрица, нуждаясь в обильном корме, должны были постоянно кочевать за стадами кабанов, совершивших передвижение в зависимости от наличия кормов в данной местности.

В октябре и ноябре кабаны держатся в дубняках, на южных склонах гор, где жириуют на желудях. В декабре и январе, когда созревает кедровый орех и шишки валяются с дерева, кабаны переселяются в кедровники. Февраль и март – время бескормицы; стада кабанов разбиваются на группы, по полу и возрастам, и бродят по орешникам и дубнякам.

Старые самцы отделяются от своих стад и ведут уединенный образ жизни отшельников. Эти аскеты

превращаются в конце концов в закоренелых пессимистов, недовольных всем миром, желчных и злобных. Так и доживают они свой век вне общества себе подобных, пока естественная смерть или властелин тайги, могучий тигр, не прекратит их печальные, нерадостные дни. Но даже тигр предпочитает охотиться за молодыми, так как их добить легче и мясо их нежнее и вкуснее, и только в крайнем случае бескормца заставляет его напасть на старого одицца в его берлоге, причем таежный богатырь, опытный боец, дорого продает свою жизнь и защищается с бешеным отчаянием накипевшей в нем злобы.

Только вполне взрослый тигр, достигший предельного возраста и физического развития, решается вступить в единоборство с угрюмым отшельником тайги. Нередко случается, что тигр в этой борьбе получает тяжелые раны, делающие его инвалидом. В этом возрасте клыки кабана вырастают настолько, что концы их загибаются назад и при нанесении ими ударов не могут глубоко проникнуть в рану, вследствие чего не производят того эффекта, каким сопровождается удар нормального клыка кабана-секача, имеющего форму искривленного кинжала; но все же благодаря опыту и постоянной практике владеть оружием старый одиц нец является отличным фехтовальщиком и опасным противником для тигра. Последний в этой борьбе должен всегда быть начеку, в полной готовности отразить неожиданный удар клыками, иначе гибель для нападающего неминуема.

При необычайной чуткости и осторожности одицца взять его врасплох, даже для опытного тигра, почти невозможно, а поэтому борьба всегда происходит в открытую, причем кабан занимает оборонительную позицию, защищая свой тыл стволом дерева, а тигр старается утомить свою жертву удачным маневрированием. Задача хищника сводится к тому, чтобы оседлать своего противника и перекусить ему шейные позвонки. Эта задача не из легких, так как кабан зорко

следит за действиями тигра и всегда готов нанести ему смертельный удар одним из своих острых клыков-кинжалов.

Случается, что тигр берет кабана измором, то есть ложится против него на расстоянии десяти шагов и ждет, когда кабан утомится и внимание его ослабеет, тогда он стремительно, как молния, бросается на него, ударом своей тяжелой лапы бьет его по носу и тем отводит направленный удар клыками, одновременно вскакивает ему на спину и хватает его затылок страшной пастью, причем длинные конусообразные клыки его проникают в толщу шейных мускулов, разрывая сонные артерии, а коренные зубы как гигантские клещи ломают шейные позвонки; в это время правая передняя лапа, вооруженная острыми серповидными когтями, как таран падает на длинное рыло кабана и сворачивает ему голову на сторону.

Первое движение кабана – это бросок вперед, но тяжелый всадник тормозит своими задними ногами по земле, и голова, свернутая на бок, мешает ему бежать. Весь процесс борьбы не продолжается и одной минуты. Кабан ложится на бок и испускает дух под тяжестью двадцатипудового противника.

Но если тигр промахнулся и не успел захватить затылок кабана в свою пасть, тогда борьба затягивается на неопределенное время, иногда на час и на два, в зависимости от сил и опыта обоих бойцов.

Иногда же, весьма редко, борьба кончается вничью, тогда оба противника расходятся, унося на себе следы отчаянной борьбы в виде глубоких ран от трехгранных кинжалов кабана и серповидных перламутровых когтей кошки.

Со свиньями и молодыми кабанами взрослый тигр справляется легко, и поэтому свинина является его главной пищей.

Тигр держится обыкновенно возле кабаньего стада и берет себе на обед любого кабана. Он следует за этим стадом, куда бы оно ни двинулось, пока не уни-

чтожит всех до одного. Местные китайцы говорят, что тигр пасет стада кабанов, и действительно, «страшный пастух» берет свою кровавую дань с беспощадностью деспота.

Х. ОТЕЦ ВАНА

Наступил ноябрь. Суровая зима покрыла горы, долины и леса своим белым пушистым ковром. Ледяное дыхание полярных пустынь Сибири, перевалив Хинган, прокатилось к берегам Ниппонского моря.

Звери и птицы тайги перекочевали на южные склоны гор, на солнопеки, где яркое солнце горело своими живительными лучами настолько сильно, что снег совершенно не держался, обнажая почву и гранитные россыпи, усыпанные спелыми желудями и орехами.

Медведи и другие зимоспящие звери залегли в свои берлоги до весны, и снежные сугробы скрыли их от мира под белым, непроницаемым для мороза саваном.

Урожай желудей и орехов был обильный, и кабаны держались в дубняках предгорий Лао-Э-Лина, группируясь в некоторых местах многочисленными стадами в несколько сот голов.

За этими стадами в район горы Татудинзы пришли и тигры, так что на сравнительно небольшой площади, в несколько сот квадратных километров, их собралось несколько. Среди этих хищников особенно выделялся своей величиной один старый самец, богатырь по сложению, чрезвычайно грузный и массивный. На широком лбу его и на затылке обозначены были иероглифы «Ван» и «Дэ», то есть «великий князь». Ему повиновались все тигры. Жил он одиноко в каменных трущобах Татудинзы, изредка совершая набеги в долину, где паслись его многочисленные стада кабанов, изюбреи и коз. Нередко он овладевал чужой добычей, причем хозяин, будь то старый почтенный тигр или

тигрица, молчаливо уступал ему дорогу, предоставляя своему владыке право на свое не только движимое, но и недвижимое имущество, так как ему уступалась и пещера, им облюбованная. Власть его была неограниченна, и он спокойно принимал все знаки почтения к себе и уважения как нечто должное. При встрече с ним все его подданные сходили с дороги и почтительно в сторонке выжидали его прохода.

Сознавая свое превосходство над всеми обитателями тайги, он был очень важен и медлителен; все движения его были полны достоинства и величия. Вся его могучая фигура олицетворяла грозную стихийную силу и непреклонную волю.

Не боясь присутствия человека, он не уклонялся от встречи с ним, но не причинял ему никакого вреда, презирая его как существо слабое. При встречах с охотником и звероловом он продолжал свой путь спокойно, не моргнув глазом, как будто никого нет.

Местные таежники знали его уже много лет и воздавали ему божеские почести, ставя на горных перевалах в честь его кумирни с надписями, обозначающими молитвенное обращение к владыке гор и лесов с целью его умилостивить и задобрить.

Великий Ван знал, каким обаянием пользуется он среди людей, и, видя страх и ужас, им внушаемый, вел себя соответствующим образом и не обращал никакого внимания на представителей рода человеческого, попадавшихся на его пути. Он совершенно пренебрегал ими как добычей и игнорировал как врагов. Всегда сътый и довольный, он был в хорошем расположении духа и в буквальном смысле слова царил в тайге, не встречая нигде препятствия проявлению своей воли. Местные сторожи-звероловы насчитывали ему около полусотни лет и знали его родословную до третьего колена.

Отец его, великолепный корейский тигр, умер от старости на вершине священной горы Бай-Ту-Шань (по-корейски Пак-Ту-Сан), в пещере Великого Духа

Дракона. Смерть его ознаменовалась землетрясением, так как Великий Дракон, спящий в недрах горы, ворочался в своем каменном ложе, и горячее дыхание его в виде серных паров и ядовитых газов вырывалось из глубоких трещин у самой вершины. Небесное же озеро, покоящееся в кратере вулкана, кипело и волновалось, посыпая свои животворящие священные воды в Сунгари, в реку Желтого Лотоса.

Народное сказание говорит, что душа великого человека, совершая цикл своих перевоплощений, поселяется в теле Великого Вана, а с его смертью переходит в цветок лотоса, невидимый для смертных, и пребывает в нем до полного очищения и слияния с мировой душою Вселенной. Воды реки Сунгари насыщены дыханием Великого Дракона Священной горы и несут в себе животворящее начало и целительную силу.

Цветок желтого лотоса распускается один раз в пятьдесят лет, когда умирает Великий Ван, и цветет три дня. Видеть его может только человек святой жизни, свободный от людских пороков.

Лет сорок тому назад, будучи еще молодым тигром, в лесах Омосянского уезда он был пойман сетьми на одной из Императорских охот для зверинца в Пекине, но ученые люди из свиты Богдыхана признали в нем Великого Вана и с почетом отпустили его на волю. Во время этой церемонии присутствовал сам Богдыхан, и тигр почувствовал свободу, спокойно подошел к правителью Китая, поклонился ему до земли и медленно удалился в свои родные леса. Такова легенда.

Обаяние и мистический ужас, внушаемый тигром народам Восточной Азии, имеют древнейшее происхождение, относящееся к самому началу истории человечества, когда царил на земле зверь.

Примитивный человек, вооруженный каменным топором и дубиной, должен был отстаивать право на жизнь и вести смертельную борьбу с обитателями пе-

щер. Темный ум человека того отдаленного периода, подавленный смертельными опасностями неравной борьбы, видел во всех проявлениях сил враждебной природы сверхъестественное начало и окружал особым божественным ореолом некоторых особенно кровожадных и опасных хищников. К числу таких хищников принадлежат: тигр в Азии, лев в Африке и ягуар в Южной Америке.

Необычайная сила, поразительная ловкость, быстрота движений и удивительная хитрость гигантской кошки и в настоящее время поражают ум человека, наводя его на мысль о чем-то сверхъестественном. Мистически настроенный полудикий народ под влиянием преданий глубокой древности и легенд давно отживших поколений создал себе особый кульп тигра, связанный с особыми обрядами.

Культ тигра, как и культ дракона, глубоко укоренился в психологии китайца и сжался с ним, войдя в обиход его повседневной жизни.

В особенности это заметно среди обитателей гор и лесов, где человеку приходится жить в первобытной обстановке дикой природы и сталкиваться с властелином тайги непосредственно.

Обаяние, которым пользуется тигр среди некоторых народов Азии, отчасти распространяется и на пришлих европейцев; так, некоторые охотники на крупного зверя поплатились своей жизнью при встрече с тигром, не будучи в состоянии поднять винтовку для выстрела.

Пронзительный, полный сознания силы и могущества, гипнотизирующий взгляд свирепого хищника лишает человека, нервного и нравственно неустойчивого, воли и парализует его нервные центры, следствием чего является временный нервный шок или паралич органов движения. В таком состоянии человек легко становится жертвой хищника.

Но не все животные подвержены такому психическому состоянию в одинаковой степени; так, кабаны,

обладающие более грубой нервной организацией, не страдают этим, но олени, козы, собаки и даже медведи нередко попадают в когти тигра в состоянии нервного транса.

Подобное явление наблюдается и у других животных-хищников, овладевающих своей добычей силой; так, удав гипнотизирует антилопу, ядовитая змея – кролика, паук – муку и т.п.

Под влиянием зимней стужи и для защиты от ледяных северных ветров тигрица увела своих детей в нижний ярус Татудинзы, где у нее была облюбована глубокая уютная пещера, закрытая с трех сторон гранитными стенами и устеленная толстым слоем перегнивших листьев. Здесь было тепло и удобно, как в фанзе.

Яркое зимнее солнце нагревало гранитные плиты у входа в пещеру. Здесь тигрята любили проводить время в играх и здесь же отдыхали после сытного обеда, состоящего исключительно из молодой кабанятыны.

За это время они научились уже самостоятельно, без участия матери, справляться с поросятами и даже прошлогодними свиньями. На самцов кабанов они еще нападать не решались, зная по опыту, что это дело им не под силу и к тому же вызывает много хлопот. Беззащитных поросят много, а старых свиней, которые могли бы стать на их защиту, тигрица отгоняла прочь.

Тигрята росли и жирали и к концу зимы, то есть, в феврале месяце, могли бы вести самостоятельную жизнь, но мать все же не решалась их бросить, несмотря на то, что зов природы, зов любви и общения с себе подобным манил ее в даль голубых сопок, откуда раздавался призывающий крик самца и рев дерущихся соперников. Материнское чувство было сильнее и побороло в ней инстинкты природы. По ее мнению, дети были еще малы и не подготовлены к самостоятельной жизни. Она подавила в себе зов природы. Мать оказалась сильней самки.

Часто, в глухую ночь, возвращаясь со своими детьми с охоты, она прислушивалась чутким ухом к голосам самцов, доносившимся из глубины тайги, и сердце ее замирало и нервная дрожь пробегала по всему ее могучему телу. Она останавливалась, и жалобный стон вырывался из ее груди.

Но при одном взгляде на детей, следующих неотступно за нею, мурлыкающих свои детские песенки, она отгоняла от себя соблазн, глубоко и тяжело вздыхала и, повинуясь призыву сильнейшего тяготения крови, покорно шла к своей уютной семейной берлоге.

Так проходили дни. Наступила весна, а затем и лето. Годовалые тигрята уже выглядели взрослыми. В их внешности и движениях исчезла младенческая неуклюжесть, мешковатость и задорная игривость. Взгляд их стал серьезнее и осмысленнее. Опыт жизни и вечная борьба за существование наложили на их психику тяжелую руку. Их мысли и действия координировались в строгой последовательности. Каждый шаг их казался обдуманным, ни одного лишнего движения.

Все реже и реже они играли и ревились между собой, и сами игры приняли другой характер: теперь они упражнялись больше в скрадывании друг друга, в борьбе, причем по-прежнему самец рассчитывал на свою силу, а самка на коварство и хитрость.

Вес самки достигал уже восьмидесяти килограммов, а самец весил более и поражал развитием головы и передних конечностей; на его широком плоском лбу ясно вырисовывались очертания иероглифа «Ван», а на затылке, где развивалась будущая пышная грива, обозначились уже признаки другого иероглифа «Дэ» – Великий.

Это был сын Великого Вана; будущий Повелитель гор и лесов беспредельного Шу-Хая.

XI. ШУ-ХАЙ – ЛЕСНОЕ МОРЕ

От границ Кореи до берегов Амура, на сотни километров растянулись горные хребты. Гранитные вершины их, острые кряжи, крутые и пологие склоны, темные ущелья и широкие долины заросли дремучими первобытными лесами.

Лет двадцать тому назад эти зеленые пуши были пустынны и безлюдны. Таинственную тишину лесов этих нарушали только крики зверей и неумолчный шум горных потоков. По едва заметной звериной тропе изредка пробретет полуудикий зверолов или бродяга хунхуз. В верховьях горных ручьев, в глубоких распадках ютятся убогие шалаши рыболовов и фанзы охотников.

Это Лесное Море – Шу-Хай, как называют местные жители всю восточную часть Гиринской провинции. Действительно, зеленые волны лесистых горных хребтов занимают всю эту обширную площадь, напоминая застывшее море, уходящее в безбрежную даль горизонта.

Это особый мир тайги, но не суровой однообразной угтромой тайги Сибири, а богатый, роскошный мир субтропических лесов с его бесконечным разнообразием растительных и животных форм.

Здесь господствует зверь, а не человек. Как в первобытных лесах третичного периода, последний влачит жалкое существование, ведя неустанный борьбу с дикой природой.

Все здесь напоминает седую старину исчезнувшей геологической эпохи. Люди и звери сохранились здесь в первозданной обстановке дикой пустыни.

Такой Шу-Хай – первобытный лес Гиринской пустыни. Он имеет свою историю, свою особую жизнь, свой быт, свои законы и свои легенды, связанные с преданиями глубокой древности.

Но с проведением железных дорог и заселением края плодородия этих лесов постепенно сокращаются, и

дикие обитатели их уходят в глубину зеленой стихии, ища уединения и защиты в нетронутых девственных чащах тайги, удаленных от людских поселений и путей сообщения.

Появление старого Владыки лесов было вскоре обнаружено звероловами, обитающими в окрестностях Татудинзы. Известие это скоро облетело всю тайгу, от границ Кореи до линии КВЖД. Старые таежники говорили, что Ван пришел сюда недаром, что цель его прихода угрожает людям или связана с личными делами Владыки.

Судя по его поведению, местным жителям не угрожает никакая опасность, и звероловы успокоились, продолжая заниматься обычным делом.

Владыка был уже стар и пришел сюда проводить свою подругу, живущую с детьми на горе Татудинзе.

В одну прекрасную летнюю ночь, когда тигрица отдыхала со своими детьми в пещере, он явился к ней, неслышно шагая по мягкому грунту лесного перегноя своими могучими бархатными лапами.

Увидев приближающегося самца, тигрица насторожилась, готовясь прогнать его прочь, но, узнав своего повелителя, она как бы вся съежилась, припала на лапы и подползла к нему, подобострастно опуская голову и мурлыча ласковую песню.

Владыка подошел к своей подруге, милостиво замурлыкал и стал облизывать ее морду своим грубым шершавым языком.

Тигрица была наверху блаженства, каталась перед ним по земле, как котенок, и выражала свое удовольствие всеми доступными ей способами.

Она была ему верной женой и сохранила в сердце своею память о нем.

Дети отнеслись к своему отцу не так дружелюбно, вначале фыркали и дичились, но вскоре, видя отношение матери, позволили ему облобызать себя в нос и уши, что у тигров служит признаком любви и расположения.

Так состоялось свидание Владыки со своей семьей. В течение всего лета старый тигр прожил вместе с ней, участвуя в охотах и далеких прогулках, и только поздней осенью, когда вершины горных великанов покрылись снегом, он навсегда ушел в Корею, туда, где дымилась в облаках каменная громада Пак-Ту-Сана.

Сын его, Великий Ван, отмеченный самою природой, рос не по дням, а по часам и с наступлением второй зимы был вдвое больше своей сестры и не уступал матери ни в величине, ни в силе.

Приближалось время «звериных ночей», когда все тигры сходятся вместе и ведут общественную жизнь. Это самый беспокойный период в жизни тигра.

Самцы ухаживают за самками, и флирт, сопровождаемый серенадами и ревом соперников, процветает под сводами дремучего леса в самый разгар зимней стужи и ледяного дыхания Сибири.

Наступил январь. Тигрята все реже и реже возвращались в свою берлогу, и мать их, оставаясь в одиночестве, все чаще и чаще прислушивалась к голосам зверей, призывающим голосом любви.

В конце концов, потеряв детей, тигрица, послушная велениям природы, пошла на этот призывающий голос и больше не вернулась в свою пещеру.

Тигрята поодиночке иногда возвращались по старой привычке в родную берлогу, но, не найдя там никого, покинули ее и жили одни без матери в течение полугода. Затем, когда пришла пора любви, они разошлись в разные стороны.

XII. БАРХАТНАЯ ШУБКА

В темном глухом кедровнике, куда едва проникают солнечные лучи и где царит вечный полуумрак и пахнет сыростью, мохом и грибами, обитает семья шустрых, ловких и кровожадных зверьков, напоминающих по внешнему виду небольших змеек.

Острые мордочки их, с голым подвижным носом, вечно в движении, зоркие карие глазки быстро шмыгают, как мыши, по чаще, выискивая свою главную добычу, проворную белку; туткие уши улавливают малейший звук в вершинах кедров-великанов, и горе зазевавшемуся резвому грызуна попасться на глаза беспощадному хищнику! Ему не уйти! Это — хищник-соболь! Называемый на образном языке тайги «Беличья Смерть».

В дупле старого тополя было гнездо парочки соболей. Давно уже поселились они здесь, не допуская в свой охотничий район других соболей. Даже собственные дети их осенью, будучи уже взрослыми, покидали гнездо родителей и искали себе другие районы для своей хищнической деятельности.

Старый соболь, Бархатная Шубка, выглянул из своего дупла и повел своим чутким носом во все стороны.

Белок поблизости нет, и не в этом дело, а нет ли злейшего врага, гималайской куницы, которая преследует соболя и уничтожает своего родственника, даже в его собственном жилище?

Все благополучно. Ни следа, ни запаха куницы нет. Можно отправляться на охоту.

Чета соболей вылезла из своего логова, спустилась по стволу дерева вниз и пошла по старым своим следам на вершину хребта, где ютились белки и бурундуки. Долго бродили они по кедровнику, наконец нашли свежий след белки на снегу, возле старого кедра.

Маленькие хищники хорошо понимали друг друга и знали, что им надо делать. Разойдясь в разные стороны, они взяли белку «в вилку». Бархатная Шубка быстро поднялся на кедр и засел у дупла, где находилось гнездо грызуна, а подруга его, соболиха, пошла по следам зверька. Хищнику не пришлося его долго искать, так как тонкое обоняние и слух руководили всеми его действиями. Белочка сидела на ветке у ствола старо-

го кедра и задумалась, пригретая лучами зимнего солнца. Увидев добычу, соболиха стремглав бросилась ее преследовать, надеясь на свою быстроту. Заметив грозящую беду, белка как молния метнулась к своему гнезду, но там сторожил ее соболь-самец. Едва успела беглянка увернуться от зубов хищника, как сзади настигала ее соболиха, от нетерпения и злобы скрипевшая зубами. Смерть была близка, и несчастной белке ничего не оставалось больше, как броситься с кедра вниз с головокружительной высоты.

Расправив лапки и вытянув пушистый хвост, зверек плавно, как авиатор с парашютом, спустился вниз и погрузился в мягкую пелену снега.

Как раз в это время под кедром проходил Ван, возвращаясь с удачной охоты на кабанов в свою берлогу.

Маленький зверек, летящий по воздуху, возбудил его любопытство. Он остановился и лапой нащупал то место в снегу, где исчезла белка. Испуганный внезапным появлением огромной лапы, зверек поспешил выбраться из своего убежища и сделал прыжок вверх, подняв тучу снежной пыли. Всю морду тигра была усыпана снегом как мукой. Он спешил и в удивлении отступил назад.

В это время белка вынырнула из пушистой перины и вышла на старую битую тропу Вана. Она села на задние лапки и с любопытством начала рассматривать стоящего перед ней грозного царя тайги.

Она уже забыла об опасности, грозящей ей сверху, и всецело поглощена была созерцанием.

Ван с интересом наблюдал крошечного зверька, спустившегося подобно птице с высокого кедра, и в голове его рождались новые мысли.

Соболи тем временем спустились по стволу дерева в погоне за юрким грызуном. Бархатная Шубка, разгоряченный преследованием, налетел на Вана и остановился возле него с поднятой для дальнейшего движения лапкой.

Он был поражен неожиданностью и стоял перед колоссальным хищником, весь дрожа от злобы и азарта преследования.

Ослепленный погоней за добычей, соболь смотрел на тигра как на препятствие и помеху в охоте, и маленькие выразительные глазки его светились гневом и яростью.

Он готов был броситься на Вана и, угрожающе оскалив свои зубы, зашипел как змея, в бессильной злобе.

Великий Ван впервые видел перед собой маленького хищника, Беличью Смерть, и его поразили геройство и отчаянная решимость малыша. Его забавляло такое положение: он, Владыка тайги, внушающий страх и ужас всему живому, отступает перед маленьким зверьком, проявившим такую неслыханную смелость.

Белочка, смотревшая без страха в глаза тигру, при одном взгляде на своего смертельного врага, беспощадного соболя, съежилась от ужаса и бросилась бежать.

Первым движением ее было подняться винтообразно по стволу кедра, а там уже искать спасения в гнезде.

Бархатная Шубка, видя, что добыча уходит, еще раз оскалил свои зубы на царя тайги и стремительно продолжал преследование.

В одно мгновение оба хищника были уже на дереве и гоняли бедного грызуна по стволу и ветвям, пока он не выдохся и стал тяжело дышать.

Главная их задача была не допустить белку к гнезду и утомить ее погоней.

Во время этого преследования они загнали белочку далеко от ее гнезда, на другое дерево.

Тигр неотступно следил снизу за всеми перипетиями этой воздушной охоты, и его поражали ловкость и выносливость маленьких хищников.

Он видел в них таких же неутомимых и совершенных хищников, как и он сам, но преимущество было все же на их стороне: они охотились в ветвях высочайших деревьев, что недоступно ему, всемогущему Повелителю тайги.

Впервые в мозгу его шевельнулось чувство зависти.

Он не завидовал никому, даже человеку с его хитрыми орудиями убийства, медведю в его умении нападать, но маленьким соболем он восхищался, любуясь всеми его движениями, хитростью и умением овладеть добычей.

Утомленная до изнеможения, белочка повисла наконец на одной лапке на ветке кедра и готова была упасть.

Ван стоял внизу и наблюдал; ему интересно было знать, чем окончится эта охота, которую он видел впервые.

Бархатная Шубка, видя, что добыча готова упасть с дерева, быстро спустился вниз по стволу и прыжками направился к тому месту, куда должна была упасть белка.

Но там стоял Ван и также, подняв голову кверху, ожидал падения грызуна.

Соболь видел, как белка упала в снег, как тигр достал ее оттуда лапой и положил возле себя.

Она была в забытии и еле шевелила лапками.

Надо спешить, а то она очнется и снова уйдет!

Но там возле нее страшный Ван! Он обнюхивает ее маленькое тельце и морщится, когда она лапками щекочет его длинные белые усы. Его забавляет этот пушистый мягкий комочек.

Бархатная Шубка видел всю эту сцену и остановился возле тигра, не смев подойти к царю зверей.

Он не решался нарушить его спокойствие и в то же время горел желанием овладеть добычей.

Злобное ворчание и шипение маленького хищника обратили на себя внимание Вана; он обернулся и

увидел возле себя того самого зверька, который гонялся в вершине кедра за белкой.

Так вот он какой, этот маленький герой!

Осмеливается даже отбивать у него свою добычу!

Это так поразило Великого Вана и показалось ему до того забавным, что он отступил на два шага и с любопытством стал наблюдать, что будет дальше.

Соболь, как ни в чем не бывало, злобно фыркая и скаля зубы, подскочил к белке и, схватив ее за загривок, потащил в сторону, а затем быстро взобрался на кедр, где его ожидала подруга, встретившая храброго самца довольным мурлыканьем.

Маленькие хищники скрылись уже в густой хвое кедровых ветвей, а Ван все еще стоял под деревом и смотрел им вслед.

Он сравнивал себя с этими отважными хищниками и ощущал какое-то неудовлетворение.

Все живое ему подчинялось в пустыне; он был всемогущ, и никто не смел становиться у него на пути.

Но маленький храбрый зверек заставил усиленно работать его мозг, и глубокие думы занимали его голову, перевернув основательно весь порядок его мышления.

Бродя по лесам, теперь он часто всматривался в темные вершины великанов кедров и сознавал, что этот мир, возвышающийся над землей, ему недоступен, причем вспоминал виденную им воздушную охоту на недосягаемой высоте.

Птицам он не завидовал: они были слишком далеки от него по строению и физическим качествам. Но к маленькому хищнику он чувствовал зависть.

XIII. ВСТРЕЧА С ТУН-ЛИ

Вану было уже полтора года. Вес его достигал ста пятидесяти килограммов. Чувствуя в себе избыток сил и энергии, он нежился под лучами яркого зимнего солнца, щурил глаза, потягивался, приглаживал

своим шершавым языком великолепный мех и думал свою большую звериную думу.

В его молодом, еще не вполне сформировавшемся мозгу роились воспоминания детства. Образ матери и сестры вставал перед ним, и щемящее чувство тоски и одиночества по временам захватывало его всецело, не давая покоя.

Но жизнь брала свое, и эти воспоминания становились все бледнее и бледнее, и образы прошлого уходили вдаль, давая место суровой действительности.

Жизнь требовала действия, напряжения воли и энергии и предъявляла свои права.

Зима подходила к концу. Звероловы прекратили ходить на охоту, так как звериный мех под влиянием тепла начал вылезать, теряя свою ценность.

Старый Тун-Ли заканчивал свой пятьдесят пятый промысловый сезон. Драгоценные шкурки соболя были упакованы и лежали в берестяной кошелке. Сверху на них были плотно утрамбованы другие, менее дорогие, шкурки колонка, куницы, белки, енота, лисицы и выдры. Вес этой кошелька достигал сорока килограммов. Привязанная к рогулькам, такая кошелька носится обыкновенно за плечами на спине.

Убрав все свое несложное хозяйство в фанзе и тщательно заметя пол и площадку около фанзы, старый зверолов совершил моление у домашней кумиренки, врезанной в ствол колоссального кедра; ударили несколько раз палочкой в чугунный колокол, висящий тут же, на ветке клена, и припал к земле ниц, мысленно благодаря Горного Духа за удачный промысел.

Густые басовые звуки колокола мерно зарокотали в чаще и поплыли вдаль, замирая в глубине дремучей тайги.

Завершив моление с зажжением благовонных курительных свечей на алтаре кумирни, Тун-Ли быстро поднялся с колен, надел себе на спину тяжелую кошельку, подпер плотно дверь фанзы колом и с длинною палкой в руках зашагал по битой тропе к востоку.

Солнце склонялось уже к закату, и вечерние тени легли между стволами могучих кедров. Старый зверолов рассчитывал заночевать в фанзе, отстоящей отсюда в десяти километрах, и завтра утром продолжить путь к востоку до города Нингулы, то есть сделать семьдесят пять километров в полтора дня.

Здоровая умеренная пища, абсолютно чистый горный воздух, трудная ходьба по горам и отсутствие треволнений дают те нормальные условия жизни, которые обуславливают крепость физическую и духовную.

Тун-Ли потерял уже счет прожитым летам и знал только, сколько лет его сыну, живущему в Нингуле и занимающемуся торговлей. Сыну уже перевалило за пятьдесят, а внуки давно женаты, хотя и живут по старым традициям одной семьи, в одном доме, в полном подчинения у отца и деда.

Бодро шагает старик, согнувшись под тяжелой ной, по тропе и думает свою старческую думу о том, как встретят его любимые внучата и какие подарки принесет он им к праздникам Нового года.

Таежная ночь между тем наступила, и яркая луна поплыла по темному звездному небу, бросая свои бледные лучи на тропу и чащу черного как могила кедровника.

Скоро фанза. Зоркий глаз зверолова различал уже вдали тусклый свет оконца, затянутого промасленной бумагой. Еще один поворот – и в излучине ручья, под навесом скалы, покажется фанза соседа зверовщика Лу-Бина.

Но что это! Впереди, шагах в двухстах, на тропе темнеет какая-то фигура! Она недвижима, только сзади нее, извиваясь как змея, шевелится что-то длинное и тонкое, не то ствол дерева, не то виноградная лоза.

Черные зрачки старого Тун-Ли сузились и вперились в одну точку.

Он остановился на тропе за могучим стволом тополя и не спускал глаз с темного предмета.

Наконец, по некоторым признакам и на основании многолетнего опыта, он понял, что перед ним тигр. Это был Ван.

Оружия с ним не было, да оно и бесполезно в таких случаях: что может сделать слабый одинокий человек, даже хорошо вооруженный, при встрече с гигантской кошкой в таежную ночь! Тогда человек, как мышонок, бессилен перед смертельным прыжком могучего зверя.

Однако Тун-Ли не струсил. За свою долгую жизнь в лесах Лао-Э-Лина он подвергался тысячам опасностей, и не раз приходилось ему встречаться с царем маньчжурской тайги. Он знал, что малейшее проявление трусости и даже нерешительности может стоить жизни.

Убедившись, что хищник стоит на тропе и смотрит на него своими круглыми светящимися зрачками, он вышел из-за ствола дерева и медленно, но решительно направился к нему по тропе, не спуская глаз с неподвижной фигуры зверя.

Рассстояние быстро сокращалось.

Человек смело шел навстречу страшному зверю.

Взоры их встретились, и невидимая нить, соединяющая их зрачки, натягивалась, как струна готовая лопнуть.

С каждым шагом напряженное состояние становилось более острым, и казалось, что должен произойти взрыв – так натянуты были нервы, так чувствовалась безвыходность положения.

Мозг хищного зверя усиленно работал, и нервные центры его не успевали фиксировать внешние впечатления.

Все произошло так неожиданно и внезапно, что не оставалось места для размышлений.

Наступило время действовать.

Тун-Ли подошел вплотную к зверю и не замедлил шага, продолжая гипнотизировать его своим взглядом.

Впервые видя человека, смело идущего ему на встречу, Ван был ошеломлен. Первобытный мозг его не успел отреагировать на это явление.

Выхода не было: столкновение неизбежно.

Зверь или человек должен уступить дорогу!

Тун-Ли сознавал, что уступать нельзя, так как это грозит верной смертью. Надо идти вперед во что бы то ни стало.

Колоссальным напряжением воли старик заставил себя идти вперед.

Почти бессознательно, видя неизбежность столкновения, Ван сошел с тропы в сторону, уступая дорогу человеку.

Так же точно он обошел бы стороной всякое препятствие на своем пути в виде поваленного дерева или выступа скалы. Он действовал машинально, без участия воли.

Тем же скрым, но размеренным шагом Тун-Ли прошел мимо хищника, стоявшего в стороне с недоумевающим и растерянным видом.

Зверь смотрел вслед человеку, быстро удалявшемуся по тропе.

Еще большее напряжение воли надо было проявить старому зверолову, чтобы не оглянуться назад.

Опытный таежник знал, что делать этого нельзя, что опасность не миновала. Зверь пристально смотрел вслед человеку, и в мозгу его копошились новые мысли. Опасность заключалась в изменении положения.

Оглядывающийся назад человек показал бы свою нерешительность и трусость, и в голове хищника явились бы новая мысль овладеть добычей, так как прежнее обаяние и влияние посторонней воли было бы уничтожено побуждениями хищнического инстинкта зверя.

Быстро миновав поворот тропы, Тун-Ли подошел к фанзе и сбросил свою кошельку у дверей ее, подпerteых колышком. Хозяина, очевидно, не было дома.

Постояв немного у дверей и закурив трубку, Тун-Ли вошел в фанзу. Тусклый огонек мерцал в глубине ее, бросая слабый свет на убогую обстановку. Здесь только старый зверолов почувствовал слабость и упадок сил. Наступила реакция после необычайного напряжения воли и подъема нервов.

Старик еле держался на ногах и прилег на теплый кан, положив себе под голову обрубок дерева.

Глубокий сон овладел им, и трубка, которую он держал во рту, скатилась на пол. Такова была первая встреча Тун-Ли с Великим Ваном.

В голове хищника также хорошо запечатились высокая сухая фигура старого таежника и взгляд его проницательных глаз.

Когда темная фигура зверолова скрылась за поворотом, Ван вышел на тропу и двинулся по ней, направляясь к вершине узкого распадка, где находилась фанза Тун-Ли. Дойдя до нее, хищник остановился и долго ее рассматривал. Он вспоминал недавнюю встречу, и образ старика как живой вставал перед ним. Он угадывал, что здесь его жилище, и в сознание его проникало неведомое дотоле чувство уважения к человеку, проявившему сильнейшую волю и присутствие духа. Он был подавлен этой волей и побежден превосходством высшей духовной силы. Полная луна плыла по темному небу. Горы и леса застыли. Безмолвие пустыни царило вокруг.

Где-то далеко, в глубокой пади, кричал филин, и красные волки, чуя добычу, выли и плакали за ближайшим увалом.

Выйдя на гребень хребта, Владыка тайги остановился на выступе утеса, прислушиваясь к звукам леса и всматриваясь в редкую поросль дубняков, скрывавшую стада кабанов.

Царь тайги сознавал свою силу и могущество и обозревал свои владения, простирающиеся на сотни километров обширного Шу-Хая.

С юга на темном фоне неба, освещенная яркими лучами луны, вырисовывалась ажурная как кружево вершина Татудинзы.

При одном взгляде на нее в мозгу Вана зашевелились воспоминания детства и беззаботной жизни под опекой матери. Но это был один миг. Чувство острого голода заглушало другие мысли и неудержимо влекло его вперед в поисках добычи.

Зная, что в зарослях дубняков он найдет стадо кабанов или, в крайнем случае, одицца-отшельника, хищник спустился вниз и двинулся по чаще, придерживаясь затененных мест и глубоких оврагов.

XIV. ПОЕДИНОК

У корней старого дуба, в логове, устланном хворостом и прошлогодними опавшими листьями, дремал старый кабан-одицец. Снился ему чудный сон дней давно минувших. Он видит себя молодым и сильным; клыки его, острые как ножи, держат в повиновении все стадо подростков-кабанов, свиней с поросстями и даже взрослых кабанов. Все уважают его и боятся. Он султан многочисленного гарема и неограниченный повелитель нескольких стад. Картины прошлого проходят перед ним как живые. Он хранитель стада и защитник от многочисленных врагов. Красные волки держатся от него на почтительном расстоянии. Двуногий хитрец-человек не обманет его, и не страшны ему и его стаду ловушки и ямы, в которые попадают легкомысленные и близорукие свиньи. Он всегда начеку, всегда готов к борьбе за право жить, не только за себя, но и за все опекаемое им стадо. Умному тигру, и тому редко удавалось выхватить из его стада зазевавшегося поросенка. Но шли годы, и время состарило его.

Поросыта превратились в молодых кабанов и свиней. Молодые кабаны взматерели и стали хозяйничать в его стаде, нарушая его авторитет и подрывая власть.

Нестерпел старый боец и начал по-прежнему разумлять непокорных, но силы изменили ему в борьбе. Родной племянник, сын его любимой сестры, нанес ему тяжелую рану в бок и едва не убил. Пришлось ему старику покориться и, скрепя сердце, уйти на покой в далечие дубняки, где уже давно живут как отшельники его старые друзья, вожаки других соседних стад.

Такова жизнь. Такова судьба. Дорогу сильнейшему!

Теперь остается ему жить воспоминаниями и коротать свои дни в одиночестве.

Тяжко и глубоко вздыхает старый кабан, лежа на своей одинокой постели, под стволом старого, как и он сам, дуба. Чуткое ухо его не улавливает шороха и едва слышных шагов мягких, как бархатные подушки, лап скрывающего его кровожадного зверя.

Он уже близко. Длинное могучее тело его, как змея, извивается среди зарослей частого орешника.

Он идет по свежим следам. Он чует его своим нечутким носом и с жадностью вдыхает запах знакомой ему добычи. Он видит уже темную фигуру кабана под стволом могучего дуба.

Старик забылся тревожным сном и не чует беды.

Роковая судьба приближается к нему и ползет медленно и неотвратимо.

В последний момент, когда тигр был уже на расстоянии одного прыжка, кабан во сне уловил своим чутким носом страшный запах хищника, и мозг его реагировал на это с быстротой молнии; он поднял голову и стал втягивать в свои ноздри воздух, но было уже поздно.

Не успел кабан вскочить со своего ложа, как на него обрушился всей своей тяжестью, придавив его передними лапами, Владыка тайги.

Кабан взметнулся, рванувшись вперед, но страшная тяжесть придавила его к земле; могучую шею за jakiла стальные клещи челюстей, и острые клыки покрали сонные артерии.

На белый снег, освещенный яркой луной, хлынули струи горячей дымящейся крови, и старый кабан захрапел, опустив свою огромную могучую голову, испуская последний глубокий вздох.

Так окончил свои дни старый боец, повелитель ка-баных стад.

Последней искрой сознания, блеснувшей в его мозгу, была мысль о том, что он погибает, выполнив весь свой тяжелый жизненный путь.

Только когда трепетание жизни совершенно замерло в могучем теле кабана, хищник разжал свои страшные челюсти и стал приводить в порядок окровавленную морду, облизывая себя языком.

В борьбе кабан успел отползти от своей лежки шагов на десять и теперь возвышался темной безжизненной массой на фоне белого снега.

Хищник сначала съел одну заднюю ногу, причем толстые трубчатые кости бедра хрустели на его корен-ных зубах как хрупкий сахар.

Покончив со второй ногой и всем задом, тигр на-сытился. Таким образом, за один обед он поглотил около шестидесяти килограммов мяса и костей.

Живот его раздулся и принял округлую форму. Во взоре обнаруживалось удовлетворение, и движения стали ленивы и медленны. Его начал одолевать сон!

Сообразив, что лежка кабана под дубом с мягкой подстилкой из хвоста и листьев весьма удобна, Владыка решил воспользоваться ею по праву сильного и разлегся на ней во весь свой рост, вытянув могучие лапы и пушистый хвост, не перестававший шевелиться даже во сне. Логово кабана было настолько велико, что хищник поместился в нем свободно.

Тяжело вздыхая после сытного обеда и вспоминая свою охотничьи подвиги последних дней, хищник по-грузился в глубокий сон.

Луна скрылась уже за зубчатыми гребнями дале-ких гор. Яркие звезды померкли, и на востоке разгора-лась алая заря.

Вскоре золотистые лучи восходящего солнца брызнули из-за темных как туча лесистых хребтов Кентей-Алина, осветив розовым светом снега далекой Татудинзы и кружевную шапку Кокуй-Шана.

Пернатые обитатели приветствовали своими кри-ками наступление ясного дня.

Таежные кумушки, сойки и сороки, сразу же обна-ружили следы недавней кровавой драмы и слетались со всех окрестностей принять участие в пиршестве по-сле трапезы царственного зверя.

Кого тут только не было! Сойки и сороки, синицы и пищухи, поползни и овсянки, голубые сороки и во-роны. Вся эта компания суетилась, кричала и трещала на все лады, вступала в перебранку между собой, ссо-рилась из-за каждого кусочка мяса и сплетничала. На крики эти со всей округи слетелись черные вороны и приняли участие в угощении. Целые стаи их носились над лесом и криком своим нарушали тишину пустыни.

На звуки этого таежного концерта не замедлили явиться красные волки. Их юркие крадущиеся фигуры замелькали в зарослях орешника и в ближайших дуб-няках. Не сразу подошли они к месту пиршества, так как по опыту знали, что где-то поблизости находится виновник торжества, и не спешили предъявить свои права на свою долю добычи.

Только после тщательной разведки, когда сомнение в крепком сне Властилина тайги не было, красные разбойники, крадучись и припадая к земле, подошли к месту действия и занялись насыщением своих тощих голодных желудков. Их было около двадцати. Но и у этих таежных жуликов также существуют свой закон и свои обычай, унаследованные от предков: прежде чем приступить к поглощению пищи, вся волчья се-мья ожидала разрешения вожака, старого матерого волка; только когда он начал разрывать внутренности кабана свими острыми зубами, остальные, как по ко-манде, бросились на тушу кабана – и пошла потеха!

Вся пернатая братия с криками и хлопанием крыльев поднялась над местом погребения старого отшельника. Особенно волновались вороньи и сороки, считающие себя хозяевами положения. Они не уступали сильному неприятелю поле сражения и действовали сообща, налетая на волков десятками. Ударами крыльев и неистовыми криками они старались оглушить четвероногих нахалов и, пользуясь их времененным замешательством, утаскивали из-под носа лучшие куски мяса и костей. Не прошло и получаса, как от туши злосчастного кабана остались только копыта и клочки окровавленной темно-буровой шерсти.

Снег, пропитанный кровью, также был поглощен голодными желудками пернатых и четвероногих хищников.

Когда ничего уже не осталось для еды, красные волки один за другим удалились в тайгу, боязливо оглядываясь на спящего безмятежным сном Властелина. Он не подозревал, что дерзкая и нахальная мелюзга осмелится воспользоваться остатками его обеда.

Сквозь сон он смутно слышал какой-то шум и крики, но послеобеденная истома и лень парализовали его волю, и он лежал, разметавшись на своем ложе. Богатырский сон охватил его, а весь мир, его окружающий, как бы замер под лучами яркого февральского солнца и прислушивался к мерному глубокому дыханию Повелителя пустынных гор и дремучих лесов Шухая.

Пернатая семья соек и сорок после сытного обеда расселась на ветвях векового дуба и, пригретая солнышком, от нечего делать занялась перемыванием косточек своих близких и других обитателей тайги.

Наступило, лето жаркое и влажное.

Ароматный воздух, насыщенный испарениями тайги, был томительно тепел и душен. Пернатые и четвероногие, иска прохлады и освежения, забивались в глубину темных густых кедровников, куда не про-

никали горячие лучи солнца и где холодные как лед струи горных ключей и источников, пробиваясь из недр земли между обомштымыми камнями и утесами, низвергались шумными водопадами по дну ущелий и глубоких падей. Здесь, под сводами дремучего леса, царит полумрак, здесь глухо и сырьо, как в могиле, и только журчание ручейка нарушает вечный покой этой зеленой пустыни.

Сюда приходят спасаться от жары и насекомых обитатели тайги, медведи и кабаны. Здесь они купаются в прохладных струях горных речек; здесь кабаны лежат по целым дням в черной холодной грязи болот и трясин.

Это томительное время связано у медведей с периодом любви. Голодный и распаленный страстью, самец рыщет по лесам и глухим ревом оповещает самок о своем настроении.

В это тревожное время медведь, обычно чуткий и осторожный, теряет самообладание, рассудительность и хладнокровие и становится злым, сварливым брюзгой и капризником.

Спасаясь от жары и несносного гнуса в виде комаров и москитов грозный Властелин тайги удалился на самую вершину Кокуй-Шаня, в заоблачную келью, где под сводами скал, на северах, обдуваемых прохладным муссоном, нашел себе временное убежище и летний приют. Сюда он перекочевал до наступления осеннего равноденствия, то есть до середины сентября. По ночам здесь бывает так свежо, что под утро зеленый ковер альпийских трав и заросли рододендрона покрываются седым налетом инея. Единственное древесное растение этих высот – кедровый сланец – приобретает фиолетовый оттенок и сливаются с общим тоном мхов и лишаев, покрывающих каменные россыпи и гранитные утесы сплошным ковром.

Одна из каменных ниш, избранных себе в качестве логовища тигром, служила раньше убежищем

для горалов, так как пол ее покрывал толстый слой помета в виде кедровых орешков. На этом помете как на мягкой перине отдыхал могучий хищник в течение дня, ночью же предпринимал свои обычные обходы охотничих владений в окрестностях Кокуй-Шана.

Во время этих обходов ему довольно часто приходилось видеть убогие шалаши рыболовов по берегам горных речек и ручьев и такие же фанзы звероловов в вершинах падей и распадков. Люди встречались на его пути редко, но он успел уже привыкнуть к ним и считал, что эти двуногие твари, хотя и одаренные свойствами особого рода, безопасные, а поэтому он при встречах с ними уступал им дорогу, внимательно присматриваясь к их движениям, прислушиваясь к их голосу. Вид их не беспокоил Властелина тайги. Он знал, что они миролюбивы и безоружны.

Он был даже благодарен этим людям, так как довольно часто, за неимением другой добычи, приходилось ему обходить звероловные ямы и вынимать оттуда изюбрея, кабанов, горалов и коз.

Звероловы относились к этому благосклонно, считая, что Великий Горный Дух делает особую честь хозяину добытого зверя и этим отмечает свое благорасположение к нему, следствием чего является удача в промысле и гарантия от нападений других тигров, не отмеченных выше высоким званием «Ван».

XV. БИТВА БОГАТЫРЕЙ

Великий Ван услышал далекий рев медведя. Голод его мучил. До лежбищ кабанов надо было сделать более десяти километров, а потому у него явилось быстрое решение овладеть медведем во что бы то ни стало.

Медведи еще ни разу не служили ему добычей, и тигр знал, что предприятие это рискованное и сопряжено с опасностями самого неожиданного характера.

Вкус медвежьего мяса ему был известен, так как ему однажды удалось поймать годовалого медвежонка, случайно отбившегося от матери.

Он помнил, что мясо это мягкое, нежно и нисколько не уступает мясу остальных животных тайги.

Взрослых бурых и черных медведей он часто встречал в районе Хамихеры. При встрече с Властелином лесов они вели себя с достоинством, подобающим серьезному, чувствующему свою силу зверю.

При виде тигра медведь обыкновенно становится на задние ноги, чтобы с высоты своего роста получше рассмотреть страшного хищника, наводящего страх и ужас на все живущее.

Такое положение, на двух ногах, напоминающее человека, производит на тигра некоторое впечатление, и он проникается к соседу своему, неуклюжею Топтыгину,уважением. Кроме того, величина и массивность медведя, обнаруживающие в нем большую силу, импонируют даже тигру.

Но не таков был Ван. Чувствуя в себе избыток первобытных сил и стремление претворить их в действие, он мысленно решил вызвать на бой медведя, тем более что неугомонный червь голода делал свое дело и сосал под ложечкой.

Призывные крики и стоны медведя приближались. Он шел по косогору, поднимаясь на хребет, где остановился в ожидании Владыки тайги.

Зная чуткость и тонкий слух мишки, тигр зашел сюда с наветренной стороны и припал к земле, прячась в зарослях за стволом поваленного бурей кедра. Медведь шел по лесу шумно, по временам останавливаясь и прислушиваясь, не отзовется ли где-нибудь прелестная медведица на его страстный призывный голос.

Музыкальными способностями Топтыгин не обладал, иначе он спел бы любовную серенаду, причем гитару мог бы ему заменить любой пень сломанного дерева с торчащими вверх щепами.

Медведи часто упражняются на этих щепах, оттягивая их и пуская, причем, дрожа и выбириуя, они издают довольно мелодичные звуки. Медведь – музыкант по призванию, но мало талантлив, недаром же существует у людей поговорка, обидная для нашего добродушного зверя: когда желают подчеркнуть отсутствие слуха у человека, говорят, что ему медведь наступил на ухо.

Тигр, как кошка, хотя и не обладает выдающими-ся музыкальными способностями, но слух у него отличный, а голосовые средства его довольно богаты. Он может подражать крику любого зверя и пользуется этим в случае надобности с большим искусством.

Услышав любовную песнь лесного донжуана, тигр попробовал подражать ему более тонким голосом медведицы, вышло удачно. Медведя взревел и пошел полным ходом на очаровательные звуки томного голоса своей воображаемой возлюбленной.

Ван продолжал кричать, стараясь взять ноту самого нежного страстного тона. Это ему удалось.

Медведь приближался. В ночной тишине ясно слышались его грузные шаги в чащце винограда и лиан. Он шел напролом, с нетерпением ломая заросли.

Ван притаился за толстым стволом кедра и ждал появления зверя, но медведь в самый последний момент, то есть за несколько десятков шагов, остановился, прислушиваясь к звукам леса.

Наступила полная тишина. Оба зверя, разделенные стеной густых зарослей, затаили дыхание и замерли, напрягая все свои пять чувств, в надежде выяснить действительное положение.

Так прошла минута, две и три. Ни один звук не нарушил мертвую тишину зеленою пустыни.

Медведь, изощренный жизненным опытом, знал, что эта зловещая тишина полна опасностей и может грозить гибелью даже ему, лесному богатырю.

Тигр чувствовал, что наступил момент, когда его хитрость бесполезна, и исход предприятия зависит от случая и малейшей его оплошности.

Инстинкт и сознание реальной опасности отрезвили медведя. Он понял, что попал впросак, и теперь эта мысль как молния озарила его мозг и требовала немедленного решения, дальнейших действий. Каждая секунда дорога. Малейшее промедление грозит смертью.

Тонкие обонятельные нервы его носа уловили признаки определенного запаха страшного хищника. Обычно он не боялся тигров и, встречаясь с ними в тайге, старался быть хладнокровным и равнодушным, но теперь, в тишине ночной, окруженный непроницаемой чащей, зная намерение Владыки гор обмануть его, он понял всю безвыходность своего положения и решился на последнее средство спасения, доступное ему. В мгновение ока Топтыгин повернулся назад и, сделав несколько коротких прыжков, с легкостью кошки взобрался на ближайшую липу, нижние ветки которой позволяли ему удобно на ней расположиться.

По шуму медвежьих шагов и другим звукам тигр догадался о намерениях мишки и не торопился его догонять.

Выйдя из своей засады, Ван направился медленной и степенной походкой к месту действия и, подойдя к толстому стволу липы, на которой сидел медведь, поднял свою могучую лобастую голову и смерил его долгим испытывающим взглядом.

От этого взгляда у добродушного мишки побежали мурашки по спине, и шерсть на загривке его стала дыбом.

Вытянув свою морду вперед и собрав в трубочку толстые губы, он выражал свой протест фырканьем и сопением, урчал что-то себе под нос и плевался; но когда тигр стал на дыбы и оперся передними лапами о ствол липы, царапая ее своими когтями, медведь пе-

ребался еще выше и, обламывая сухие ветки, начал бомбардировать ими царя зверей.

Ван окончательно вышел из себя и в гневе на такое нечестование оскалил свои страшные зубы, показав длинные конусообразные клыки длиною в десять сантиметров.

Осажденный на дереве мишкa проделывал какой-то странный танец на толстом стволе липы, фыркал и презрительно плевал на своего врага, посыпая ему проклятия и называя самыми нелестными именами.

Между тем солнце уже выглянуло из-за гор, и наступил яркий день.

Пернатые обитатели тайги запищали, зачирикали и запели свои обычные стройные песни.

Таежные завсегдатаи всевозможных происшествий и скандалов, сойки и сороки, были тут как тут. Их только здесь и не хватало.

«Так, так, так, — трещала сорока, прыгая с ветки на ветку в вершине липы, приютившей злосчастного медведя. — Попался, голубчик, и поделом! Глупость до добра не доведет! Сиди теперь на дереве как воронье пугало! Очень, очень рада, что судьба справедлива! В прошлом году ты сожрал моих птенчиков, а теперь сам попадешь на обед нашему владыке! Так тебе и надо! Так, так!». Другие кумушки подхватили эти крики и наперебой стали осыпать бедного мишку бранью и выливать на его голову грязные помои. Благо он был бессилен против них и только злообно посматривал на своих мучительниц своими маленькими глазками и неодобрительно пыхтел.

«Прочь, прочь отсюда, — пропищал скромный поползень, случайно прилетевший на крики соек. — Как не стыдно вам издаваться над добрым Черным Мешком! Птенчиков он не трогал, я знаю это хорошо! Она лжет, как всегда...». Но окончить свою речь он не смог: его обступили со всех сторон голубокрылые сойки и заглушили слова его неистовыми истерическими криками и бранью, так что бедный поползень, спасаясь

от назойливых кумушек, вспорхнул и улетел на соседнюю березу, откуда молча наблюдал за всей этой кутерьмой.

Между тем Ван, видя, что медведь решил отсиживаться на дереве, походил еще некоторое время вокруг него, а затем удалился и залег в недалеком от него расстоянии в надежде, что медведь в конце концов сойдет вниз.

Но неугомонные сороки открыли намерение тигра и своими криками указали мишке на готовящуюся засаду.

Убедясь в бесполезности маневра, Ван вышел из своей засады, бросив взгляд на неугомонных сплетниц, и направился вниз, в ту сторону, откуда пришел медведь.

Некоторое время сороки преследовали его, но затем отстали и возвратились опять к медведю с целью узнать, что он предпримет дальше.

Освободившись от своих преследователей, тигр круто повернулся на сторону, обошел заросли и снова залег на выступе скалы, откуда ему видны были верхушка липы и сидящий на ней медведь.

Сойки и сороки не могли его заметить среди зарослей аралий и актинидий, прикрывавших гранитную верхушку скалы. Он лежал там, притаившись, и зорко наблюдал за всеми движениями медведя.

Долго не решался Топтыгин оставить свою непрступную крепость. Солнце уже высоко стояло в небе и посыпало свои горячие лучи на горы и леса, когда медведю наконец надоело сидеть без дела на дереве, и он бесшумно спустился вниз. Здесь он огляделся, стал на задние ноги и внимательно озирался вокруг, не спрятался ли где-нибудь страшный хищник. Но, не обнаружив ничего подозрительного, мишкa поспешил скрыться в чаще, тихонько пробираясь через заросли. За ним устремились сороки, своими криками выдавая его присутствие.

Топтыгин умоляюще смотрел на них, как бы прося не выдавать его, но это не помогло, тогда он постарался отпугнуть их, бросаясь в их сторону и фыркая, но это еще больше раззадоривало кумушек, и стрекотанье их оглушительно раздавалось под сводами леса.

Из своего наблюдательного пункта Ван прекрасно видел бегство медведя и бросился ему наперерез, руководствуясь криками сорок.

Забежав вперед, он залег на выступе скалы, мимо которой должен был проходить Топтыгин, и притаился там, скрытый густой сетью винограда и лиан.

Стрекотанье и крики сорок приближались, и хищник изготовился уже для прыжка. Стальные мускулы его напряглись, кончик хвоста шевелился, и глаза горели искристым светом скрытой энергии.

Вот он уже близко. Вот показалась широкая голова и черная грива медведя с торчащими вперед ушами.

Мишка шел медленно, стараясь не шуметь. Постоянно оглядываясь и втягивая воздух, он старался заблаговременно обнаружить врага, присутствие которого чувствовал инстинктивно.

Скала, на которой сидел тигр, была как раз на его пути и возвышалась над зарослями на два метра.

Заметив ее, медведь быстро пошел вперед и остановился у ее подножия, рассчитывая на ее защиту в случае нападения.

На этот раз его тонкое обоняние изменило ему.

Стоя под скалой, медведь несколько раз поднимался на задние лапы и осматривался, но не заметил, что делается на скале.

Когда он последний раз опустился на четыре лапы с намерением продолжать путь, стальные пружинки мускулов тигра развернулись, и грузное тело его обрушилось всею своей тяжестью на спину медведя.

От неожиданности Топтыгин крякнул и припал к земле. Одновременно широкая шея его и затылок захвачены были могучими челюстями и зажаты в мертвые тиски.

Нос медведя и морда его очутились под бархатной лапкой Вана; острые как хирургические ланцеты перламутровые когти вонзились в мягкие нежные части переносицы; одним коротким движением лапы назад голова медведя была задрана кверху, и клыки хищника все глубже и глубже проникали в шею злосчастного мишки.

Но медведь – не кабан. Одолеть его не так просто; его сила и ловкость были знакомы Вану и он не разжимал своих челюстей до тех пор, пока в медведе теплилась еще искра жизни. Топтыгин сдался не сразу. Он катался по земле, стараясь сбросить с себя страшного ездока; сильными лапами, вооруженными острыми когтями, он наносил тигру глубокие раны в бока и плечи, но ничего не помогало, стальные клещи челюстей скимались еще сильнее. Медведь чувствовал, что погибает, и его сознание придало ему новые силы отчаяния, он рванулся вперед и понес на себе своего мучителя в надежде, что встречающиеся по пути ветки и стволы деревьев отбросят впившегося в него гигантского клешца.

Но и это, последнее средство оказалось негодным; хищник слился с медведем в одно тело, и разделить их могла только одна смерть.

Ван также сознавал, что разжать челюсти нельзя, это грозит ему самому печальными последствиями, так как медведь в открытом бою мог бы оказать тигру серьезное сопротивление.

Борьба двух таежных богатырей подходила к концу. Медведь ослабевал, и движения его становились вялыми. Из горла его шла кровь и вырывался храп, похожий на стоны и жалобный рев.

Тигр также хрипел и тяжело дышал, но не отпускал свою жертву.

После получасового состязания, в котором напряжение сил и энергии достигло своей наивысшей степени, развязка драмы наступила быстро.

Медведь стал дышать все реже и реже, мускулы его потеряли упругость и лапы безжизненно повисли.

Взор его помутился. Могучее тело вытянулось, вздрогнуло и как бы замерло.

Утомленный до полусмерти тигр все же не сразу разжал свои страшные челюсти. Только когда он почувствовал, что в теле медведя прекратилась деятельность сердца и артерии перестали пульсировать, он постепенно разжал свою пасть и несколько раз расправлял ее, открывая и закрывая, так как получасовое напряжение жевательных мышц вызвало судороги и онемение.

Успокоившись и прида в себя, хищник осмотрел свои раны, нанесенные когтями медведя, зализал их, причем от действия его слюны кровь мало-момалу перестала соиться.

Все поле борьбы вокруг было забрызгано алой кровью; трава, кусты и заросли смыты и поломаны; в некоторых местах земля глубоко взрыта когтями медведя; всюду виднелись клочья окровавленной белой шерсти хищника и черного меха Топтыгина.

Эта битва богатырей произвела потрясающее впечатление на всех обитателей тайги. Кто только мог, убежал подальше в глубину чащи, чтобы не слышать страшных звуков этого побоища.

Вертлявые любопытные бурундуки и черные белки забились в свои гнезда, выглядывая оттуда со страхом и трепетом.

Пестрый дятел и черная желна прекратили свою плотничью работу и замерли на сухом суку кедра, прислушиваясь к необычным звукам, нарушающим тишину родного им леса.

«Кажется, повелитель гор и лесов скепился с Черным Мешком, — сказал дятел, обращаясь к своему родственнику, Красноголовому. — И чего ему нужно? Ведь пищи ему хватает за глаза, мало ли кабанов, коз и изюбрея? А теперь он сам рискует своей шкурой! Я не пойму, чего хочет Ван?».

«Тиу, тиу, — ответил ему красноголовый философ, — ты еще молод и не можешь понять! Наш Повелитель отмечен особым священным знаком, и судьба его в руках Всевышнего! Так говорит мой старый приятель, зверолов Тун-Ли. Я ему верю, так как его знал еще мой прадед, умерший сорок лет тому назад. Вчера я добывал вкусных личинок около фанзы старика Тун-Ли и слышал, как он говорил своему работнику, принесшему ему муку из Нингуты, что тигр, пришедший недавно с горы Татудинзы, — сын старого Вана из Кореи. Он пробует здесь свои силы. Все делается так, как решила судьба. Так-то, мой молодой неопытный брат, поживи с мое и тогда узнаешь многое, что тебе еще и не снилось», — так говорил старый Черный Дятел, умудренный летами и жизненным опытом.

Таежные кумушки, сойки и сороки, также напуганные зловещими звуками смертельной борьбы лесных великанов, с криками разлетелись в разные стороны, и скоро во всех уголках бескрайней тайги стало известно о делах Вана и смерти Черного Мешка, старого гималайского медведя, жившего в течение тридцати лет в окрестностях Кокуй-Шана.

Старые звероловы, не покидавшие своих фанз даже летом, поспешили к древним кумирням, воздвигнутым с незапамятных времен на высоких горных перевалах, и совершали там моления Великому Духу гор и лесов, с возжением благовонных курительных свечей и продолжительным коленопреклонением.

По окончании каждой молитвы мерные удары в чугунный колокол раздавались под сводами дремучих лесов, и металлические звуки эти неслись в вышину, будя далекое горное эхо.

Великий Ван между тем расправлялся с грузной тушей Черного Мешка и, выбиравая самые мягкие, нежные части, свежевал его, громко чавкая и прожевывая жирное мясо. Массивные и плотные кости старого таежника дробились и хрустели как сухарь в могучих челюстях зверя.

Выев окорока, грудину и часть спины, хищник насытился и с переполненным желудком еле дотащился до ближайшего горного гребня, где улегся под тенью густой аянской ели, вздымавшей свою гордуку вершину над мелкой порослью молодых берез и орешников.

Глубокий сон овадевал им. Северный приятный ветерок тянул со стороны угромых скал Кокуй-Шана, навевая чудные волшебные сны на молчаливую тайгу и ее обитателей, дремавших под лучами полуденного солнца. Только неумолчные хоры кузнечиков и цикад нарушали торжественную тишину зеленои пустыни, и едва уловимый шум стоял в неподвижном раскаленном воздухе. Дыхание земли и прозябанье растений слышалось в этом шуме.

Это не был гимн торжествующей любви, но скорее шепот дремлющей в истоме бытия природы.

Прозрачная глубина сияющего неба, казалось, излучала свет, и яркое солнце пылало огнем, насыщая все атомы материи силами живой энергии и вечного движения. Далекая вершина Татудинзы подобно туче, окрашенной в розово-фиолетовый цвет, вырисовывалась на юге в дымчатой мгле горизонта.

С востока подымались медленно и грозно высокими клубами снежно-белые облака; основания их, ограниченные зубчатою линией лесистых хребтов Лао-Э-Лина, имели свинцово-серый оттенок; в глубине них сверкали далекие зарницы.

Воздух, насыщенный прямыми ароматами растений и испарениями нагретой земли, был тяжел и дущен. Парило. Тропический проливной дождь должен был разразиться к ночи.

Вечером, когда солнце спряталось в горах иочные тени легли черными пятнами в тайге и по склонам увалов, казалось, природа ожила, стряхнув с себя дневную дрему. Отовсюду доносились голоса живых существ, заявляющих о своем праве на жизнь. Старая тайга зашумела, и вершины могучих кедров закачались под легким дуновением муссона.

Неистово трещали цикады; болотные совы как серебряные колокольчики звенели в глубине болотистых лугов.

Черная таежная ночь окутала землю своим пологом, нижняя сторона которого усеяна была мириадами звезд и прорезана светлым поясом Млечного пути.

Летающие огоньки светляков мелькали на темном фоне гор и лесов и своим зеленоватым блеском придавали всей картине нечто феерическое.

С востока приближалась гроза. Яркие вспышки молний рвали темноту, и далекий рокот грома звучал непрерывно.

Грозный владыка тайги спал богатырским сном на гребне хребта и не слышал грозного голоса разгневанной стихии.

XVI. В ГАРЕМЕ

Быстро пролетело зеленое жаркое лето. Наступила ясная золотая осень с ее бодрящими ночных морозами, с голубым безоблачным небом. На горы и лес она накинула роскошный ковер ярких цветов и оттенков. Общий зеленый фон тайги пестрел всеми цветами радуги.

Природа, насыщенная избытком сил и энергии и отягченная обилием плодов своих, отдыхала и нежилась в прощальных лучах горячего солнца.

Пришло бабье лето. Тонкие нити золотистой паутины опутали своими сетями кусты и заросли. Воздух, чистый и прозрачный, наполнен был ароматами увядющей листвы и пчелиного меда.

Вспоминая веселую весну, самцы-фазаны кричали по утренним и вечерним зорям в зарослях речных урем, и скромные рябочки выбегали из чащи густых осинников на лесные опушки, подымали свои задорные хохолки и, готовые к драке, затягивали любовные песенки.

Во всю долгую осеннюю ночь, от зари до зари, увлеченные страстью и борьбой за обладание прекрасными самками, красавцы изюбры трубили свои серенады. Звонкие серебристые голоса их раздавались в чистом, прозрачном, как хрусталь, воздухе, и горное эхо вторило этим звукам в далеких падях и ущельях.

На одном из горных перевалов Лао-Э-Лина, под названием Хамалин, в седловине, образуемой горами Кокуй-Шань и Хама-Шань, старый Рогаль изюбр пас свое стадо, состоящее из пяти молодых самок.

Обуреваемый страстью и преследуемый неистовой ревностью, старый Рогаль охранял свое стадо как султан, не позволяя ни одной прелестнице отойти от гарема даже на несколько шагов. Легкомысленных наложниц своих он понуждал к повиновению силой и, в крайнем случае, ударами рогов. Скромные нежные самки исполняли все его требование беспрекословно, и только старшие позволяли себе некоторые вольности, за что платили очень дорого, и нередко самец убивал свою возлюбленную за одно подозрение в измене.

Ночь была ясная и тихая. Старый Рогаль ходил вокруг своего серала дозором и нервно покропывал, загоняя отбившуюся самку на место.

Издалека доносились голоса изюбрей. Старый Рогаль прислушивался к этим звукам, злобно рыл передними ногами землю и от времени до времени подымал свою гордую красивую голову и ревел. Белый пар его дыхания вылетал тогда из его горла, и густые басовые ноты его звучного голоса неслись по горам.

Самки мирно паслись на поляне; некоторые лежали, поджав под себя передние ноги, и пережевывали жвачку.

Длинные уши их постоянно двигались взад и вперед, и прекрасные глаза с темными ресницами покорно и томно глядели на своего повелителя.

Но вот в ближайшей пади заревел молодой изюбр.

Судя по голосу, это был пятилетний самец, впервые принимавший участие в рыцарских турнирах.

Предполагая, что у молодого кавалера имеются свой гарем наложниц, старый боец Рогаль в свою очередь послал ему надлежащий вызов и ринулся в его сторону, надеясь отбить от него прекрасных самок, увеличив свой собственный сераль.

Молодой самец услышал грубый голос старого Рогаля, остановился и, продолжая трубить, принял боевую позу.

Сзади него из чащи леса выглядывали две любопытные головы наивных молоденьких самок. Молодой кавалер, желая показать перед ними свою красоту и отвагу, гордо смотрел вперед и, напуская на себя храбрость, неистово бил передними копытами мягкую землю.

Старый Рогаль был уверен, что его противник молод и неопытен, а поэтому шел на него смело, без обычных предосторожностей.

Выдя на поляну, где ожидал его соперник, Рогаль ринулся к нему, опустив голову с огромными остроконечными рогами. Молодой изюбр не струсил и решил принять бой. Но после первого же столкновения, когда ему стало ясно превосходство противника, он только и думал о том, чтобы унести подобру-поздорову ноги, для чего необходимо уловить момент и, парируя удары рогов, выйти из боя целым и невредимым.

Видя перед собой совершенно неопытного бойца и желая поскорее от него избавиться, старик немногол подался назад и освободил его рога, подняв голову кверху.

Этим воспользовался молодой изюбр и, сделав боковой прижок в сторону, скрылся в чаще леса.

Громко фыркая и роя ногами землю для устрашения брошенного гарема, Рогаль приблизился к молодым изюбрицам, стоявшим на опушке и безучастно наблюдавшим за перипетиями боя самцов.

Подойдя вплотную к самкам, старик обнюхал их со всех сторон и ударами рогов заставил идти туда, где остался его сераль. Послушные наложницы нового по-

велителя, покорно склонив головы, побрали вперед, подгоняя сзади легким прикосновением острых рогов.

Тем временем, пока старый Рогаль отбивал самок у молодого своего соперника, в его собственном сераля произошли события чрезвычайной важности.

Молодой четырехлетний самец-изюбрь, влюбленный по уши в одну из одалиск султана, воспользовавшись отсутствием грозного повелителя, ворвался неожиданно в его сераль и угнал даму сердца.

Справедливость требует отметить, что все это произошло не без обоядного согласия влюбленных, иначе молодой любовник не мог бы так легко овладеть прелестницей.

Такие случаи в жизни изюбров нередки. Иногда за большим стадом самок, которое гоняет старый бык-изюбрь, следят несколько холостяков в надежде воспользоваться своими правами во время отсутствия старого султана.

Присоединив отбитых наложниц к своему гарему, Рогаль сразу же заметил отсутствие одной из своих любимых жен.

Исследовав всю местность вблизи пастбища и убедившись, что изменница ушла со своим любовником, старый султан пришел в неистовство и ярость.

Избив рогами ни в чем неповинных жен, он пустился на поиски, высекая беглецов по оставленным ими следам и руководствуясь своим тонким обонянием.

Влюбленные беглецы не дремали и поспешно уходили из сферы действий грозного султана, причем когда молодая изюбрица останавливалась, чтобы передохнуть или сорвать аппетитные сочные побеги осины, нетерпеливый донжуан подгонял ее ударами своих тонких четырехконечных рогов.

Наступила темная ночь. Луна еще не всходила. Старый Рогаль, преследуя похитителя своей наложни-

цы, по временам подавал голос, подражая реву молодого самца, чтобы обмануть соперника.

Ему откликались со всех сторон многочисленные голоса, так что в конце концов он потерял настоящий след и решил его бросить, опасаясь за целостность оставленного сераля. Слепая страсть, ревность и жажда мести завели его слишком далеко.

Рявкнув несколько раз низким голосом, он собирался уже нестись к своему гарему, как вдруг где-то поблизости ему ответил молодой самец.

XVII. СНОВА ДОМА

Сгорая местью и желанием поскорее разделаться с соперником, старый Рогаль мчался во весь опор, дела гигантские прыжки через камни и бурелом и наконец достиг небольшой поляны, посреди которой лежал колоссальный кедр, сваленный бурей.

Это был последний прыжок в его жизни.

За кедром притаился Великий Ван. Когда изюбр перемахнул через ствол, Владыка тайги бросился на него из своей засады, ударом лапы сбил его с ног и впился в его затылок зубами.

Участь старого Рогала была решена.

Несколько конвульсивных движений задними ногами, и жизнь отлетела из могучего тела красавца-изюбра, наводившего страх и трепет на самок и молодых самцов, оглашавших окрестную тайгу своими страстными призывающими криками.

Владыка тайги, слыша эти крики и зная их значение, решил использовать свой голос и подманить одного из певцов, подражая крику молодого самца.

Расчеты его вполне оправдались, так как старый изюбр, ослепленный ревностью, сразу же попался на эту уловку и стал жертвой безрассудной страсти.

Оттащив тяжелую тушу изюбра в укромное место, под навес ближайших скал, хищник по обыкновению сначала съел лучшие части, то есть задние окорока и

часть спины, остальные прикрыл хвостом от посягательств мелких воришек.

После вкусного и сытного обеда, совершив обычный туалет, Ван отправился на покой и улегся неподалеку, под ветвями молодой аянской ели, где толстый слой хвои доставил ему мягкую и теплую постель.

Сон его продолжался около суток.

Вечером следующего дня он проснулся, несколько раз вытянулся на мягкой перине, зевнув во всю свою широкую пасть и отправился к ближайшему ручью, пробиравшемуся по камням, утолить жажду, почистить зубы и прополоскать рот, издававший неприятный запах загнившего мяса.

Подойдя к берегу ручья, тигр застыл в позе внимания, только кончик хвоста его шевелился, непрерывно сгибаюсь то в одну, то в другую сторону.

Постояв так несколько секунд, он наклонил свою огромную голову к воде и начал лакать, издавая особые щелканье своим широким шершавым языком. Длинные белые баки его при этом погружались в воду. Долго и с жадностью пил он, утоляя свою жгучую жажду, а затем начал мыть и полоскать свою пасть, погружая всю голову до глаз в холодные как лед струи источника.

В тишине лесной раздавались громкое чавканье и плеск воды. Фыркая и отдуваясь, могучий зверь совершал свой туалет, не обращая никакого внимания на окружающее, поглощенный своим делом.

Приведя в порядок свой меховой костюм и почистив о кору бархатного ствола когти, он отправился к остаткам изюбра, спрятанным накануне под скалами.

Основательно закусив передними лопатками и массивной шеей старого Рогала, сытый, свежий и бодрый, полный сил и энергии, он побрел по тайге, направляясь в сторону Татудинзы, куда влекли его смутные воспоминания далекого детства.

За этот последний год он возмужал и вырос чуть ли не вдвое. Массивные конечности его от постоянных

упражнений приобрели упругость и крепость закаленной стали. Выпуклые мышцы груди, спины и шеи не уступали формам его отдаленных предков. Рост его превышал размеры его сверстников в полтора раза.

Недаром мудрый Тун-Ли называл его Великим Ваном, Владыкой гор и лесов Шу-Хая! Звероловы, хунхузы, дровосеки и искатели женьшеня считали его воплощением Горного Духа и строили в честь его кумирни на горных перевалах Лао-Э-Лина.

Изображения его, нарисованные на тонкой бумаге, украшали эти кумирни; перед ними часто жгли благовонные курительные свечи, и колокол молитвы гудел под сводами дремучих лесов.

На особых дощечках у этих кумирень одинокие путники читали надписи, гласящие следующее: «Путник! Остановись и зажги свечу молитвы! Если ты чист душою и сердцем – не бойся и продолжай свой путь. Великий Дух этих гор и лесов охранит тебя от бед и несчастий!».

Обитатели тайги, боясь навлечь на себя гнев Великого Духа, никогда не произносили слово «тигр», но в разговоре старались заменить его местоимением «он», или же называли его «Ван», т.е. Начальник, или же «Да-Лао-Цзы», что значит Великий старик.

При встречах с ним во время обхода ловушек звероловы и охотники обыкновенно сходили с тропы, уступая ему дорогу, и становились на колени, шепча про себя молитву, или же стучали палочками по стволу дерева, пока Великий Ван не проследует мимо, не удостоив убогого зверолова даже взгляdom. Третья зима наступила для Великого Вана.

Хотя по возрасту он был еще совсем юн, но физически развелся настолько, что выглядел вполне взрослым тигром.

К вечеру следующего дня он появился на своей родной Татудинзе. Обойдя все места, где проводил свое детство, и пещеру, где появился на свет, он задался целью отыскать свою мать.

По врожденному инстинкту он чувствовал близкое ее присутствие, но не знал наверное, в какой пещере ее логовище.

Он обыскал все знакомые ему с детства горные трущобы и нашел следы матери, т.е. отпечатки ее лап на глинистом грунте болотистой пади, ниспадающей с самой вершины горы. Следы были двухдневные, очевидно, мать где-то недалеко.

Поднявшись по тальвергу распадка до каменных россыпей, Ван легко нашел пещеру, куда перенесла мать его и сестру два с половиной года тому назад.

Подходя к пещере, он почуял знакомый запах и в недоумении остановился: к нему приближалась большая тигрица. Она глухо рычала и готова была броситься на своего сына. Она его не узнавала.

Видя, что мать не узнает его, Ван прилег и покорно пополз к ней, напевая песенку, знакомую ему с детства.

В мозгу тигрицы как молния мелькнули давно забытые образы и воспоминания, и она узнала своего сына, Великого Вана.

Они приблизились к друг к другу. Сын первый подошел к матери и стал ласкаться к ней, лизать ее голову, глаза, уши и шею. Мать отвечала ему тем же и мурлыкала свою колыбельную песенку, так хорошо знакомую Вану, из далекого детства.

В избытке нежных чувств сын лег на спину перед матерью, и она катала его своими лапами, как, бывало, делала это, когда он был еще крошечным тигренком. На звуки эти из пещеры вышли тигрята. Их было двое.

Не зная, как отнесется к ним ее старший сын, мать стала между ними, готовая к защите, но Ван протянул к ним свою огромную голову, обнюхал их с головы до ног и снова замурлыкал, добродушно ульбаясь и облизывая их своим шершавым языком. Тигрятам было уже около года.

Судя по масти и пушистости меха, отец их принадлежал к породе северных амурских тигров, которые отличаются от корейских и маньчжурских более светлой окраской и длинным густым мехом.

Знакомство Вана с братом и сестрой состоялось.

Обрадованная неожиданной встречей, мать прегласила сына в свою пещеру, расположенную на вершине горы. Там жили они все вместе до января и устраивали совместные охоты на кабанов и изюбрей, причем молодые учились у старших этому искусству, принимая участие в качестве загонщиков в облавах.

Ван с матерью обыкновенно обходили стадо свиней и залегали на пути их хода, а тигрята гнали добычу на них.

С изюбром они поступали иначе и старались сообща взять его «котлом», т.е. окружали его со всех сторон и сходились, причем изюбр вскакивал и спасался бегством, но натыкался на засаду и попадал в лапы хищников.

XVIII. ЗВЕРИНЫЕ НОЧИ

Зима перевалила уже за вторую половину. Морозы усилились. На высоких горах выпали глубокие снега, и пещера на вершине Татудыны не могла служить более убежищем для семьи гигантских кошек. Старая тигрица увела своих детей к подножию горы, в дубняки и орешники южных склонов хребта, где на ярких и светлых солнопеках бродили многочисленные стада кабанов.

Ван остался в пещере. Ему не страшны были морозы и снежные бури. Его могучее тело, закаленное в ледяных струях горных каскадов и источников, обвязанное суровыми полярными ветрами, было насыщено горячей кровью и большим количеством теплой энергии.

В самые сильные морозы, в лунные январские ночи, он любил бродить по горным хребтам и пере-

валам, засыпанным снегом. Когда подымался буран и леденящий ветер неистово ревел в каменных россыпях и скалистых выступах гор, он катался в сугробах, и горячий, насыщенный электричеством мех его искрылся, излучая скрытую энергию.

Голос его подобно голосу бури раздавался тогда в горной пустыне, рокотал над темными лесами и замирал в далеких ущельях многократным эхом.

Наступало тревожное время любви и тайных свиданий у всей породы семейства кошачьих. Ван, достигший трехлетнего возраста, не был чужд этих стремлений, и голос всемогущей природы заговорил в нем с неудержимой силой.

Все чаще и чаще в таежной ночи стали раздаватьсь голоса тигров. Это ревели самцы, звавшие самок на свидание. Нередко к одной самке сходилось несколько самцов, тогда между ними возникали недоразумения и споры за первенство, оканчивавшиеся драками. Само собой разумеется, сильнейший получал пальму первенства и изгонял слабейших соперников. Эти последние, озлобленные и неудовлетворенные, бродили по тайге, в свою очередь при случае прогоняли более слабых.

По поверью старых таежников, в это время тигры становятся злыми и кровожадными и разрывают всякое животное, попавшееся им на пути, не исключая и человека; поэтому в течение недели, когда раздраженность и страсть хищников достигает своего апогея, звероловы, охотники и другие обитатели лесов избегают выходить из своих фанз по вечерам и ночью и сидят в своих убогих шалашах, дрожа от страха, прислушиваясь к грозному рыканью страшных зверей. Случается иногда, что разъяренные хищники врываются в фанзы и умерщвляют всех живущих там.

Это тревожное время, совпадающее с серединой января, называется в тайге «черной неделей». Страшные ночи, когда властвует в лесах зверь и трепещет все живое, называются зверинными ночами.

Великий Ван, ощущив в себе непреодолимую потребность любви, послушный великому призыву природы, спустился с ледяных высот Татудинзы. Могучий рев его, раздавшийся в одну из январских ночей у подножия горы, привел в ужас и трепет всех четвероногих и двуногих обитателей лесов.

Подобно отдаленным раскатам грома он пронесся над гребнями гор и замер вдали.

Тайга притихла и прислушивалась к этим звукам, затая дыхание и не смей шевельнуться.

«Вставай скорее, Хо-Син, – произнес старый Тун-Ли, дергая за плечо своего работника, спавшего рядом с ним в фанзе, – слышишь, настали звериные ночи! Зажги огонь и подопри дверь колом! Да поворачивайся живее, а то как явится сюда Великий Ван, и тогда ты не увидишь больше дневного света, так как отправишься в страну теней к своим предкам. Я слышу его голос! Вот он!»

Действительно, в это время послышались отдальные раскаты грома, а затем, спускаясь ниже и усиливаясь, достигли оглушительного диапазона. Сила звука была настолько велика, что в фанзе задрожали окна и бумага, наклеенная на переплеты рамы, прислали в движение.

В звуках этого голоса было что-то стихийное и необъяснимое. Казалось, что он исходил не из груди животного, а из недр этих каменных громад, из груди матери-земли. Поэтому неудивительно, что все живые существа, услышав эти звуки, падают ниц и лишаются способностей самодеятельности и обороны.

Даже тигры-самцы при первых звуках голоса Вана смолкают и удаляются в чащу, стараясь не попадаться на глаза Повелителю.

Самки же, наоборот, стремятся к нему, стараясь заслужить его благосклонность и внимание.

По словам таежников, к Вану сходятся все тигрицы ближайших окрестностей, которые услышат его голос, иногда за десять и даже двадцать километров.

Из них Владыка тайги выбирает себе одну в качестве подруги, остальные расходятся по своим районам и продолжают вести обычный образ жизни.

Подруга Вана всюду следует за своим господином, пока не почувствует себя матерью; тогда она покидает его и ищет себе берлогу для вывода детей.

Известив обитателей гор и лесов о своем приходе, грозный Владыка тайги вышел на узкий гребень хребта и стал на выступе скалы, над широкой долиной Хай-Лин-Хэ, простиравшейся у ног его.

Проревев еще несколько раз, он затих и стал слушать. Ни один звук не нарушал тишину этой ночи.

Даже угрюмый филин, сидящий на вершине сухого кедра, замолк, вперив свои светящиеся глаза в темную могучую фигуру зверя, обрисовывающуюся на фоне искрящихся снегов. Она была неподвижна как изваяние, и только конец хвоста извивался, выдавая волновавшие его чувства.

Не прошло и получаса, как из темной чащи вынырнула тигрица и направилась к своему Повелителю.

Не доходя до него шагов десять, она припала на снег, положила свою красивую голову на вытянутые передние лапы и стала ждать.

Круглые большие глаза ее с желтыми ободками обращены были на Вана, в них светилась страсть и любовь, кончик хвоста ее шевелился, обнаруживая ее душевное волнение.

Великий Ван не шелохнулся, только конец хвоста его нервно вздрогивал и как маятник отбивал мертвые удары.

По следам тигрицы пришли еще две, старая и молодая, едва вышедшая из детского возраста.

Увидя их, первая тигрица быстро встала и с угрожающим ворчанием двинулась им навстречу.

Все три соперницы сошлись вместе, и между ними началось состязание, заключавшееся в том, что, сидя друг против друга, они наносили удары лапами по бо-

кам и по шее, причем летели клочки шерсти, но кровь не показывалась; самая младшая стояла в стороне, по пробовав на себе удар бархатной лапки старушки.

Услышав около себя мяуканье и визг прекрасных дам могучий Ван рявкнул в последний раз, и звуки эти, выбирия на низкой ноте, понеслись вдаль, постепенно замирая в неподвижном морозном воздухе.

Он оглянулся и увидел трех соискательниц его сердца.

Не спеша, с подобающим ему величием царь тайги подошел к дерущимся, но те, по-видимому, не обратили на него внимания и продолжали угощать друг друга полновесными пощечинами; тогда, обиженный и недовольный, он приблизился к молоденькой тигрице, скромно сидящей в стороне, обнюхал ее смущенную морду с глупыми наивными глазами, лизнул в нос и пригласил следовать за собою.

Спорящие о первенстве старушки так и остались ни с чем. Долго еще не могли успокоиться и грозно рычали друг на друга, даже тогда, когда Ван удалился со своей избранницей.

Но убедившись, что все потеряно, они помирились и как ни в чем не бывало отправились вместе искать утешения туда, «где оскорбленному есть чувству уголок».

Ван увел свою подругу в заоблачные края, на вершину Татудинзы, где новобрачные могли спокойно провести свой медовый месяц совершенно одни, без посторонних любопытных глаз, на лоне суровых каменных громад.

Любовные песни пела им дряхлая дремучая тайга, и снежный буран засыпал их следы во время свадебных путешествий.

Ни одно живое существо не осмелилось показаться на горе, выше границы лесов, где чета могучих зверей предавалась утехам первой животворящей любви.

XIX. ЛЕСНЫЕ КУМУШКИ

На следующий день, едва только яркое зимнее солнце осветило вершины гор, в дубняках, у самых кабаньих лежбищ, собралось многочисленное общество таежных кумушек.

Бизглиевые, пронзительные голоса их трещали как пулеметная дробь в неподвижном морозном воздухе, нарушая тишину и спокойствие пустыни.

Больше всех сутились и надрывались сороки, эти лесные всезнайки; их ближайшие родственницы, рыжеверхие сойки, старались от них не отставать, а вертлявые синички-непоседы чирикали всякую чушь, так что у старого седоголового дятла заболела голова.

«Слышали, сестрицы, новость, – трещала сорока, подсаживаясь к сойке, – у нас в лесу творится что-то невозможное! Не успел умереть старый почтенный Ван, как его подруга, Полосатая Дылда, повсюду таскается за двоюродным братом, Рябым Чулком, леопардом из Хайллинской пади! Нечего сказать, хороший пример для молодых тигриц! Просто стыд и срам, да и только!».

«Так, так, так! Но это уже старо, милочка! – перебила ее подруга, потерявшая свой хвост из-за своей откровенности, – а вот я вам расскажу новость, так все вы хвости повесите от зависти! Слушайте! Наш Великий Ван выбрал себе подругу! И кого бы вы думали? Корейскую тигрицу? Ничуть не бывало! Самую простую Чалую Старуху с Амуром! Она даже не похожа на тигрицу! Странно! Не мог разве выбрать себе достойную среди наших тигриц! К тому же она еще хромая и кособокая! Одним словом, красавица хоть куды!».

«Нет, нет! Это неправда, – возразила ей рыжая сойка, – я сама видела ее на днях и нахожу, что она ничуть не хуже корейских тигриц! И, пожалуй, даже красивее в своем светлом пушистом наряде!».

«Ци-ви! ци-ви! – пропищала синичка-московка, прыгая с ветки на ветку, – это еще ничего, а вот по-

чему красная волчиха часто ходит по ночам к фанзе Тун-Ли?».

«Я видела ее как-то утром, она любезничала с седым кобелем и назначала ему свидание у речки! А я-то хлопотала и наводила на нее Красного волка из-за Химхеры! Вот вам благодарность! Нет справедливости на свете!».

Так тараторили и перемывали косточки всем обычательям лесные кумушки. Азарт их дошел до того, что они передрались и подняли такой шум, от которого проснулся старый кабан, лежавший вблизи под дубом.

Долго он терпел, слушая таежные сплетни и пересуды; морщился, хлопая своими ушами, наконец встал и поднял свой пятакоч кверху, оглядывая всю теплую компанию маленькими подслеповатыми глазками.

«Да будет вам тут кричать и судачить! – обратился он к кумушкам. – Не надоело вам еще это дело! Лучше занялись бы своими делами, а не чужими!».

Тут вся ватага пернатых сообща бросилась на кабана и стала осыпать его бранью и ругательствами. Досталось не только ему самому, но и всем его родственникам, ближайшим и дальним.

Бедный кабан, оглушенный гамом и криками, затряс головой, зафыркал и пустился наутек, преследуемый неистовским смехом кумушек.

«Так тебе и надо, поделом, – кричала ему вслед бесхвостая сорока, – не суйся не в свое дело и свой пятакоч береги для копанья земли! Ишь, нашелся праведник!, «Иди, иди, пока тебя не слопал Ван! Ах ты, глупое Рваное Ухо, подожди, тебе не только уши, но и ноги оборвут за твоё застуਪничество!».

Так провожали кумушки почтенного старого кабана, которого в тайге называли Рваным Ухом, потому что в молодости он едва не погиб в когтях тигра и отдался только рваными ушами. Это был старый инвалид, израненный зубами и когтями хищников и пулями охотников. На толстой шкуре виднелись многочисленные шрамы и раны, полученные в боях и

стычках. Густая щетина на хребте его и на голове белела сединой. Правый клык был сломан, а левый пошелел и согнулся в дугу. Огромные копыта его давали след, не уступавший бычачьему.

Медленно продвигаясь по солнцепеку, взрываю землю длинным рылом в поисках желудей, похрюкивая и помахивая остатком короткого хвоста, он думал свою кабанью думу.

Он сравнивал кумушек с людьми и находил между ними большое сходство. Насчет умственных способностей двуногих он был особого, невысокого мнения, так как не раз имел случай убедиться в глупости, недогадливости и физической слабости человека, именующего себя «царем природы». «Хорош царь, которого наш Ван может слопать в один присест! — размышлял старый ветеран, прожевывая вкусные желуди, — а уж про нравственность этого «царя» и говорить не приходится!»

Долго еще ворчал про себя старый кабан и брюзжал на весь свет, пока не набил себе желудок жирными желудями. Сон стал одолевать его, и он отправился на свою лежку под старым, как и он сам, дубом.

Лесные кумушки, перемыв косточки всем своим знакомым, дальним и близким родственникам, разлетелись в разные стороны, по лесам, с готовыми новостями и достоверными сведениями.

Миновали страшные звериные ночи. Тайга успокоилась и зажила своею обыденной будничной жизнью.

Ван со своею подругой спустился с высот Татудинзы, тощий и голодный. Молодая тигрица также сильно проголодалась. Да! Одною любовью сыт не будешь.

XX. ПЕРВОЕ ГОРЯ

Выйдя на тропу, протоптанную тиграми по гребню горного хребта, тигрица направилась по ней в надежде высмотреть по склонам пасущихся кабанов.

Ван следовал за ней неотступно, повинуясь чувству привязанности, свойственному самцам. Тигрица же помышлила уже о том, чтобы уединиться и уйти от своего повелителя. Чувство голода было сильнее всех других побуждений и овладело ею всецело.

Ван шел за своею подругой, понуря голову, и думал также о том, что недурно бы плотно закусить.

Вдруг слух его был поражен каким-то оглушительным шумом, как будто грянул гром; неподвижный морозный воздух содрогнулся, и дремавшая тайга ахнула. Столб снежной пыли взвился кверху и засыпал лежавшую вдоль тропы тигрицу.

Владыка тайги, находившийся от нее в десяти шагах сзади, присел от неожиданности и в первое мгновение никак не мог сообразить, что произошло.

Когда улегся снег и звуки замерли в лесной чаще, он подошел к месту взрыва. Печальная картина предстала перед его удивленными глазами.

Молодая тигрица лежала бездыханная на тропе. Пушистая пелена снега покрывала ее роскошный светлоложтый мех. Сквозь белую пелену просачивалась темная горячая кровь и стекала тонкой струйкой под левую лопатку. Зверь лежал на правом боку, голова и ноги были вытянуты. Пушистый хвост натянулся как струна и застыл.

Смерть наступила моментально.

Не зная, в чем дело, Ван старался лапами поднять неподвижное тело своей возлюбленной, но оно было безжизненно и как мешок падало на снег, окрашенный кровью. На боку тигрицы зияла черная глубокая рана с рваными краями.

Сделав еще несколько попыток поднять на ноги свою подругу, Ван понял, что это напрасно; он почувствовал около себя смерть, и в мозгу его созревали решения, основанные на требованиях и законах первобытного мира и зовах отдаленных предков. Дикий ум его помутился, вся психика его перевернулась, в глазах, дотоле спокойных и безмятежных, блеснул огонь

кипучей злобы и бешенства. Он взвился на дыбы во весь свой гигантский рост и заревел. Рев этот был голосом отчаяния и горя. Он гремел под сводами дремучего леса и, казалось, потрясал основы гор и застывшую землю.

Все живое в тайге притаилось и ожидало событий. Затаив непримиримую месть в сердце, Ван подошел к телу своей мертвой подруги и лег рядом с ней, положив на ее холодеющую грудь свою прекрасную могучую голову.

Он думал о причинах смерти своей подруги и догадывался, что виновником является человек с его хитрыми выдумками и орудиями, о которых он уже имел представление во время своих прежних охотничих экскурсий в районе звероловных фан.

Тигрица была убита заряженным стволом, настороженным звероловом Ли-Саном на тропе, где имеют обыкновение ходить тигры. Заряженный пулями и кусками железа, ружейный ствол привязывается к особым скамейке, на высоте груди зверя, в трех шагах от тропы; поперек тропы протягивается тонкая проволока, задевая за которую, зверь непроизвольно производит выстрел посредством устройства особого запала у ружейной заправки.

Ствол маскируется ветками, а тонкая проволока во время мороза покрывается инеем и становится невидимой. Чтобы не наткнулся на нее человек, по обеим сторонам ее у тропы делаются особые заметки и значки на стволах деревьев.

Тигр не знал этой лесной грамоты и не предупредил подругу о грозящей опасности.

Лишь только солнце осветило вершину Татудинзы своими розовыми лучами и в тайге исчезли ночные тени, заботливый зверолов Ли-Сан с кошелькою за плечами, вооруженный длинной палкой, вышел из своей фанзы и направился бегом по тропинкам проверять свои ловушки.

Много всякого зверя добыл уже за эту зиму Ли-Сан: и дорогого соболя, и колонка, и белку, но ни разу еще не посчастливилось ему добыть тигра, Лао-Ху, за которого можно взять в Нингуте не менее тысячи даянов.

Заметив, что тигры часто посещают его район и проложили даже тропу по хребтам и увалам, он поставил на одном из хребтов заряженный ствол, предварительно заговорив его у знакомого старика-знахаря, чтобы пуля положила зверя на месте.

Бодро шагал Ли-Сан по тропе, взбираваясь на хребет, где стоял его заряженный ствол. Он знал хорошо, что хищники бодрствуют только ночью, а потому смело и уверенно шел вперед к своей цели в надежде увидеть на тропе хоть свежий след тигра.

Поднявшись на перевал хребта и постояв немного у кумиренки, врезанной в ствол старого кедра, он направился по старым следам тигров к тому месту, где недавно прикрепил свой надежный ствол.

Солнце поднялось уже высоко. В тайге стояла тишина, и только дятлы постукивали по стволам деревьев да попискивали рыбачки.

Пригретая зимним солнцем, серая белка выскочила из своего дупла и, сев на задние лапки, уставилась с любопытством на согнутую фигуру зверолова, шагающего внизу под кедрами.

До ствола оставалось шагов сто, не более. Ли-Сан остановился и стал прислушиваться. Тихо было в тайге. Пройдя еще шагов пятьдесят, зверолов стал за выступом скалы и бросил нетерпеливый взгляд вперед. Отсюда ему хорошо было видно место, где спрятан был ружейный ствол. Он всматривался в чащу и ясно разглядел красновато-бурое тело тигра, распространенное на тропе. Радости его не было границ. Он увидел добываемого зверя и представил себе тысячу даянов, взятых за его тушу.

Не рассуждая более и без необходимых предосторожностей, кинулся он вперед к своей добыче и оста-

новился как вкопанный, не дойдя до нее двадцати шагов.

Поглощенный горем и обуреваемый жаждой мести, Великий Van лежал недвижимый около своей мертвей подруги.

Но вот в тишине тайги он слышит чьи-то торопливые шаги по скрипучему снегу. Это не четвероногий зверь, а двуногий. Шаги приближаются. Слышнее! Слышнее!..

Сама судьба посыпает ему на расправу виновника его неутешного горя!

Вот он сам стоит перед ним, согнувшись под ножей своей кошельки, вперив безумный, полный ужаса и страха взор в грозные, сузившиеся зрачки Владыки гор и лесов.

Van поднялся и продолжал гипнотизировать своим уничтожающим взглядом человека, потерявшего волю, инстинкт сохранения жизни и даже самый рассудок.

Человек и зверь стояли друг против друга и состязались силой своих взглядов. Но человек оказался слабее и уступил зверю. Ли-Сан опустил глаза; сознание его померкло, тело как мешок упало на снег; кошелька покатилась в сторону.

Видя перед собой живой труп, не способный не только к активной борьбе, но и к малейшему сопротивлению, тигр подошел к нему, перевернул его лапой лицом кверху, обнюхал и, отойдя в сторону, прилег, положив голову на лапы.

Глаза его не отрывались от человека. Он ожидал борьбы и боя на смерть, но надежда его не оправдалась.

Великий Van трупов не трогает, поэтому он будет ждать, когда проснется человек, чтобы вступить с ним в бой.

Придя немного в себя, Ли-Сан пошевелился и поднял руку к глазам.

Этого было достаточно. Тигр взревел и бросился на него, придавив его своею двадцатипудовою тушей. Затем, схватив его поперек тела в пасть, подбросил вверх, как кошка мышь, и, поймав на лету, подбросил еще выше.

Тощее тело зверолова после этих полетов рухнуло в снег и осталось недвижимо, одно только дыхание и сокращение мускулов грудной клетки обнаруживало жизнь.

Заметив, что жизнь еще теплится в слабом теле, хищник подошел к нему, взял его обнаженную голову в свою пасть и скжали челюсти. Послыпался хруст мускульных костей черепа и протяжный стох человека.

Алая крови окрасила белую пелену снега и стекала темными струйками из глубоких отверстий, оставленных клыками хищника на бритой голове зверолова.

Жизнь легко оставила это сухое и дряблое тело, так как ей не за что было держаться.

Месть хищника была удовлетворена. Почувствовав, что жизни нет в теле двуногого, Van ощупал его всеми своими зубами и убедился, что оно еще может утолить его голод, но для этого необходимо было его разделать.

Операцию эту выполнить было не так легко, и Vanу пришлось повозиться, срывая зубами и когтями плотную, подшитую ватой одежду. Покончив с этим делом и разорвав в мелкие клочья ватную кофту и штаны, хищник принялся свежевать бледное, желтоватое, с синими жилками тело человека. Кости хрустели как соломинки на могучих зубах хищника. В полчаса от человека не осталось ничего, он весь, со всей требуемой, вошел в объемистый желудок зверя, хотя снаружи этого не было заметно.

Лесные кумушки, конечно, не преминули прилечь на этот таежный обряд погребения и без умолку трещали, летая над лесом, прыгая по снегу и собирая ничтожные остатки кровавой трапезы.

Удовлетворив свою месть и свирепый голод, Ван вспомнил о подруге и, подойдя к ней, хотел опять поставить ее на ноги, но застывшее тело отказалось повиноваться и было твердо, как дерево.

Обнюхав его в последний раз и лизнув своим горячим языком мертвый остекленевший глаз, тигр забрал свою подругу съпучим сухим снегом и, медленно шагая по тропе вверх хребта, удалился в глубину тайги. Неугомонные лесные кумушки до самого вечера не могли успокоиться, и долго еще слышались их крики на гребне хребта, где остались кровавые следы лесной драмы и невысокий сугроб снега над телом убитой тигрицы.

Товарищ погибшего зверолова, молодой Фу-Тай, долго ожидал его возвращения и, не дождавшись, ушел в Нингуту сообщить родным и знакомым и организовать поиски, так как ввиду появления в окрестностях Великого Вана решиться на это дело одному было чрезвычайно рискованно.

Только в конце зимы, когда снег уже стаял на солнцепеках, родные Ли-Сана нашли клочки его одежды и труп убитой тигрицы на одном из горных отрогов Татудинзы.

Насыпав на этом месте кучу камней и совершив курение благовонных свечей, они вернулись домой в Нингуту, построив там кумирню в честь Великого Горного Духа.

XXI. ЗОВ ПРЕДКОВ

Попробовав человеческого мяса и потеряв уважение к «царю природы», Великий Ван стал ощущать потребность к передвижению, к смене впечатлений, к новым неизведанным ощущениям. Какой-то внутренний могучий голос шептал ему о других чудных странах, полных добычи и заманчивых приключений.

Это был зов предков, непреодолимый и властный.

Ему подчинился Ван и двинулся, почти бессознательно, на юг, откуда вышли его предки и где умер его отец в пещере Дракона, на горе Священного Озера.

В роскошных субтропических лесах Кореи он остался надолго. Безлюдие и обилие дичи давали ему полную свободу, и там он в течение десяти лет жил безмятежно, упражняя свое тело в охотничих набегах на диких обитателей горных высот и жарких джунглей прибрежных низменностей.

Здесь сформировался окончательно его облик и сложилась его духовная организация.

Отсюда он вышел тем Великим Ваном, который является божеством и грозной стихийной силой для таежников.

Но жаркий климат страны Утреннего Спокойствия все же заставил Вана искать прохлады на севере, и он предпринял поход в Маньчжурию, придерживаясь горных хребтов, идущих отсюда на север, к озеру Ханка и берегам Амура.

Гонимый непредолимою силой, он зимою перешел Сунгари у ее устья в глухую туманную ночь и бродил по лесистым хребтам Малого Хингана, пока весной не вышел на берег Амура.

Здесь, на высоком утесе, он остановился. Перед ним расстилалась широкая равнина, по которой Амур катил свои темные воды. Солнце склонялось к западу и бросало свои горячие лучи на широкую гладь реки, на далекие горы, синеющие на горизонте, и на ближайшие отроги Хингана, покрытые густыми ельниками.

Долго стоял на утесе Великий Ван и любовался отрывшейся панорамой.

Вниз по реке бежал пароход, и за ним тащились две баржи, груженные лесом.

С любопытством взирал на это чудовище могучий зверь, и разнообразные мысли роились в мозгу его. Ему казалось, что это живое существо, не имеющее отношения к человеку. Когда пароход скрылся из глаз,

он спустился с утеса на берег реки и, войдя по колена в воду, лакал своим горячим языком холодную струю. Затем, желая исследовать глубину, зашел по горло и спустился вплавь. До другого берега было не менее километра. Проплыл до середины реки, он повернулся обратно. Течение отнесло его вправо на значительное расстояние, и он вышел на берег далеко от утеса.

Отряхнувшись и постояв еще на берегу, Ван повернулся назад и углубился в тайгу, подступившую к самой воде непроходимою чащой.

Ширина реки остановила его движение на север. Ван решил возвратиться обратно в свои родные края и направился на юг. В это время неведомые пришельцы с севера выстроили железный путь, прорезавший горы и леса Шу-Хая.

Струя новой жизни вливалась в дикий край. Новые люди строили города и поселки, вырубали леса и расчищали тайгу.

Там, где раньше бродили свободно дикие звери и раздавалась рев изюбра, по вечерним и утренним зорям бежит, сверкает и шумит по стальным рельсам гигантский змей-горыныч, и богатырский свист его бичует священную тишину лесов и гонит диких обитателей тайги в неприступные горные трущобы и дремучие дебри.

К левому берегу Сунгари он подошел зимою в декабрьскую лунную ночь. Вдали сверкали огни города Тун-Хэ.

Он долго не решался выйти из прибрежных зарослей на гладкую как скатерь поверхность реки, искарящуюся под яркими лучами ночной красавицы. Его пугала беспредельная пустота и ширь сунгайской равнинны.

Он привык к иной обстановке и другому пейзажу, где даль ограничена темными лесистыми хребтами, а на переднем плане нагромождены дикие угрюмые скалы, заросшие густою дремучею тайгой. В такой об-

становке он родился и вырос, так же как и его предки. В нем говорили зовы его предков.

Долго не мог он побороть в себе этого чувства врожденного страха обширных равнин. Несколько дней бродил он по речной уреме, покрывавшей низкий берег реки, не решаясь пуститься в путь по враждебной ему широкой равнине.

На юге, в туманной мгле горизонта, синели очертания лесистых хребтов Лao-Э-Лина и вершины их. Кокуй-Шань и Татудзина проектировались на фоне неба как призрачный мираж.

Расстояние до них определялось в сто двадцать – сто тридцать километров.

Великий Ван с нетерпением и любовью смотрел вдаль, на родные горы, и тоска не давала ему покоя.

В это время хищник питался домашней скотиной и собаками окрестных лесных хуторов, наводя панический страх и ужас на местных жителей. Во всех фанзах и днем, и ночью шли бесконечные толки и разговоры о появлении страшного зверя, Вана, о его подвигах, о бесстрашии и свирепости. В кумирнях зажигались огни, и робкий поселянин преклонял колено, вознося горячую молитву Великому Горному Духу, пришедшему издалека, чтобы наказать людей за их грехи и забвение усопших предков. В одну из темных безлунных ночей, когда небо было покрыто тучами и густой туман, ставшийся над землей, скрывал дали и близайшие предгорья хребтов, Ван перешел Сунгари по льду, против самого устья Майхэ.

Здесь, у ханшинского завода, на тропе, проложенной вдоль берега, он встретил группу китайцев, вооруженных винтовками, висевшими на плече дулом вниз. Их было восемь человек. Впереди бежали две собаки, черные, лохматые, исполнявшие роль разведчиков.

Это была шайка хунхузов, вышедшая из тайги на грабеж ханшинского завода.

Почувствовав хищника, собаки остановились, поджали хвосты и сели на тропе, ожидая приближения хозяев.

До тигра оставалось шагов двести. Он шел спокойно, большим размашистым шагом. Расстояние между ним и собаками быстро сокращалось.

Собаки, почувствав своего злейшего врага, жались к людям, глухо визжали и не трогались с места.

Узнав по поведению собак, что перед ними тигр, хунхузы тихо заговорили между собой, причем называли его «стариком» – Лao-Тоу-Ре.

Заметив впереди себя группу людей, Ван замедлил шаги и остановился. Он высоко поднял голову, навострил уши и вперил свои большие светящиеся зрачки в темневшую на снегу группу людей. Кончик хвоста его конвульсивно вздрогивал.

Предполагая, что это тот самый Ван, который терроризировал окрестности города Тун-Хэ, хунхузы попоропились сойти с тропы в сторону и стали в чаще лозняка; винтовки были у них в руках наготове, но стрелять они не думали.

Собаки остались, как были, на тропе, находясь под давлением тяжелого взгляда хищника. Они стояли прижимаясь друг к другу, дрожа всем телом, слегка повизгивая.

Воля их была парализована. Сердца их готовы были лопнуть от напряжения.

Заметив, что люди уступили ему дорогу, Ван двинулся вперед по тропе. Не доходя до собак шагов за десять, он на мгновение остановился и без всякого напряжения, коротким толчком легко подбросил свое гибкое тело и накрыл собак.

В тот же момент он успел нанести смертельные дары своими бархатными лапами, и собаки с раздробленными черепами покатились в снег.

Забрав их обоих в пасть и даже не удостоив людей своими взглядом, тигр удалился в глубину речной ущельмы, где и расположился с обедом в укромном месте.

XXII. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Приближалась пора звериных ночей. Обитатели тайги нервничали, готовясь к их встрече. Четвероногие уходили в редколесье, в дубняки, где открывался широкий кругозор, уменьшавший опасность внезапного нападения хищников. Звероловы укрепляли свои убогие фанзы и шалаши и жгли курительные свечи перед лесными алтарями, возноси горячие молитвы Горному Духу.

Все чаще и чаще раздавались удары в чугунный колокол, и священная тишина тайги нарушалась металлическими звуками. Ван стремился на юг, куда влекли его воспоминания счастливого детства.

Он шел хребтами гор, придерживаясь следов, оставленных тиграми в глубоком снегу, от вечерней зари до утренней. Днем он отдыхал в какой-нибудь пещере, под выступом скалы или на солнопеке.

Пищей ему служили по преимуществу пороснята, но иногда он пользовался услугами красных волков, устраивавших облавы на изюбреи и коз, причем хищник незаметно прокрадывался в круг загона, делал засаду и без труда хватал гонного зверя.

Красные разбойники знали, с кем имеют дело, и не осмеливались заявлять протест и свои права, как они это нередко проделывали с молодыми тиграми, не достигшими совершенолетия. Они окружали их многочисленной стаей, беспокоили лаем и криком и прогоняли из района своей охоты.

Но с царем тайги, Великим Ваном, шутки плохи, один взгляд его грозных очей приводил в трепет и беспрекословное подчинение всю мелкую хищную братию.

Придерживаясь южного направления, Ван шел в верховья реки Майхэ, берущей свое начало в западных склонах Лao-Э-Лина.

Не имея компаса и не зная правил ориентирования по странам света, он двигался безошибочно, ру-

ководствуясь особым чувством, унаследованным от предков.

В густых кедровниках в этот год было много орехов. Под старыми кедрами они лежали сплошным слоем, осыпаясь под напором северо-западного муссона. Орехи эти, являясь главною пищей белки, бурундук и других грызунов, служат лакомством для многих других животных из семейства жвачных и даже хищников. Маслянистые крупные зерна этого ореха, переваренные со скурлупой, способствуют пищеварению и поедаются в большом количестве всеми четвероногими обитателями тайги. Кабаны, медведи и изюбрь питают исключительно ими в периоды урожаев, которые бывают обыкновенно через каждые два года.

Великий Ван, отъевшийся и сытый, несмотря на свой бродячий образ жизни, также не пренебрегал этими орехами и по пути часто лакомился ими, искусно вылущивая их из-под чешуи шишечек своими острыми резцами.

К этому времени Ван достиг уже своего предельного физического развития и представлял собой великолепный экземпляр маньчжурского тигра со всеми присущими ему зоологическими особенностями.

Благодаря деятельному и подвижному образу жизни, под кожей его не нарастал слой жира, а мышцы и кости от постоянных упражнений приобрели качества вулканизированного каучука и закаленной стали. Он мог вынести максимум физического напряжения, доступного для живого организма, и живая сила его поражала своими размерами и результатами.

Ему ничего не стоило в сутки сделать сто пятьдесят — двести километров по хребтам и зарослям тайги или же унести в пасти двадцатипудового кабана на расстояние одного-двух километров, на вершину крутой горы, перепрыгивая через бурелом и камни вышиною в два метра.

Он легко, без особого напряжения, но немного подаввшись корпусом назад, перемахивал через про-

пасти в горах, делая прыжки в десять метров. Эти прыжки более походили на полет птицы, чем на движение четвероногого, так были они легки, эластичны и воздушны. Ни одно животное не могло соперничать с ним в силе, быстроте движений, ловкости и красоте.

Это действительно был царь тайги — не только по физическим своим качествам, но и по признакам биологического характера. Тигр достигает своего предельного возраста к тридцати или сорока годам. Тогда он становится тучен, ленив и вял. Мышцы его слабеют, зубы выкрашиваются, и мех тускнеет. Не будучи в состоянии добывать чутких, быстрых и энергичных диких животных, состарившийся хищник ограничивается мелкой добычей, состоящей из барсуков, пороссят, телят всех жвачных, не пренебрегает даже зайцами, фазанами, тетеревами и другими мелкими животными.

Вблизи человеческих поселений такой тигр становится бичом, так как уничтожает скот, не только пасущийся в тайге, но и запертый в сараях и других помещениях. Тогда хищник врывается в дворы, ломает сараи и фанзы и похищает все, что попадается ему в лапы, — скотину, лошадей, быков, мулов, телят, свиней и птицу. Если человек подвернется ему на пути, он не щадит и его: ударом лапы сшибает с ног и уносит в сопки.

Такие тигры, ослабевшие от старости, становятся иногда людоедами, предпочитая человечину всяческому другому мясу.

Не встречая сопротивления и узнав легкость добывания, тигр-людоед держится вблизи поселков и хуторов, расположенных на опушке тайги, и производит свои опустошительные набеги на беззащитное население, пока не окончит свои дни под пулями охотников.

Как раз накануне Нового года Ван шел по тропе, спускаясь с перевала Лянзалин в долину реки Майхэ.

Ночь была темная, небо усеяно звездами.

Вдали, на расчищенной от леса поляне, раскинулась станция железной дороги. В каменных домах и убогих, наскоро сколоченных бараках поселка светятся огоньки. В стороне под сопкой, освещенной яркими огнями, грохочет и звенит своими машинами лесопильный завод.

Хищник в удивлении остановился и долго рассматривал новую, невиданную им картину. Он припоминал, что несколько лет тому назад, когда бродил он здесь с матерью и сестрой, в этих местах шумела дремучая тайга и никаких человеческих поселений не было. Только в том углу, где гудит и визжит большое страшное здание со множеством светящихся окон, стояла убогая фанза зверолова, мимо которой он так часто ходил на охоту или возвращался домой, на гору Кокуй-Шань.

Как все изменилось с тех пор! Что это значит? Он решил узнать все подробно и исследовать причину. Перейдя Майхз, он вышел на дорогу, ведущую в поселок, и зашагал по ней, часто останавливаясь и всматриваясь в светящиеся окна фанзы и домиков и прислушиваясь к необычным для него звукам.

Из некоторых домов доносились человеческие голоса и крики. Но это были не те звуки, к которым он привык с детства в глухой тайге. Эти звуки были властны и смелы и говорили ему о других людях, пришедших сюда, о другом, чуждом для него мире. Вот двери одного из домов открылись, и на дорогу высипала толпа людей. Внешний вид их, голоса и движения не были похожи на привычные фигуры звероловов, дровосеков и охотников.

Он стоял посреди дороги, шагах в пятидесяти в стороне и наблюдал, следя за всем своими светящимися зрачками.

Люди его не видели, они были слепы в темноте, а он видел их прекрасно, и любопытство его не имело границ.

«Посмотри, посмотри, никак тигра стоит на дороге, — вскричал один из толпы, показывая пальцем на темневшую на снегу фигуру зверя, — так и есть, тигра, братцы, и глазища у ей светятся как плошки!».

«Что ты врешь там, Кузьма, — кричали ему другие, стараясь увлечь его в другую сторону, по дороге на станцию. — Ишь, сердечный, нализался, и ему мерешился с пьяных глаз тигра! Бери его под жабры, ребята, и айда на станцию! Скоро поезд будет из Имяньпо, отход уже был, и семафор открыл!».

С этими словами Кузьму подхватили под жабры и повлекли на станцию. Но он все не сдавался и пьяным голосом уверял своих компаний, что видел тигра как «на ладони». «Лопни мои глаза — видел!».

Но веры ему не давали, и скоро вся веселая компания скрылась в освещенных дверях станционного здания.

Проводив пьяных гуляя вытаращенными глазами и побродив около освещенного завода, из трубы которого вылетали клубы искристого дыма, Ван взобрался на увал, что возвышается над заводом, и улегся там на вершине, созерзая невиданное зрелище и думая свои звериные невеселье думы.

В это время к станции с запада подходил пассажирский поезд. Громыхая колесами на стыках рельс, пыхтя и шумя тормозами, освещая темноту своими глазами-окнами, он медленно, как страшное чудовище, полз по рельсам. Голова чудовища изрыгала клубы белого пара и огненные искры; два глаза-проектора прорезывали тьму своими гигантскими ослепительными лучами.

Пронзительный свет рассек воздух и больно ударили по слуховым органам хищника. Он прижал уши и зажмурился. Чудовище остановилось, и видно было, как множество людей толпилось и бегало возле чудовища с светящейся головой. Он слышал отдаленный шум, голоса и сверлящий ухо визг пилы на заводе. Все это было так необычно и неприятно для царя тайги,

что он никак не мог прийти в себя, и в мозгу его зарождались все новые мысли и новые идеи.

Голова его работала напряженно. Он пришел теперь к убеждению, что положение изменилось благодаря появлению новых людей, которые обладают особыми качествами. Движущиеся, непонятные ему чудовища, имеющие сходство со змеей, подчиняются человеку. Огромные здания с ослепительно сверкающими окнами, с ревущими внутри их существами, изрыгающими клубы огненного дыма, – все это дело рук двуногого. Это он настроил свои жилища-ящики, свои железные тропы по дремучей тайге и вырубил родные заросли. Это он жжет и уничтожает леса, дающие приют и пищу дикому зверю и птице.

Неудержимая злоба закипала в сердце Вана против этого пришельца, и в мозгу его зарождалась месть.

Он еще не представлял себе, как будет мстить этому двуногому, но чувство это усиливалось, превращаясь в стихийное стремление.

Не имея равных соперников в тайге и царствуя в горах в течение пятнадцати лет, Ванчувствовал, что владычество этому пришел конец, что престиг его в дикой пустыне поколеблен.

Насмотревшись вдоволь на невиданное для него зрелище железнодорожной станции с ее ослепительным освещением, затмевающим свет луны, с ее оглушительными звуками, поглощающими знакомые ему звуки тайги, он встал и заревел, долго и протяжно, как бы жалуясь и в то же время угрожая могучему врагу.

Но рев этот не был услышен на станции и в поселке. Он заглушен был пронзительными свистками декапота, шумом пил и паровых котлов лесопильного завода. Подавленный и угнетенный, он удалился в тайгу, поднимаясь по хребтам на вершину Кокуй-Шана, видневшуюся вдали, среди хаоса лесистых гор и увалов.

Места эти были ему знакомы с детства. Он был дома, и сердце его радостно билось и трепетало; колос-

сальные легкие его с наслаждением втягивали в себя родной воздух, и могучая грудь раздвигала знакомые заросли. Наступили звериные ночи.

Обитатели тайги притаились по фанзам, гнездам и логовищам. От зари старая тайга прислушивалась к грозному реву могучих хищников и тихо шумела, напевая свои древние песни.

Среди этих звуков изредка слышался далекий рев Великого Вана. Он покрывал собою все другие звуки и рокотал в горных ущельях как отдаленный гром.

С западной стороны Кокуй-Шана, к его подножию, человек провел от станции железный путь. Здесь выстроил он свое жилище-ящик и занялся вырубкой вековечных кедровников, покрывавших собою склонные горы и близкайшие хребты.

Могучие великаны-кедры, в несколько обхватов толщиной, валились под ударами беспощадных топоров, нарушая тишину первозданных лесов грохотом своего падения.

Визг пилы, удары топоров и крики погонщиков, лошадей впервые от создания мира наполняли действительно чистый воздух своими резкими звуками.

Тайга стонала и плакала крупными смоляными слезами, падавшими из глубоких зияющих ран в рыхлый холодный снег.

Так жаловалась она на судьбу свою, и прощальная песня ее печально звучала под сводами равнодушного холодного неба.

XXIII. НА ЛЕСНОЙ КОНЦЕССИИ

«Звериная ночь» – в полном разгаре. Издалека доносятся звуки голосов колоссальных кошек. В казарме, на посту у подножия Кокуй-Шана, в большой комнате, освещенной лампой «молния», сидят за столом солдаты-охранники и ведут бесконечные беседы: о далекой родине, о службе, о сновидениях, об охоте и обо всем, что интересует простую бесхитростную душу

русского человека, загнанного судьбою в далекие дремучие дебри Маньчжурии.

Каждый занят своим делом. Кто чинит свою обувь, набивая подметки; кто чистит винтовку, пропуская шомпол в дуло ствола; кто читает «Сонник»; кто чешет у себя под рубахой, сонно шуря глаза; кто укладывается спать, снимая портняки и вешая их на железную трубу для просушки, а кто уже спал, разметавшись на скрипучей койке и храпя во всю ивановскую.

«А что, Малыгин! Пойдем завтра на охоту? – проиннес ефрейтор Арсеньев, собирая винтовку и ставя ее в козлы, обращаясь к молодому солдату, читавшему «Сонника». – Погода будет важная, и кабаны есть на Царь-сопке, мне сказывали китайцы. Следов много! Знатно порыли по кедровнику!».

«Что ж, пойдем! – ответил Малыгин, складывая книгу, потягиваясь и сладко зевая, – только надо нарезать пули, а то шлет как иглой, никакого толку». Он встал, осмотрел свою винтовку и засел за нарезку кончиков пуль, чтобы сделать их разрывными.

«Смотрите, ребята, теперь звериные ночи, не навраться бы вам на тигру! – произнес один из солдат, наливал себе десятую кружку горячего чая из жестяного чайника. – Час тому назад я сменился, и, стоя на часах, слышал, как они, проклятые, ревут по сопкам! Ажно страшно стало, и мурашки по спине забегали! Китайцы говорят, что между ними есть Ван, то есть ихний князь, и от него пощады не жди! Сlopает в лучшем виде, даже ахнуть не успеешь! Ростом он, говорят, с дом и человека может заглотнуть враз. Ой, не ходи Арсеньев! Чует мое сердце что-то неладное! Вчерась я видел сон, и ты, бывало, встретил тигру, а вместо винтовки у тебя палка! Ты забрался на кедру и взлетел оттуда как птица! Мой совет тебе, не ходи! Обожди, пока кончатся их свадьбы!»

«Снам не верь, ты не баба! – ответил ему Арсеньев, собирая необходимые вещи и продукты для охоты, – а твоего Вана я не боюсь! Это все сказки! Никакого Вана

нет! Вот убьем его и шкуру с него снимем! Тем лучше, за Вана дадут тысячу целковых! Ну, Малыгин! Ты сбрался? Ложись спать, а чуть свет я тебя разбуджу!». С этими словами он разделялся, завернулся в свое рваное одеяло и захрапел.

Арсеньев был лихой охотник, отличный стрелок и «отчаянная башка», как называли его товарищи. За свою трехлетнюю службу в охранной страже он взял несколько медведей и кабанов, а изубрёй и коз – без счету. Год назад он добыл молодого тигра и продал китайцу за пятьсот девяносто рублей.

Таежная ночь плыла над землей.

Одинокий, затерянный в лесной пустыне пост засыпал.

Лампа-молния была прикручена, и ее тусклый свет еле освещал спящие фигуры.

За печкой трещал сверчок, и в трубе хлопала заслонка.

Со двора, где шагал часовой, закутанный в тулуп, доносился неясный шум леса. Лесные шорохи зарождались в глубине тайги и замирали в ущельях Царь-сопки.

Раннее зимнее утро. Солнце только что озолотило гранитную шапку Кокуй-Шаня. В узких падах и ущельях царит еще полумрак. Дятлы и поползни начали свою работу и задолбили по стволам деревьев своими крепкими как долото клювами.

По таежной тропке пробираются два охотника.

Впереди идет бравый стройный Арсеньев. За ним, держа винтовку наготове, его товарищ Малыгин.

Они поднимаются вверх по хребту, к вершине Кокуй-Шана.

Множество кабаньих и тигровых следов попадается им по пути. Большая часть – старые, но есть и свежие, еще не остывшие, мороз еще не успел сковать их.

Выйдя на горную седловину, охотники остановились и стали прислушиваться.

Ни одного звука. Тайга как будто вымерла.

— А что, Малыгин, не разойтись ли нам? — заговорил старший, закуривая трубку-носогрейку, — вдвоем несл��ично, уж очень шумно! Мешаем друг другу! Ты иди внизу, по пади, и забирай вверх на тот перевал, что виден отсюда, а я пойду по гребню. Сойдемся там, на перевале, часа через четыре — пять. Как раз будет полдень, и там подзакусим».

«Ладно! Оно и верно, что в одиночку ловчее. Только уговор: иди на выстрел! Ты иди потише, а я побойчее, так как по чаще трудно. Сойдемся в одно время. Ну, айда!».

С этими словами охотники разошлись. Малыгин спустился в падь, а Арсеньев стал шагать по гребню крутого хребта.

Солнце поднялось высоко. Тайга была молчалива.

На одном из перевалов Арсеньев заметил совершенно свежие следы кабана. Зверь подымался на хребет, вероятно, на свою лежку, после жировки в кедровнике. Арсеньев нашупал след рукой, остался доволен и быстро, но бесшумно стал скрдывать чуткого зверя.

Где-то вверху кричали сороки, и опытное ухо охотника внимательно прислушивалось к этим звукам.

«Это не даром! — думал он, — что-то там есть, сороки не кричат зря!».

Только что мелькнула эта мысль в голове охотника, как у себя над головою он услышал стрекотанье лесных кумушек.

«Чтоб вас черт взял!», — громко выругался Арсеньев, замахиваясь на птиц кедровою шишкой, поднятою с земли. Но это движение еще более раздразнило сорок, и они слетелись к нему целой стаей, треща и наполняя воздух своими криками.

Он остановился, желая выждать, думая, что кумушки оставят его в покое, но не тут-то было. Они еще пуще прежнего раскричались и, казалось, решили не отставать от охотника, давая знать всей округе, что приближается опасный и злой враг. Эти крики вызвали свое действие.

Кабан, лежавший под кедром, послушал, встал и медленным шагом пошел вверх по косогору, на другую свою лежку в вершине пади.

Семья горалов также оставила свои излюбленные места отдыха и легкими прыжками ускакала вверх к каменным россыпям.

Здесь же, на выступе скалы, отдыхал Великий Ван.

Он спал после бурно проведенной ночи, но громкие крики сорок разбудили его. Он поднял голову, насторожил свои чуткие уши и стал соображать: «Что бы это значило? Кто может нарушать покой тайги в полуденное время? Это не зверь, а, вероятно, человек!»

Надо узнать, в чем дело!».

С этими мыслями Ван поднялся и неслышно стал подползать к тому месту, где раздавались громкие крики.

Решив пренебречь назойливыми приставаниями, Арсеньев быстро двинулся вверх по гребню хребта и, подойдя вплотную к стволу гигантского кедра, поваренного бурей, остановился в раздумье: перелезать ли ему через него или обходить стороной?

В это время хищник притаился по другой сторону ствола и ждал момента, когда можно сделать прыжок.

Подумав немного, охотник стал перелезать через кедр.

Не успел он спрыгнуть на землю по другую сторону, как почувствовал на себе стремительный удар чего-то невероятно тяжелого. В голове его в последний миг блеснула мысль о нападении тигра и необходимости защищаться, но мозг его уже перестал работать и сознание покинуло его.

Удар передних лап хищника был так силен, что грудная клетка превратилась в лепешку и все внутренние органы были раздавлены и превращены в бесформенную массу. Смерть наступила моментально.

Удовлетворив свою ярость и злобу, Ван искал в мертвом теле человека признаки жизни, чтобы насладиться его страданиями, но, убедясь, что он мертв,

хищник перевернул его лицом вверх и долго смотрел на него, как бы изучая его черты и взгляд его выразительных, но мертвых глаз.

Русая густая борода поразила его, он пошевелил ее языком и стал лизать кровь, выступившую на бледных полуоткрытых губах.

Раздеть человека стоило ему большого труда. Он срывал с него одежду зубами, в то же время помогая лапами.

Так вот какие это пришельцы, настроившие большие ящики, железные тропы и пустившие по ним своих послушных чудовищ!

С этими мыслями Ван схватил тело охотника за тонкую талию, оттащил его вниз, в заросли, и, расположившись под кедром, начал свежевать его, разрывая на части своими страшными зубами.

Вскоре с вершины хребта спустилась молодая тигрица в поисках своего повелителя.

Ван встретил ее приветливо, с довольным мурлыканьем, и уступил ей лакомые куски добычи.

От русского охотника вскоре не осталось ничего, кроме обуви, клочков белья, одежды и винтовки, валявшейся у ствола кедра, где он был схвачен хищником.

Покончив с обедом, Ван решил, что мясо пришельца сочно и вкусно и имеет свой запах. Кроме того, он убедился, что двуногий вообще слаб физически и силен только теми орудиями, которые имеются в его руках.

Целая стая сорок, соек и ворон вилась над местом тигровой трапезы. Крики их и беспокойный полет обратили на себя внимание другого охотника, Малыгина, который к этому времени вышел на условленное место сбора и ожидал приятеля.

Часа два просидел он у костерка и, соскучившись, решил идти ему навстречу по хребту.

Беспокойные крики ворон тревожили его, так как он знал, что эти таежные кумушки не будут кричать понапрасну.

Не находя следов товарища, Малыгин поспешил на крики ворон.

Подходя к месту катастрофы, он уже знал, что Арсеньева нет в живых, так как клочки его окровавленной одежды ворона и сороки разнесли по тайге.

На месте кровавого пиршества он нашел только пропитанный кровью снег, обрывки одежды, табак в кисете, трубку, спички и краюху хлеба. В стороне валялись вточная в снег сумка с патронами и пояс.

Следы показывали, что хищников было два. Один колossalных размеров, а другой поменьше. Тигры ушли на вершину Кокуй-Шаня.

«Наверное, здесь работал Ван, — подумал охотник, — таких больших следов я еще не видел. А жаль Арсеньева! Славный был товарищ и охотник! Как это он попал впросак и погиб без выстрела! Проклятый Ван! Это ему даром не пройдет! Придется ему за это отдать свою шкуру! От нас он не уйдет! Дай срок, с тобой расквитаемся!».

С этими мыслями, держа винтовку наготове, Малыгин обошел всю округу с целью выяснить все детали совершившейся драмы.

У поваленного кедра он нашел винтовку с об包围анным ремнем. Курок стоял на предохранителе, очевидно, нападение было неожиданное и внезапное.

Посидев на стволе кедра и отдохнув немного, он взял винтовку и патроны погибшего товарища и отправился домой, на пост.

Трубку Арсеньева он взял себе на память. Солнце стояло низко. Вершины гор и далекие хребты подернулись фиолетовой дымкой. Мороз крепчал.

Издалека, как отдаленные отголоски грома, доносился глухой рев хищников.

Малыгин прибавил шагу и быстро спустился с хребта, держа наготове винтовку, готовый встретить любого врага меткой пулей.

Внизу, посреди вырубленной площадки леса, свечился одинокий огонек в окне. Это — пост, куда спешил охотник с печальными вестями о гибели товарища.

XXIV. ТАЙГА ШУМИТ

Обитатели тайги узнали, что охотник погиб в котлах Великого Вана. Все толковали об этом событии.

Местные звероловы злорадствовали и были довольны, что Великий Ван вступился за них и мстит пришельцам за поругание священной тишины вековых лесов и за уничтожение охотничьих угодий.

Пред алтарями лесных кумириен возносились горячие молитвы Горному Духу, призываю звучал чугунный колокол в тишине лесной. Тайга шумела.

Видя разгром и уничтожение заповедных убежищ и древних, унаследованных от предков кормовых угодий и пастищ, четвероногие и пернатые аборигены тайги присоединились к двуногим и объявили непримиримую войну пришельцам.

Каждый по мере сил старался вредить им и не упускал случая уничтожить плоды их рук и всяческие ухищрения их ума.

Случалось нередко, что стада кабанов подрывали телеграфные столбы, валили их на землю и рвали телеграфную проволоку, тем прекращая связь главной линии с ветками.

Поля и огорода новоселов в притаежных районах подвергались нападениям многочисленных стад кабанов и медведей и уничтожались полностью, причем не помогали никакие пугала, трещотки и kostры, разжигаемые по опушкам лесов.

Осенью медведи взлезали на телеграфные столбы и рвали проволоку, предполагая, что внутри столба находится пчелиный улей.

Был случай, когда медведь, выйдя на полотно железной дороги, увидел идущий на него поезд. Предполагая, что это невиданный зверь, мишка пошел ему навстречу с целью помериться силами, но, конечно, был смят, раздавлен и погиб геройской смертью.

Вертлявые бурундуки, выйдя из тайги, уничтожали посевы поселян, делая себе в тайге запасы на зиму.

Красавцы фазаны, тетерева и куропатки не отставали от грызунов и наводняли поля многочисленными стадами.

В дремучей тайге охотники нередко становились добычей хищников. Великий Ван, неограниченный повелитель тайги, является представителем этой борьбы.

На жителей поста и линии железной дороги гибель охотника Арсеньева в котлах тигра произвела огромное, ошеломляющее впечатление.

До сих пор хищники тайги избегали встречи с новым человеком, боялись его и уступали ему дорогу, удаляясь в глубину лесов. Теперь же положение изменилось.

В психологии таежных обитателей произошел перелом. Великий Ван, уничтожив пришельца, сбросил с его имени ореол непобедимости.

Шпионы сойки и сороки делали свое дело, сплетничали и кричали, ругали и клеветали, стараясь разжечь обе стороны.

Дикие песни тайги становились громче, и грозные раскаты их приближались к поселениям человека.

Солнце подымалось все выше и выше над диким Шу-Хаем, и в воздухе слышался весенний шум.

Старый Тун-Ли, закончив свои дела, собирался опять в Нинггуту, к празднику Нового года.

Берестяная кошелка его, наполненная мехами и увязанная ремнями из оленых жил, стояла снаружи у стены.

Совершив моление Горному Духу, Великому Вану, и ударив в колокол три раза, он взвалил кошелку на

свою старую, согнутую годами спину и подтянул ремни. Взглянув на солнце, стоявшее над лесом, он бодро зашагал по тропе, направляясь на восток, вниз по долине реки Хайлун-Хэ.

Старик спешил, чтобы к ночи добраться домой, в Нинггуту. Старческие ноги его обладали юношеской силой и выносливостью и быстро несли его по набитой тропе.

Мысли таежного ветерана были далеко и летали, как быстрокрылые птицы, над могилами предков, куда давно уже стремилась душа его.

Проходя по тому месту, где он встретил несколько лет тому назад тигра, старик остановился передохнуть и сел на колоду, поставив кошелку сзади себя.

Вспоминая былую встречу, он вперил свой взор в то место тропы впереди себя, где тогда стоял хищник.

Что это, наваждение или бред старческого воображения?!

На том же месте темнеет огромная фигура тигра.

Только размеры ее как будто больше.

Зверь стоял на тропе и смотрел пристально на старого зверолова.

Жутко стало Тун-Ли от этого тяжелого, пронизывающего взгляда. По спине его пробежал холодок, и старческие руки дрогнули.

Но не дрогнуло старое, закаленное жителейскими бурями сердце его.

Убедившись, что это действительность, а не галлюцинация, Тун-Ли встал как ни в чем не бывало, подтянул ремни кошелки и, опираясь на длинную палку, двинулся вперед по тропе.

Не спуская глаз с тигра, стоявшего неподвижно на прежнем месте, зверолов приближался к нему смелым, решительным шагом.

Великий Ван (это был он) стоял неподвижно, как статуя, высеченная из мрамора, и даже хвост его не шевелился, вытянувшись как струна.

Взгляды человека и зверя встретились. Расстояние сокращалось.

Не допустив до себя Тун-Ли ближе чем на двадцать шагов, Ван медленно сошел с тропы и, грузно шагая по глубокому снегу, исчез в ближайших зарослях.

Человек и зверь поняли друг друга.

В памяти воскрес образ старого зверолова Тун-Ли, и впечатление это осталось навсегда.

Решительность и уверенность движений, несокрушимая воля, светившаяся в его взоре, импонировали царю тайги, и он пощадил старого ветерана, как и тогда, уступив ему дорогу.

Прошли звериные ночи, и Вана потянуло в родные места, в район Татудинзы.

Полный воспоминаний далекого прошлого из времена своего нежного беззаботного детства, он находился под очарованием этих сладостных грез, и картины былого как живые вставали перед ним.

Желая увидеть знакомые места, он обошел всю Татудинзу.

Побывал во всех ее пещерах, на старых лежках и в логовицах, и какое-то неиспытанное чувство закрдывалось в его закаленное, ожесточенное борьбой за существование сердце.

Он поселился в пещере, где родился и где протекали первые дни его жизни.

Все здесь оставалось по-старому, и ничто не изменилось за эти пятнадцать лет. Только как будто уменьшились размеры логовища, и огромное тело его едва помещалось под низкими каменными сводами.

Здесь, в районе Татудинзы и верховьев Хайлун-Хэ, ведя уединенный образ жизни, он остался на продолжительное время.

Летом, в жаркие душные ночи, он с наслаждением купался в холодных струях Хайлун-Хэ, ложился поперек реки, и быстрое течение несло его вниз, пока встречные камни и пороги не подхватывали грузное

тело и бурные волны не выкидывали его на низкий берег.

С годами Ван стал разборчив в пище, и его не удовлетворял однообразный стол, состоящий из мяса кабанов и коз. Он искал разнообразия как истый гастроном, стараясь раздобыть лакомые и пикантные блюда среди представителей самых разнообразных отрядов животного царства.

Так, он с увлечением, достойным иного применения, просиживал на берегу реки, подкарауливая быструю форель и жирную таймень, подхватывая их лапой и выбрасывая на берег.

Неуклюжие черепахи, греющиеся под лучами горячего солнца в прибрежном песке, также становились его добычей.

Жирные, отъевшиеся на бобовых полях фазаны не были гарантированы от его когтей. Выслеживая их на лежаках, он сгонял птицу, которая спасалась от него бегством; хищник, делая большой круг, заходил ей на встречу, и фазан взлетал; не давая ему набрать высоту, поднявшись на задние лапы, тигр хватал когтями птицу на лету.

Время летело незаметно. Промелькнули своей неизменной чередой лето и осень.

В середине октября выпал снег, и зимоспящие обитатели тайги спешили занять свои зимние квартиры.

Опоздавшие с этим делом медведи бродили по лесам, осматривая берлоги, и брали те, которые попадутся, так как разбирать было некогда.

Ван, увидев однажды на снегу свежие следы молодого медведя, пошел его скрадывать, но хитрый мишка, подозревая недоброе, решил залечь в берлогу, в дупле ближайшего тополя, но чтобы не дать туда следа, повернулся задом и задом же пошел к тополю, предварительно спутав свои следы петлями.

Хищник, идя по горячим следам мишки, остановился в недоумении, видя его обратный след. Пока он распутал все его мудреные петли и догадался, что

простачок, таежный увалень, его перехитрил, добыча ушла от него в безопасное убежище и спокойно улеглась в своей квартире, расположенной в бельэтаже векового тополя.

По следам хищника дошел до самого дерева. Мишка услышал его шаги и высунул из дупла свою лобастую голову.

Что сказал тогда Вану таежный комик Топтыгин, осталось тайной между ними, так как случайно не было никаких свидетелей, а лесные кумушки отсутствовали. Тайга тихо шумела, напевая свою печальную осеннюю песню.

XXV. РВАНОЕ УХО

На солнопеках, поросших редкими дубняками, царило большое оживление. Сюда перекочевало многочисленное стадо кабанов, спасаясь от преследования полосатых хищников.

Много поросят и молодых свиней выхвачено из стада. Много питомцев недосчитывает старый вожак, Рваное Ухо. Трудно ему одному справиться с большим, непокорным, разновозрастным обществом. Везде он должен поспеть вовремя, всюду нужен свой глаз, ведь беда грозит со всех сторон. Много врагов у добродушных чадолюбивых толстокожих. Всякий старается полакомиться свининкой! Нелегкая задача выпала на долю старого кабана! Тяжкие пришли времена! А тут еще свои же мешают ему охранять спокойствие стада. Молодые кабаны, достигшие полного роста, чувствуя свою силу, задирают его, старика, и отказываются ему подчиняться! Пора бы уж уйти ему на покой и поселиться где-нибудь в уединенном глухом распадке, погодальше от житейских бурь и треволнений. Несколько раз уж порывался старый вожак уйти от стада и даже поселился от него отдельно на соседнем хребте, но каждый раз осиротевшее стадо, предводимое староко бездептною свиньей, находило его, и сердце старого во-

ждя таяло и смягчалось, и снова становился он во главе родного стада.

Так проходили дни и беспокойные ночи, и кабан Рваное Ухо, изнемогая от усталости, водил свою хрюкающую ораву по горам и лесам и охранял ее от всяких нападений.

Яркое зимнее солнце перевалило за полдень.

Белая искристая пелена снега горела под его горячими лучами и слепила глаза.

По склону хребта разбрелось все стадо и отдохнуло, нежась под живительными лучами. После сытного обеда из жирных желудей крепкий сон одолел толстокожих.

Взрослые кабаны и свиньи, устроив себе логова из ветвей орешника и дуба, лежали на боку, похрюкивая во сне, испытывая блаженство безмятежного отдыха и покоя.

Они были уверены, что старый вожак, патриарх стада, не спит и зорко смотрит по сторонам, готовый подать сигнал тревоги при малейшей опасности. Невозмутимая тишина нарушилась только изредка визгом поросся, устраивавших свои неугомонные игры и беготню возле матерей, спавших на своих таежных туфлях безмятежным сном.

Рваное Ухо долго жил на белом свете и знает по опыту, что мирная тишина эта чревата опасностями.

Доверять ей нельзя! Надо принять меры предосторожности и стать против врага!

Длинное рыло вожака вытянулось, и широкие ноздри его втянули струю воздуха.

Опасности нет, но среди других запахов леса он почул какой-то подозрительный, едва уловимый запах хищного зверя. В нем ощущались признаки разлагающейся крови и аммиака – это запах, присущий всем хищникам кошачьей породы.

Старый кабан отлично разбирался во всех этих запахах и для проверки своих ощущений отправился в ту сторону, откуда тянуло враждебным духом.

Выйдя на бугор, откуда открывался широкий кругозор на склоны обоих хребтов и на всю падь, Рваное Ухо стал прислушиваться. Одно ухо у него висело клочьями, и он плохо им слышал, но другое делало двойную работу и улавливало малейший звук.

Услышав крик сорок и соек, вожак решил, что опасность близка, а потому он поднял стадо на ноги, издав условный сигнал тревоги.

Громко фыркая и топая ногами, он давал знать всему стаду, что надо приготовиться, как бы говоря: «Будь готов!».

Все толстокожие замерли в ожидании; даже беззаботные пороссята застыли в тех позах, в каких застал их сигнал тревоги.

Все знали, что старый вожак не ошибается, что опасность действительна; но никто не знал степень опасности и откуда она грозит. Стадо доверяло своему вожаку и ожидало его распоряжений.

Прошло несколько томительных мгновений.

Рваное Ухо уловил подозрительный шорох и шелест дубовых кустов и вперил туда свой взор.

Там в кустах, извиваясь как змеи, ползли две темно-бурые длинные фигуры, направляясь к крайней свинье с пороссятами. До них оставалось еще шагов сорок. Это были молодые тигры.

Медлить нельзя. Надо действовать.

В морозном воздухе раздался второй сигнал тревоги, и все стадо как один сорвалось с места и ринулось в сторону, вверх по косогору, на хребет.

Как по мановению волшебного жезла исчезло все стадо. Не прошло и двух секунд, как на месте лежек не осталось ни одного толстокожего, только Рваное Ухо, отступая последним, медленно и с достоинством шел за своим стадом, по временам останавливалась и оглядываясь назад, где остались неудачливые охотники, молодая чета тигров, неопытных в охоте на кабанов, предводительствуемых старым вожаком.

Убедясь, что кабаны ушли, тигры вышли из своей засады и обошли лежки, еще теплые и пахнущие ускользнувшей добычей. Вид у хищников был смущенный, они старались не смотреть друг на друга, скрывая досаду и нервно поводя длинными пушистыми хвостами.

По кустам и деревьям перепархивали болтливые сороки и трещали на своем тарабарском языке без умолку.

Они издевались над неопытностью молодых хищников, не оправдавших их надежд и лишивших их вкусного обеда из жирной и сочной свининки.

Зная, что тигры никогда не преследуют ускользнувшую добычу, Рваное Ухо спокойно и не спеша шел за своим стадом.

Перевалив два хребта, стадо остановилось и стало ждать своего вожака.

Наконец он появился, приветствуемый взрослыми свиньями, выражавшими ему благодарность довольным хрюканьем и помахиванием коротких хвостиков.

Взрослые кабаны также были довольны своим вожаком, но выражали это по-своему, не теряя достоинства, с важностью будущих предводителей стад.

Беззаботные пороссята забыли уже минувшую опасность и легкомысленно резвились, бегая взапуски и толкая взрослых в бока, за что получали изрядные пинки и колотушки.

Приближалось время вечерней кормежки.

Рваное Ухо знал наизусть все угодья с кормами и повел свое стадо в далекие дубняки, в верховья Хамихеры, где, по его соображениям, было много желудей и орехов.

Во время передвижения стадо держалось плотной массой, причем посередине находились свиньи с порослями, а по бокам взрослые кабаны.

Впереди всех шел вожак, следом за ним – старые бездетные свиньи.

Сзади, в арьергарде, шла бабушка стада, старая престарая свинья, для охраны тыла. В ее обязанности входило поддерживать порядок и подгонять отставших.

При движении на определенную кормежку стадо по пути нигде не задерживается и идет безостановочно.

Переходы эти иногда совершаются на десятки километров, и тогда бабушке приходится много работать и понуждать упрямых не отставать от стада.

Вечерело. Солнце стояло низко, бросая свои багровые лучи на склоны гор.

Стадо приближалось к опушке кедровника. Дальше шли дубняки, где Рваное Ухо надеялся найти обильную пищу.

Но прежде чем стадо высыпало на открытые дубняки, вожак остановил его, а сам отправился вперед, исследовать местность.

Обойдя весь склон хребта и убедившись, что желуди имеются в изобилии под каждым деревом и опасность не угрожает ни с какой стороны, Рваное Ухо вернулся к стаду и вывел его на солнопеки пологого хребта.

Здесь толстокожие опять разбрелись по всему склону, и каждая семья устроилась по-своему, избрав себе отдельное дерево, под которым немедленно же появилась свежая постель из хвороста и ветвей орешника.

На такой постели каждая мать могла отдыхать, лежа со всеми своими порослями.

По обыкновению вожак бдительно охранял стадо и время от времени обходил дозором все окрестности, прислушиваясь чутким ухом к звукам, доносившимся из тайги, и втягивая морозный воздух в свои горячие широкие ноздри.

Ночь прошла спокойно. Утром, чуть свет показался на восточной стороне небосклона, Рваное Ухо был уже на ногах и занялся своим ответственным делом.

Первые лучи яркого солнца, вырвавшиеся из-за скалистого гребня Лао-Э-Лина, осветили мирную картину многочисленного стада кабанов, жиравших на склоне горы.

На пелене девственного снега темнели пятнами взрослые животные, а между ними мелькали черные точки – это неугомонные пороссята устраивали свои игры и ревились, не чувствуя новую беду, нависшую над ними грозною тучей.

С трех сторон окружили охотники стадо.

На гребне хребта залегли стрелки, а по бокам расположились другие с собаками.

Медленно, но неотступно следовали они за кабанами и наконец окружили их кольцом.

Ждали наступления дня.

Рваное Ухо заметил опасность слишком поздно. Он подал сигнал тревоги тогда, когда одна из нетерпеливых собак вырвалась из рук охотника и облазила кабанов.

После тревоги кабаны насторожились.

Спущеные с привязей собаки ринулись в середину стада, и пошла потеха...

Лай собак, визг пороссят, хрюканье свиней и злобное фырканье кабанов вместе с частыми выстрелами из винтовок огласили невозмутимую тишину лесов и наполнили ее необычными звуками.

На месте побоища ничего нельзя было разобрать. Тела собак и кабанов свивались клубками, снег взывался кверху как в вихре.

Пороссята шныряли между ногами взрослых и падали под пулями охотников.

Взрослые кабаны-секачи, отбиваясь от наседавших собак, подбрасывали последних в воздух своими страшными клыками и топтали павших острыми копытами. Рваное Ухо послевал везде, где помочь его была необходима, и немало собак вспорол своим изогнутыми желтыми клыками.

Битва продолжалась недолго. Через четверть часа на поле брани, залитом кровью, осталось пять мертвых кабанов и свиней и десятка полтора пороссят. Тут же лежали на снегу мертвые собаки с выпущенными внутренностями.

Помятые и изуродованные псы жалобно скулили, зализывая свои зияющие кровоточащие раны.

Рваное Ухо увел свое стадо к северу, на гору Кокуй-Шань, причем пришлось ему первому прорвать цепь охотников, залегших за закрытиями на самом гребне хребта.

По счастливой случайности, он не был ранен, но многие из стада получили ранения более или менее серьезные.

Уцелевшие собаки преследовали стадо, и дружный лай их слышался еще долго, пока звуки отдельных голосов не замерли в глубине тайги.

Охотники обходили поле сражения и ножами привозили раненых, для чего нож быстро вгонялся под оплатку. Раненый кабан ложился покорно на бок и испускал дух, причем окровавленный язык закусывался зубами.

Двух раненых собак также пришлось добить, так как выпущенные из брюшины кишки были втоптаны в грязный снег и спасти их было невозможно.

Из двадцати собак погибло восемь. Ранены же были все поголовно. Кабаны и свиньи защищались храбро и отчаянно и дорого продавали свою жизнь.

Застигнутые врасплох, они могли бы уйти, подвергаясь только выстрелам охотников, но их удерживало от бегства чадолюбие. Они защищали своих детей и гибли, падая на их трупы.

Рваное Ухо также мог уйти благополучно, но чувство ответственности перед стадом заставило его вступить в бой и рисковать своей жизнью.

Охотников было пять человек. Они пришли с поста лесной концессии.

Счастливые и довольные, раскуривая трубки-носогрейки, они занялись потрошением убитого зверя.

В ясном морозном воздухе раздавались их веселые звучные голоса, и эхо вторило им в ближайшей скалистой россыпи и в глубине далекого ущелья.

На ходу, во время бегства, кабаны перестраивались в боевой порядок. Под угрозой наседающих собак взрослые кабаны стали по бокам стада, угрожая им своими бивнями.

Собаки, видя, что им не справиться одним без человека, постепенно отстали от стада и вернулись к своим хозяевам.

Рваное Ухо шел впереди стада, и неотвязная дума сверлила как штопором его старую голову.

Он сознавал, что ответственность перед стадом слишком велика и ему не справиться с обязанностями вожака. Пора уходить на покой.

С этими мыслями он привел своих одноплеменников на южные склоны горы, где они расположились в чаще орешника, скрывавшего их от взоров хищников.

В течение последующих дней вожак заметил, что отношение к нему кабанов и свиней изменилось.

Прежнего послушания и покорности как не бывало; даже молодые свиньи перестали уступать ему дорогу, а поросыта толкали его в бока самым непочтительным образом.

Однажды молодой секач с огромными белыми клыками улегся на его постели из мягких и душистых веток ели.

Рваное Ухо, возмущенный поведением молодого нахала, вздумал было его проучить, но получил такой отпор, что должен был уступить.

Он покинул стадо ночью, когда все спали, и удалился к югу, в западные отроги главного хребта, где бродил когда-то с матерью, будучи молодым по-росенком.

Двое суток пути отделяло его от стада, и он был уверен, что теперь его оставят в покое доживать свой век в одиночестве, вдали от суеты и треволнений. Он поселился в пещере на высоком горном перевале, откуда открывался обширный кругозор на зеленое бережное море дикого Шу-Хая.

XXVI. ЗАКОН ТАЙГИ

Горы и леса застыли под ледяным дыханием северного циклона, набросившего на них белый саван стаухи зимы.

Зверовой промысел был в самом разгаре.

Пушная страда началась.

В убогих фанзах, в зимовых, на таежных тропах шла интенсивная работа. Настороживались ловушки, слопцы и пасти, ставились западни и петли.

Шкурки добытых пушных зверей тщательно просушивались и складывались в особых хранилищах внутри фанз и в дуплах деревьев, где находились специальные тайники — таежные сейфы.

Хотя суровый закон тайги и не допускает воровства пушнины, все же драгоценные шкурки тщательно предохраняются, не столько от лихого человека, сколько от мелких лесных воришек — мышей, полевок и землероек.

Закон тайги — самый древний из всех юридических установлений человека. Это неписаный кодекс, ведущий свое начало от древнейших времен младенчества рода человеческого, когда борьба за существование зависела от наличия физической силы и право на жизнь покупалось дорогой ценой.

Это право, выработанное дикой первобытной природой, сохранилось как пережиток до настоящих дней в странах, где уцелели еще девственные леса и степи, где человек поставлен в самые примитивные условия существования.

С течением времени это право обратилось в обычное право и приобрело внешние формы закона, фиксируемого самой жизнью, обстоятельствами и местными условиями.

Это право безжалостно, как сама природа, и чуждо послаблений и сентиментальности.

Гуманные начала в нем отсутствуют, и справедливость чрезвычайно прямолинейна.

Руководящий догмат этого закона – «око за око и зуб за зуб».

Согласно этому закону, воровство пушнины наказывается смертью.

Обойти этот закон нельзя, и виновный не может избежать своей участи даже в том случае, если он обратится к защите законов государственных.

Карающая, беспощадная рука таежной Немезиды в конце концов найдет его, и обычное право дикой пустыни восторжествует.

Закон этот непреложен и сохраняется во всей чистоте в глубине дикой тайги.

В фанзе старого Тун-Ли необычно многолюдно.

На кане с длиными трубками в зубах восседают, поджав под себя ноги, старшины звероловных участков. Их пять человек вместе с Тун-Ли.

Судя по глубоким морщинам и пергаментной бронзовой коже их рук и лиц, они достигли возраста, который дает право на авторитет и уважение.

На полу у каны на коленях – молодой китайец. Руки его связаны в локтях. Судя по одежде, это рабочий. Выражение его лица тупо и, по-видимому, равнодушно.

Тут же, на земляном полу, сидят на корточках еще пять человек. Кто курит, кто внимательно слушает.

Это таежный суд. Старшины – судьи. Связанный человек – обвиняемый в краже двух собольих шкурок у своего хозяина-зверолова, сидящего здесь же, на полу.

Остальные – конвой и исполнители постановлений суда.

Тусклый свет зимнего дня сквозь промасленную бумагу маленького оконца бросал неясные блики на черную внутренность фанзы и на таинственные и мрачные фигуры таежного судилища.

Тун-Ли был избран старшиной.

«Перед нами Сун-Фа! – произнес он, обращаясь к судьям, – он украл у своего хозяина, почтенного зверолова Фа-Лина, две соболиные шкурки».

«Сун-Фа! Правдивы мои слова или нет?» – обратился он к обвиняемому.

«Да! Это правда, – еле слышно произнес Сун-Фа, – но меня побудила к этому нужда: продав шкурки, я накормил бы мою умирающую мать!».

«Это нас не касается, – возразил Тун-Ли. – Ты совершил тяжчайшее преступление, ты украл! Для спасения матери от голода ты мог бы взять только одну шкурку».

Сун-Фа молчал, и бескровные губы его о чем-то шептали.

«Теперь приступим к голосованию», – обратился он в сторону судей, по-видимому, безучастных ко всему происходящему.

С этими словами Тун-Ли поставил перед ними жестянку из-под консервов и раздал каждому по два боба, черному и белому, в том числе и себе.

«Сун-Фа сознался! – продолжал старик, – теперь решим вопрос, заслуживает ли он наказания или нет?».

«Белый боб – смерть, черный боб – жизнь. Бросайте бобы в жестянку!» – сказав это, Тун-Ли обошел всех судей с жестянкой, и каждый бросил свой боб.

Звуки падающих зверей как удары молота были по голове Сун-Фа.

Бросив в жестянку черный боб, Тун-Ли высыпал содержимое на циновку каны.

Все головы с любопытством потянулись смотреть результаты голосования.

На циновке лежало четыре белых боба и один черный.

Участь обвиняемого была решена.

Ни слова не говоря, Тун-Ли собрал бобы и поставил жестянку на полку. Все встали, и старый зверолов, обращаясь к Сун-Фа, произнес: «Ты осужден на смерть. Летом тебя закопали бы живым в землю, но теперь зима, и мороз сковал землю».

Взамен этого ты будешь отдан Великому Вану, который требует человеческую жертву. Если Ван пощадит тебя — твое счастье. Пусть он решит твою участь».

Сун-Фа, по-видимому, был готов ко всему и равнодушно выслушал приговор. Ни один мускул его темного лица не дрогнул.

По существующему обычаю, осужденному на смерть предложили изысканный обед из мясных пельменей и неограниченное количество горячей водки (ханшина).

Совершенно опьяневшего Сун-Фа уложили на кан и заставили его выкурить несколько шариков опиума, от чего несчастный совершенно ошелел и впал в полу-сознательное состояние.

Часа через два после суда Сун-Фа вывели по тропе на перевал Цун-Лин, где проходит битая тигровая тропа, по которой ежедневно бродят хищники, совершая свои охотниччьи экскурсии.

На самом водоразделе перевала растет старый кедр гигантских размеров. Гордая вершина его, вздымаясь к небу, темнеет над мелко лесной порослью.

Ни бури, ни весенние циклоны не одолели этого таежного богатыря растительного царства, и он стоит одиноко в горной пустыне, цепляясь своими могучими корнями в трещинах гранитных утесов.

К этому богатырю крепко прикрепили веревками Сун-Фа.

Чтобы он не замерз, на него надели теплую ватную кофту и шаровары, а на голову — меховую шапку.

Под действием наркотиков он находился в возбужденном состоянии. Постоянно жестикуировал, пел песни, громко молился Горному Духу.

Затуманенный взор его по временам вспыхивал огнем, и он видел образы своих родных и предков, пришедших навестить его и утешить в смертный час.

Солнце спряталось уже за лесистыми отрогами Лао-Э-Лина. В тайге леглиочные тени, и только белоснежная вершина Татудинзы, окрашенная червонным золотом заката, горела в синеве вечернего неба.

Торжественная тишина тайги нарушалась взглядаами и криками полоумного человека.

Но вот в чаще хрюстнула ветка, другая. Послышались шаги мягких лап по хрупкому снегу.

Из зарослей колючих аралий, перевитых виноградной лозой, скользнули две темные фигуры, длинные как змеи, и исчезли за снежным сугробом.

Наступила томительная тишина. Сун-Фа перестал кричать и прислушивался. Хищники, совершая свой обычный обход, издалека услышали странные звуки человеческого голоса и стали скрдывать.

Из зарослей им видна была поляна, на ней кедр и привязанный к нему человек.

Выяснив, в чем дело, тигры вышли один за другим из своей засады на поляну и остановились, уставив свои круглые светящиеся зрачки на темную фигуру человека.

При виде страшных палачей своих Сун-Фа прозрел, и сознательный взор его сосредоточился на темных неподвижных силуэтах зверей.

Что это? Галлюцинация или действительность? Бред больного воображения или олицетворенная смерть? Слабый мозг его начал мутиться.

Тупо и бессмыслиценно смотрел он перед собой и затянул заунывную, печальную песню смерти.

Монотонные, однообразные звуки этой песни раздавались в ночной тишине и плыли в глубину горных дебрей.

Впереди, ближе к кедру, стояла молодая тигрица, за нею возвышалась гигантская фигура Вана.

Звери стояли в недоумении, прислушиваясь к непонятным звукам. Концы хвостов их извивались и нервно подергивались.

Наконец первым пришел в себя Ван. Он обошел свою подругу и приблизился к кедру.

Безумный взор Сун-Фа встретился в упор с диким огненным взором зверя. Они долго смотрели друг на друга, пока не подошла сзади тигрица. Тогда Ван обернулся к ней и сказал ей что-то на своем зверином языке.

Обнюхав голову и руки Сун-Фа, тигрица зарычала, почуяв кровь и горячее мясо. Одним ударом своей тяжелой лапы она заставила человека умолкнуть. Меховая шапка слетела с его головы.

Вторым ударом по голому черепу она обнажила мозг на затылке. Из вскрытых артерий хлынула фонтан кровь.

Не прошло и четверти часа, как от человека остались только одни окровавленные клочки мяса, костей и сухожилий. Опьяневшие от крови, хищники срывали с веревок куски тела и тут же их пожирали, громко мурлыча и чавкая своими сильными челюстями.

Насытившись и приведя в порядок свои роскошные меховые шубы, тигры двинулись дальше по тропе и скрылись в ближайших каменных россыпях, заросших аралиями и лианами.

На месте казни под вековым кедром валялись на окровавленном снегу ватные тряпки, меховая шапка и обрывки веревок, связывавших преступника. Вот все, что осталось от злосчастного Сун-Фа.

Таежное правосудие торжествовало.

Великий Ван был судьей и исполнителем древнего закона пустыни. Снова наступила торжественная тишина.

Издалека доносился рев молодого тигра. Наступали «звериные ночи». Вскоре к печальным остаткам та-

ежной драмы, привлеченные острым запахом крови, подошли красные волки.

XXVII. ВЕЛИКИЙ СТАРИК

Весной, когда зацвели по склонам гор душистые ландыш и закувала кукушка, на месте том появились цветы красного мака.

Старый Тун-Ли возвратился из Нингуты в свои родные леса в поисках золотого песка и драгоценного корня женщины.

На высоком перевале Цун-Лин, под сенью векового кедра, виднеется его согбенная годами фигура. Он пришел сюда собирать цветы мака, выросшего на крови погибшего Сун-Фа. Эти цветы целебны, и старый зверолов тщательно срывает их, завертывает в бумажку и прячет за пазуху. Он знает, что целебная сила их велика и помогает от душевного расстройства и меланхолии.

Тун-Ли великий врач и знахарь. Ему известны многие тайны природы. Сам Ван, Великий Ван, при встречах уступает ему дорогу.

Собрав все цветы красного мака, росшие здесь, Тун-Ли сходил в каменные россыпи, находящиеся поблизости и принес оттуда большой камень, осколок гранита.

Положив его у ствола старого кедра, где казнен был Сун-Фа, он повесил на ветвях лоскутки его одежды, уцелевшие от времени и непогод. Затем, сделав ножом затеску на коре, он написал тушью следующее:

«Здесь умер Сун-Фа. Великий Ван решил так! Прожожий! Остановись и положи свой камень. Да хранит тебя Горный Дух в пути твоем».

Стал на колени и, прикрепив зажженную курительную свечу к камню, долго молился и воздевал руки к небу. Мягкий весенний вечер благоухал цветами черемухи и диких яблонь.

Гранитный купол Татудинзы курился облаками. Тихо было в тайге. Не шелохнет трава, не дрогнет лист.

Не успел старый зверолов встать с колен, как в тишине наступающего вечера с вершины кедра раздался крик таинственной птицы Цяор.

Тун-Ли вздрогнул и, быстро поднявшись на ноги, отошел немного в сторону.

После вторичного крика птицы, напоминающего звук флейты, старый зверолов обратил свой взор на вершину кедра и громко проговорил:

«Сун-Фа! Я здесь стою, и слезы сожаления льются из глаз моих. Я положил первый камень на место страдания и скорби. Память о тебе сохранится в Шу-Хае. Не печалься, мать твоя сыта и здоровья и обеспечена кровом. Могилы предков твоих тихи и спокойны».

После третьего крика Тун-Ли замолчал и стал прислушиваться.

Минут через пять где-то в отдалении снова раздался крик этой птицы и повторился три раза. Затем все смолкло, и прежняя тишина не нарушилась ни одним звуком.

«Это не птица, – подумал старый зверолов, – это бедная душа Сун-Фа, она летает по лесам и криком своим завлекает одиноких путников в глубину тайги, к Великому Вану. Она зовет брата своего, заблудившегося в горах Шу-Хая в поисках драгоценного корня жизни».

По поверью обитателей тайги, таинственная птица Цяор является весною неизменной спутницей Вана и сопровождает его во всех его странствованиях по лесам.

Души погибших в лесах людей вселяются в тело птицы и летают по вершинам деревьев. Звуки их громкого голоса похожи на звуки флейты и бывают слышны на далекое расстояние.

В науке птица эта еще не известна. Очевидно, прилетает она сюда раннею весной.

Увидеть ее очень трудно, так как она крайне осторожна и не подпускает к себе человека. Держится на вершинах высочайших деревьев тайги.

Тун-Ли промышлял только пушного зверя; мясной зверь его не интересовал.

Благодаря его знаниям и опытности к нему часто обращались местные охотники за советом и помощью. Он пользовался заслуженным авторитетом по всему обширному Шу-Хаю, и слава о нем как о Великом Старике распространялась от берегов Амура до границ Кореи.

В его убогую фанзу у подножья Татудинзы шли решать тяжбы и споры не только местные звероловы и охотники, но и лица различных званий и профессий.

Он предсказывал судьбу и считался колдуном и чародеем.

Никто лучше его не мог заварить панты, то есть молодые, не окостеневшие рога оленя и изюбра.

Никто не находил таких ценных корешков жень-шеня, как старый девяностолетний Тун-Ли.

Он знал все горы и леса Шу-Хая, как свои пять пальцев. По словам обитателей тайги, он видел всю землю на большую глубину. Золото, металлы и драгоценные камни не были скрыты от его острого проницательного взора.

Он мог бы быть богат, очень богат, но к этому не стремился Великий Старик. Небольшое количество золота, добываемое им в верховых рек Хайлунхэ и Муданьцзяна, употреблял он на благотворительные цели и добрые дела. Так, он обеспечил бедную вдову, мать казненного Сун-Фа, купив ей в Нингуте участок земли с фанзой. Все звери и птицы Шу-Хая подчиняются ему и послушны его воле. Он повелевает змеями. Даже самые ядовитые из них покорно склоняют перед ним свою грозную голову и лижут языком его руки.

В древней фанзе старика с незапамятных времен живет большая змея из породы полозов. Длина ее не менее трех метров. Говорят, что в этой змее поселилась

душа одного из предков старика и что сам старик насчитывает ей более двухсот лет.

Молодые звероловы и охотники не только уважали и чтили Великого Старика, но и боялись взгляда его строгих немигающих глаз. Они были уверены, что взглядом этим можно умертвить человека.

Сам Великий Ван, воплощение Горного Духа, по словам тех же охотников, ежегодно, в одну из звериных ночей, приходит к фанзе Тун-Ли и ведет со стариком беседы. Могуч и крепок как столетний дуб старый таежник. Голый череп его и бронзовое лицо изрыты морщинами как кора кедра.

На груди его висит неведомый амулет, зашитый в замшу. Левая рука стянута деревянным браслетом тончайшей работы. Одевается он всегда легко – и зимою, и летом.

На ногах неизменные улы из кожи дикого кабана. Длинная сучковатая палка желтой жимолости сопутствует ему всюду.

В лесной фанзе его, приютившейся на живописном берегу горной речки, случайный путник всегда находит радушный прием и гостеприимство.

Дальнейший путь его обеспечивается пищей на несколько дней и добрыми полезными советами.

Двуногие хищники тайги, хунхузы, относятся к нему с должным почтением и отчасти с боязнью, зная могущество Великого Старика, его авторитет и влияние.

Бывали случаи, когда разбойники возвращали заложников и все награбленное по одному его слову.

Таков был Тун-Ли.

ХVIII. НА ПОСТУ

Совершая обходы своих владений Шу-Хая, Ван останавливался иногда надолго в тех местах, где он находил обильную пищу.

Вследствие вырубки лесов, в особенности кедровников, стада кабанов значительно уменьшились по количеству и кочевали по всему пространству Шу-Хая в поисках корма.

Следуя за таким стадом, состоящим из сорока голов, зимою Ван снова появился в районе горы Кокуй-Шань, в пределах лесных концессий.

Весть об этом моментально облетела тайгу басейна Хамихеры.

Звероловы, охотники и дровосеки знали уже об этом событии и втихомолку передавали друг другу слухи о настроении Повелителя лесов, о его намерениях и поведении.

Распространению этих слухов способствовали в значительной мере таежные кумушки, оглашившие своим несносным криком звероловные тропы, проезжие дороги и подъездные пути концессии.

Все шло мирно и тихо, пока какая-то сплетница-сорока не принесла на своем длинном хвосте, который уже успел отрасти, удивительную новость.

Она рассказала своим подругам под большим секретом, что Ван объявил войну пришельцам и что перед этим Царь тайги виделся с Великим Стариком.

Конечно, благородные люди и другие старожилы Шу-Хая не придавали значения этим басням и не верили слухам, исходящим из такого ненадежного источника.

Но все же разговоры шли и слухи не умолкали.

Дошли они и до виновников этих событий, до самых пришельцев.

Смеясь и николько не скрывая, передавали они друг другу новости и слухи, идущие от знакомых китайцев.

Все это их забавляло, придавая особую остроту и нервный подъем их монотонной, лишенной отвлеченных интересов жизни.

Отпраздновали Рождество и Новый год.

Работы на концессии возобновились. Спешили вывезти из тайги заготовленный материал древесины, пользуясь обильным снегопадом.

Старая тайга стонала и скрипела от криков возчиков, от хлопанья бичей, от скрипа полозьев, от ржания мулов и лошадей.

От зари до зари кипела и бурлила лесная концессия. Только темная таежная ночь набрасывала на нее свой звездный полог тишины и молчания.

Настали опять звериные ночи.

В тесных бараках дровосеков, в фанзах звероловов и охотников прислушивались к реву зверей и отдаленным раскатам грома.

«Это Ван, Великий Ван подает свой голос!» – шептали робкие таежные жители, прижимаясь друг к другу и закутываясь с головой в грязное ватное одеяло.

Нежные, кроткие косули от ужаса выбегали из тайги на лесные вырубки и поляны, теснясь к поселению человека ища у него защиты.

Собаки, идущие на волков и медведей, поджимали свои пущистые хвосты и прятались где попало, боясь подать голос и открыть свое присутствие.

Кабаны и изюбры, затаив дыхание, не смели пошевелиться на своих лежжах и ждали спасительного рассвета.

Даже заспанный мишка переворачивался на другой бок в своей теплой берлоге и зажимал ухо лапой, ворча себе под нос и что-то приговаривая.

Только одни пришельцы были спокойны и не обнаруживали никакой тревоги.

Слушая в долгие зимние ночи отдаленные голоса хищников, они шутили и смеялись над суевериями обитателей тайги.

На посту тридцатого километра ветки, у подошвы горы Кокуй-Шань, в долгие зимние вечера идут бесконечные разговоры на те же темы, хотя прежних людей уже нет, их сменили другие.

По-прежнему яркий свет лампы-молнии освещает большую казарму, деревянные койки у стен, высокую пирамиду с винтовками и железную печку посреди комнаты с кипящим на ней жестяным чайником.

У простого деревянного стола и по койкам расположились люди.

Все было так, как и год тому назад.

В мире ничего не ново, все повторяется, меняется только внешность, а суть остается та же.

За окном темная таежная ночь. Сквозь кружевные узоры замерзших стекол сверкают искрятся звезды.

Из глубины тайги доносятся неясные рокочущие звуки, то слабые и хрипящие, то могучие, как раскаты грома.

Внимание и слух присутствующих сосредоточены на этих звуках, и разговоры о появлении хищников возбуждают нервы.

«Слышите, братцы! – произнес один из солдат с винтовкой в руках, собираясь сменить наружного часового. – А ведь это никак сам Ван пожаловал к нам собственной персоной! Это его голос слышен в той стороне горы! Ах, язви его! Как знатно ревет! Что твой гром! Попадись-ка ему теперь в лапы – не помилует! Недаром Архипов убег с часов в помещение, так напугался, сердяга! Ну как, Архипов, до сей поры дрожат еще поджилки?» – обратился он к лежащему на койке солдату, бледному и болезненному на вид человеку.

«Да я не испугался, – ответил тот, обводя всех присутствующих своими впалыми лихорадочными глазами, – а только что-то оборвалось у меня внутри после этого проклятого рева, и я не мог совладать с собой. Я не трус, вы это знаете, но нервы мои не выдерживают! Не хватает воли!».

«Нет, Архипов не трус, я это знаю! – возразил один из солдат, огромный детина, сушивший у печки свои мокрые портнянки. – В прошлом году мы вместе ходили на хунхузов! Если бы не он, проклятый хунхуз зарезал бы меня своим серпом! Нет, он герой! Только, конечно,

но, нервы его тонки и деликатны! Не то что у нашего брата-землероба! У нас этих самых нервов нет! Потому — мы от земли! Она, матушка, покажет тебе нервы в лучшем виде! Архипов славный парень, но, конечно, антилелегант! Куда ему супротив нас! Жила тонка и кишка не выдерживает!».

«А по-моему, Архипов хотя не трус, но распустил нюни, — заметил старший поста, отмечая карандашом дежурства в листе нарядов, — надо взять себя в руки, так нельзя! Этак всякий будет оправдываться нервами? Что такое нервы? Одно баловство и распутство, да!».

При этих словах старшего у Архипова показались на глазах слезы; он виновато посмотрел на окружающих и сел на койке. Губы его дрожали, нижняя челюсть стучала о верхнюю.

Взявшись худыми как костишки руками за края койки и вперив в лицо старшего свои черные расширенные зрачки, он произнес тихо, едва слышно, сдавленным голосом:

«Старший думает все же, что я трус! Хорошо, я докажу, что он ошибается!». Произнеся эти слова, Архипов повернулся, лег на койку лицом к стене и затих.

Видимо, разговор этот произвел на всех тяжелое впечатление. В наступившем молчании чувствовалась напряженность неловкого положения.

Желая разрядить напряженную атмосферу, старший встал из-за стола и, держа лист нарядов перед собой, произнес: «Наряд на завтра: часовыми — Иванов, Черных и Мельник! Подчасками — Долгой, Иванов и Бучило! — затем, не меняя тона, обратясь в сторону Архипова, проговорил: — Я не назвал тебя трусом, но советую взять себя в руки!».

Посмотрев на часы, показывавшие десять часов вечера, старший объявил, что пора тушить огни и ложиться спать.

Стрелка часов не дошла еще до половины одиннадцатого, как пост погрузился в полумрак и глубокий сон овладел его обитателями.

Не спали только часовой с подчаском, ходившие как маятники вдоль наружных стен поста, и бедный Архипов, получивший незаслуженную кличку «трутса».

Ему не спится. Он ворочается на своей скрипучей койке с боку на бок, усиленно дышит папиросой и думает.

Мысли его далеко отсюда, на берегах милой Волги, где родился он и где протекали годы его детства.

Затем вспомнил он свою юность, время обучения сапожному мастерству у дяди Потапыча. А там рекрутчина, служба и отправление на Дальний Восток, в Манчжурию. Убивалась мать, снаряжая сына на край света. Не чает она его возвращения. Причитала как за покойником.

«Здесь хорошо! Легко и свободно дышит грудь! Ди-кая бескрайняя тайга поет чудные песни! По окончании службы останься бы здесь, выписать матерь, завести хозяйство и начать новую жизнь! Да, хорошо здесь! Но я не трус! Я докажу им, что и у меня есть воля, есть стремления к красоте, как говорится в книжках, есть самолюбие.

Я докажу, что я такой же человек, как они, хотя жила моя тонка и коротка кишка! Завтра же пойду на охоту! Не терпится мне! Врут все китайцы про Вана! Пусть сам Ван, переван, чего его бояться? Обыкновенная скотина и больше ничего! Стреляю я без промаха, недаром имею значок за стрельбу. Бог не выдаст — свинья не съест! Но и смерть не страшит! Что такое смерть?

В книжках пишут одно, а на самом деле, кто знает? Эх, наплевать! Семи смертям не бывать, а одной не миновать! А что если убью Вана? Вот-то будет любо смотреть на рожу старшего! Лопнет от досады! Нет! Я покажу им, что я не трус!».

Так рассуждал сам с собой и мечтал, ворочаясь на жесткой постели, Архипов, пока под утро тревожный сон не смежил его уставшие очи.

На другой день сменившиеся часовые показывали, что в тайге, со стороны Кокуй-Шаня, слышались всю ночь какие-то крики, звон жестяночек, ржание лошадей, и во многих местах до самого рассвета горели костры.

Оказалось, что тигры бродили всю ночь возле бараков рабочих, задрали несколько собак и на самом дальнем участке концессии зарезали лошадь на коновязи, несмотря на усиленный шум, хлопанье ракет и выстрелы из ружей.

Вся концессия была встревожена нахальством хищников.

Старший поста выслал дозоры в тайгу для выяснения положения. Зарезав лошадь, тигры оттащили ее в чащу и там сожрали. Судя по следам, среди хищников был Ван. Так объясняли китайцы-рабочие, указывая на его огромные следы, видневшиеся на указанной лесной дороге.

Вследствие тревожного положения работы по вывозке леса начались с полудня, да и то некоторые рядчики отказались послать своих рабочих в дальние участки, прымкающие к самому Кокуй-Шаню.

Архипов был в одном из дозоров, обходивших дальние участки, и внимательно исследовал следы зверей в надежде увидеть следы Вана. Наконец у одного из бараков, где была убита лошадь, китайцы показали дозору следы царя тайги. Они были почти вдвое большие других следов и производили импонирующее впечатление даже на солдат дозора. Они измерили след, оказалось — полторы четверти.

«Ну, лапка! Нечего сказать! — воскликнул старший дозора, щупая рукою отпечатки ладони и пальцев зверя, — ежели такою десницею дать плюху, пожалуй, останешься доволен! Архипов, как ты думаешь, а?».

Архипов молчал, сосредоточенно о чем-то думал и нервно кусал свои тонкие губы.

Во взоре его светилась отвага и решимость, он был страшен в эту минуту, как человек, бросающийся в пропасть.

«Не трожь его, старшой, — говорили дозорные, — виши, его забрало за живое! Пусть отойдет, тогда сам посмеется!».

Но Архипов и не думал «отходить», он все так же был молчалив и угрюм, думая свою упорную как гвоздь думу.

К вечеру груженные лесом подводы и сани под охраной солдат поста вернулись из тайги без всяких приключений и происшествий. Но возчики предсказывали, что этим дело не окончится, так как хищники голодны и при том же теперь «звериные ночи», и сам Великий Ван обходит свои владения.

И действительно, на следующую ночь тигры задрали еще двух лошадей невдалеке от поста и умертвили китайца, поставленного с ружьем охранять лошадей у коновязей.

Это окончательно переполнило чашу терпения рабочих концессии, и они наотрез отказались выехать в лес на работу. Рабочих было около двух тысяч человек. Все они сидели по своим баракам, сосредоточенно курили и пили чай.

XXIX. НЕЗНАКОМЫЕ ПЕСНИ

На следующий день многочисленные дозоры солдат наводнили леса концессии. Выстрелами из винтовок и песнями людей хищники были отогнаны в глубь тайги.

К звукам выстрелов и хлопушек хищники уже пришли, но звуки песен впервые нарушили тишину дремучих лесов. Эти звуки, могучие и властные, гремели в отрогах Лао-Э-Лина, и далекое эхо вторило им, отражаясь многократно в падях и распадках Хамихеры.

К ним прислушивались обитатели дикого Шу-Хая, и грустные думы тревожили Великого Вана, стоявшего на выступе высокого утеса, венчавшего один из отрогов Кокуй-Шаня. Перед ним расстипалось бесконечное море лесов и скалистых сопок. Вековые кедры качали своими темными вершинами и шептали ему о прошлом и невозвратном, а внизу, у подножия гранитных гор, разливалась и ширилась незнакомая песня, заглушая тихую печальную песню дряхлой тайги.

Эти звуки наполняли бесконечные пространства дикой пустыни.

Великий Ван понял, что какая-то новая непреодолимая сила, уничтожая все на своем пути, движется вперед.

Он почувствовал в себе необычайный прилив гнева и, полный злобной ярости, направился вниз, к подошве Кокуй-Шаня, где звучали эти ненавистные недовольные песни.

Там, пробираясь по лесной тропке, шел дозор из трех солдат.

Их дружная тягучая песня, в такт медленных шагов, звенела в чаще кедровника и неслась в даль, замирая в глубине узкого ущелья.

Солдаты двигались гуськом, с винтовками за плечами.

Сзади всех шел Архипов.

Вспомнив, что давно не курил, он отстал от своих товарищей, закуривая на ходу трубку.

Теперь только он заметил, что над ним летают соколы.

Крики их раздавались в чаще и где-то в стороне, в полугоре небольшого хребта, на гребень которого вилась тропа. Не придавая значения этим крикам, неопытный в таежных делах охотник мало обращал на них внимания; между тем лесные кумушки стрекотали на все лады, стараясь предупредить хищника и дать ему знать, где находится добыча.

Они смотрели на человека как на будущую добычу Вана, который скрывался в ближайших зарослях и следил оттуда за всеми движениями Архипова.

Песня затихла. Ушедшие вперед солдаты остановились в ожидании подхода товарища.

Прошло минут пять. Ни звука в тайге.

«Куда запростился Андрей! (Архипова звали Андреем), – проговорил старший дозора, – уже не сцепал ли его Ван?».

«Ого! Ого! Андрей! Где ты?» – крикнул во все горло солдат, но вместе ответа раздался звук близкого винтовочного выстрела и гулко прокатился по тайге. Вслед за тем прогремел, как из пустой бочки рев зверя и все стихло. Даже сороки на время прекратили свою трескотню.

Первое мгновение ошеломленные солдаты стояли как вкопанные, но затем, сообразив в чем дело, сорвались с места, и с криками: «Скорей! Скорей!» – бросились назад по тропе, на ходу снимая винтовки и ставя курики на боевой взвод.

В это время Ван, подкарауливший свою жертву, бросился на нее сзади и подмял под себя.

Когда дозорные увидели хищника и под ним барахтающегося Архипова, стрелять было нельзя из опасения убить человека.

Вынув на всякий случай охотничьи ножи, солдаты быстро приближались к месту катастрофы. Слыша приближение людей и пораженный их бесстрашием и смелостью, Ван поднял голову и, забыв о поверженном враге, лежащем у его ног без движения, медленно отошел в сторону и остановился в зарослях. Отсюда он с любопытством рассматривал новых людей, не проявлявших перед ним страха. Его ум был смущен, и мозг трудно работал. Непреклонная воля его уступала какой-то другой воле, непостижимой и непонятной.

В трех шагах от тропы, весь засыпанный снегом, лежал Архипов. Грудь его вздымалась. Он тяжело дышал.

Освободив его от снега и вытащив на тропу, дозорные убедились, что он жив, но потерял сознание.

Шапки на голове его не было, но не было также и ран. Сняв с него полуушубок, изорванный в клочья на спине, и мундир с рубахой, они обнаружили зияющую рану на месте левой лопатки. Алая кровь струилась ручьем и стекала на снег.

Промыл кое-как снегом рану и перевязав ее туго остатками рубахи, они начали искать другие ранения, так как кровь сочилась из многих мест тела.

Осмотр обнаружил еще перелом ребер, левой руки в локте, левой ключицы и вывих левой голени. Многочисленные глубокие царапины и рваные раны от когтей зияли на спине, плечах и пояснице.

Через полчаса после усиленного оттирания снегом Архипов пришел в себя, глубоко вздохнул, осмотрелся и, не веря своим глазам, что он жив, спросил: «Где тигр?»

Но голос его был так слаб и положение так серьезно, что товарищи замахали на него руками, заставляя молчать.

Пока мастерили из жердей носилки, раненый в полузабытье все твердил: «Я доказал им, что не трус!». Через два часа раненого на дрезине отправили на станцию, а оттуда в больницу в Харбин, где он, находясь между жизнью и смертью, пролежал около полугода и вышел оттуда калекой, лишенным левой руки. Раны, наносимые тигром, чрезвычайно опасны по своим последствиям, так как серповидные когти его за грязнены остатками крови, которые, попадая в рану, нередко производят заражение сначала местное, а потом общее.

Кроме того, сама слюна тигра считается ядовитой. По выздоровлении Архипов рассказал, как было дело.

«Я был в дозоре, – повествовал он собравшимся вокруг него слушателям. – Мы шли по тропе и пели песни. Закурив трубку, я отстал от товарищей и оста-

новился. Вдруг слышу – сзади меня шорох кустов. Оглянулся и вижу: шагах в двадцати ползет на меня тигр. Огромный как лошадь. Я почувствовал, как сердце у меня упало. Задрожали ноги и руки. Но это был один только миг. Я видел перед собой смерть и понял, что необходимо стрелять. Вскидываю винтовку и не целясь стреляю. Одновременно слышу страшный рев, и что-то тяжелое навалилось на меня сбоку. Я упал в снег, лицом вниз, и чувствовал, как зверь рвал своими когтями мою спину. Не будь полуушубка – задрал бы насмерть. Потом я уже не помню, что было. Пришел в себя только в больнице. Я понимаю теперь, почему все звери боятся тигра! Один взгляд его желтых глаз может лишить сознания. Когда я тогда увидел этот взгляд на себе, мне большого усилия воли стоило поднять винтовку. Раньше я видел тигров в зверинце, в Москве, но зверь в клетке – это одно, а здесь на воле – другое. Здесь он хозяин, а не ты. Китайцы говорили, что это был Van, то есть начальник всех тигров. Кто их знает, врут они или нет, а только скажу, что я не хотел бы встретиться с ним вторично. Ну его к лешему! Один раз попробовал – и довольно! Я не бежал от него и доказал, что не трус! И хватит. Вот только жалко руки: хоть левая, а все же работница. Сапоги стачать не сумею. Но не беда! Займусь чем-нибудь, авось не пропаду!».

«Да! Дело такое! – рассуждали в толпе слушателей, – одно слово – тигра! Она тебя не помилует! Не то что наш брат, ведьмедь! Ей дюже смирен и добер. Не тронет! Не замай только его, а ен не повершил. Это наш зверь, русский! А тигра не наша, да и обличье у ее не наше!».

«Недаром у китайца она заместо бога! – говорили другие. – К примеру, у нас Николай Угодник, а у них Van! Видно, так уже положено! Каждому свое! Да, дела! Чего только на свете не бывает!».

XXX. О ЧЕМ ДУМАЛ ТУН-ЛИ

Полежав немного на мягкой кабаньей постели и отдохнув от пережитых впечатлений, Ван встал и медленно пошел в гору в поисках надежного убежища.

За ним неотступно следовали сороки, с целью узнать его дальнейшие намерения.

На самой вершине Кокуй-Шана он нашел уютное место под нависшую скалой. Здесь были старые лежки горалов, и пласти их помета покрывали гранитные плиты мягкой и теплой периной.

Здесь он лежал в течение недели, думая свою глубокую думу.

Отсюда, с вышины, он смотрел на мир, прислушиваясь к далеким звукам свистков паровоза и неясным отголоскам работ на лесной концессии.

В голове его никак не укладывались впечатления последних дней. Он не мог примириться с мыслью, что слабый человек может не только ему сопротивляться, но и побеждать.

С молоком матери он впитал в себя идею превосходства над всеми тварями, четвероногими и двуногими.

Голоса далеких предков говорили ему о том же и требовали крови, горячей крови.

Он горел мщением, и в глубоких круглых зрачках его вспыхивали зеленоватые огоньки.

Нападение тигра на дозор произвело потрясающее впечатление. Все только и говорили о том, что необходимо положить конец владычеству хищников и обезопасить концессию.

Хотя после этого случая тигры и были отогнаны за становой хребет Лао-Э-Лина, но не исключена была возможность повторения нападений.

Старый Тун-Ли слышал от звероловов о делах на концессии. Суровое лицо его было по-прежнему беспристрастно и загадочно.

Он добывал свою пушину, курил трубку и молчал. Соседи не были довольны этим молчанием. Они ожидали от него выражения радости по поводу происходящих событий, но молчаливый ответ Великого Старика не предвещал ничего хорошего. Радоваться было еще рано.

Великий змей, живший в его фанзе испокон веков, на днях умер. Горе старика было велико.

Он скжег его тело на алтаре кумирни, на перевале Цун-Лин, и пепел развеял по ветру.

Смерть змеи, по мнению Тун-Ли, также была заменительна. Великий Старик знал, что дни Шу-Хая сочтены.

Пройдет один, другой десяток лет – и от его прекрасных девственных лесов не останется ни одного пня. Исчезнет красота, свобода и воля.

Так думал старый таежник Тун-Ли.

Наступили праздники Нового года.

Работы на концессии прекратились.

Купцы, рядчики и рабочие, закончив свои личные, денежные, коммерческие и другие дела и получив расчет от contadorы, гуляли и веселились, то есть проводили время в праздности, ели и пили власть, курили табак и опиум, играли в карты и бачок, ходили в гости и опять курили. Днем и ночью раздавались треск, хлопанье и выстрелы ракет и хлопушек.

Звероловы и охотники кончали свои промыслы и уходили из тайги.

Солнце днем припекало по-весеннему, а ночью мороз сковывал всю природу своими железными клещами.

Лесная пустыня в предчувствии весны делала попытки освободиться от ледяных цепей суровой старухи зимы.

На солнопеках и лесных полянах, где снег стаял уже давно, покрывают дятлы, пищат синицы и стрекочут таежные кумушки – сойки и сороки.

«Слышали новость? – тараторили кумушки на все лады. – Наш Великий Ван ранен и лечится у старого Барсуга целебными травами.

Старый ворчун кабан с восточной Хамихеры задрал трех собак у русского охотника и ранил его самого. Потеха была смотреть, как охотник улепетывал от Ворчуна на дерево!».

«Это еще ничего! – перебила голубокрылая сойка по прозванию Рыхая. – А вот я вам расскажу, что пришельцы собираются взять нашего Вана живьем! Я сама видела все приборы и страшные инструменты, которыми ловят зверей! Кроме того, у них есть порошок, похожий на снег, одна крупинка порошка может убить не только любую из вас, но и самого большого зверя! Они закладывают эти пилюли с порошком в мясо. Тот, кто не знает, поест такого мяса с отправой и тут же протянет ноги!».

«Смотрите, будьте осторожны! Не доверяйте этим хитрецам! Не трогайте мяса, которое они вам предлагаю! Моя кума Красная Шубка, лисица из-под Галинцы, покушала таких пильюль и отдала свою ротонду на выделку! Но это даром не прошло! Ее тушку покушали глупые огородники и лежат теперь в фанзе кверху носом, мертвые как колоды. Так им и надо! В прошлом году они переловили моих детей, еще не опившихся, и съели, а теперь сами вытянули ноги! Погоделом! Поделом!».

«На днях я встретила старого Рябого леопарда с верховьев Хайлинхэ, – возразила ее родственница, бесхвостая сорока, – он сказал мне, что тигры по повелению Вана напали на людей, а поэтому все эти полосатые господа ушли из лесов бывшей Императорской охоты к северу. Теперь леопардам там лафа, так как тигры не позволяли им жить в своих владениях и прогоняли. Теперь там, к югу от Татудинзы, много леопардов. Так, по крайней мере, говорил мне Рябый. Это тот самый, подруга которого сбежала с длиннохвостым амурским барсом. Так он теперь все рыскает по Шу-

Хаю в поисках беглянки. Куда там! Ему не найти! Она уже давно вывела детей в Суйфунских кедровниках».

Так гуторили между собой таежные веснайки.

Невдалеке от них проходил старый козел со своей козлухой.

Они слышали краем уха пересуды и сплетни лесных кумушек и остановились.

Козел неодобрительно покачал головой и замотал рогами, но заметя, что это не действует, затопал ногами и рявкнул несколько раз.

«Смотрите, смотрите! Какой нахал! – закричали наперебой сороки. – Еще смеет кричать здесь и распоряжаться! Вот мы тебя сейчас выдадим с головой красным волкам! Будешь тогда знать свое место!».

При одном напоминании о своих смертельных врагах бедный козел брыкнулся задними ногами и большими размашистыми прыжками пошел в гору. За ним поскакала его кроткая покорная подруга.

Белые платочки их замелькали на желтом фоне дубовых кустов и скрылись за увалом.

XXXI. ТИГРОЛОВЫ

Весть о появлении тигров быстро облетела тайгу.

Немедленно приняты были меры для предупреждения нападений на мирное население и организованы команды, должностные обходить окраины поселков и концессий и производить стрельбу с целью устрашения.

Местные охотники, вооружившись надежными винтовками, ушли в тайгу в надежде добыть дорогостоящего зверя.

Некоторые же, надеясь на свою смелость и искусство, кладывали стрихинные пильюли в мерзлое мясобитых коз и собак и разбрасывали его по тайге в тех местах, где замечены были свежие следы хищников.

Но это мало помогало, так как не прошло и нескольких дней, как получены были сведения, что тигры начинают уже «пошаливать».

В первую очередь поплатились собаки, которых хищники таскали походя, не обращая внимания на людей.

Затем перешли на скот, главным образом лошадей, таская их не только с коновязей, но и из закрытых сараев, для чего ломали крыши, двери и стены убогих построек.

У разъезда Казанцева тигр напал на обоз, состоявший из двадцати саней, запряженных попарно. Хищник знал, где проходит обоз, и залег на дороге; когда передние сани с ним поравнялись, он бросился на одну лошадь, сбил ее с ног ударом лапы по загривку и перекусил шейные позвонки у затылка. Китайцы-возчики в это время лежали ниц возле саней и не шевелились, пока тигр не унес лошадь. Тогда они вскочили и погнали обоз что есть духу обратно на разъезд.

Тигр оттащил лошадь на полкилометра и там жрал ее в течение нескольких дней, пока хватило хорошего чистого мяса.

Воспользовавшись этим случаем, один из местных охотников начинил стрихнином мясо другой убитой лошади и положил его на тигровой тропе.

В это время Ван покончил уже с одной лошадью, отдохнул как следует в непроходимой чаще и поздно вечером вышел на лесную дорогу.

По небу катилась луна. Белое полотно укатанной дороги искрилось и сияло под ее яркими лучами.

Ван увидел впереди на дороге какую-то темную массу.

Зоркие глаза его сразу определили, что это мертвая лошадь.

Он подошел к ней и, несколько раз обойдя вокруг, лег возле нее в раздумье.

В голове его роились мысли, и подозрение закрадывалось в мозг. Для чего она лежит здесь? Почему не увезли ее на станцию?

Он узнал животное, которое сам умертвил несколько дней тому назад. Соблазн был велик, но какое-то предчувствие подсказывало ему, что это одна из хитрых уловок человека.

Полежав еще некоторое время на дороге, Ван встал, потянулся и зевнул так громко, что филин, сидевший над ним вершине ели, шарахнулся и, защелкав клювом, отлетел в чащу.

Минут через десять после ухода Вана к трупу лошади явились красные волки, и слышно было издалека, как они дрались, визжали и выли, раздирая замерзшее как кость мясо своими сильными челюстями.

На следующее утро охотник собрал около лошади восемь мертвых волков, отравившихся стрихнином.

В это время гибли от яда не только волки, присяжные могильщики тайги, но и другие звери и птицы, не только питающиеся мясом, но и растительноядные.

Лисицы, вороны, сороки, сойки, синицы и поползни становились жертвами коварства человека.

Нередко случалось, что местные огородники, не зная страшного действия «белого порошка», погибали от отравления, плотно закусив мясом животного, убитого ядом.

Тигры как будто чуяли опасность и не трогали приманки с «белым порошком», так что в конце концов охотники оставили этот способ добывания; но из Уссурийского края появились здесь тигроловы, добывающие зверя живьем, не ловушками, не капканами, а голыми руками, вооруженными железными мускулами и крепкими веревками.

Прослышав, что в районе Кокуй-Шаня появилось много тигров, они приехали сюда с собаками и со всеми приспособлениями для поимки гигантских кошек.

Это были богатыри в полном смысле слова.

Огромного роста и непомерной силы, они производили впечатление первобытных людей.

Их кости, мышцы и все внутренние органы были приспособлены для перенесения невероятных трудностей борьбы с дикой первобытной природой.

С такими врагами пришлось встретиться в открытом бою Великому Вану.

Прежде чем начать свою работу, ловцы сделали разведку, причем обнаружилось, что падеж кабанов вследствие болезней уменьшил их число и многие стада откочевали в далекие районы.

Это обстоятельство послужило причиной перемещения хищников.

Не находя для себя пищи в достаточном количестве, тигры перешли на домашний скот поселенцев и производили набеги на таежные хутора, отдельные фанзы и лесные концессии.

От нападения их никто не был гарантирован – ни одинокий зверолов в тайге, ни дровосек, ни рабочий концессии.

Дело дошло до того, что по ночам никто не выходил из своего помещения. Но и днем хищники появлялись вблизи поселков, угрожая жизни и имуществу людей.

Таежные обитатели видели в этом указание свыше.

Единственный выход из положения – умилостивить Горного Духа, Великого Вана, принесением ему человеческой жертвы.

Так решили на совещании старейшины Шу-Хая, во главе которых стоял зверолов Тун-Ли.

Но кто должен быть принесен в жертву?

Подходящего человека не было, и старейшины порешили для ускорения дела бросить жребий, кому добровольно отаться в лапы Великого Вана.

Пока шли эти совещания, Тун-Ли усердно молился в кумирне, на перевале Цун-Лин, и после многократных собеседований с душами предков пришел к окон-

чательному и бесповоротному решению пожертвовать собой для общего блага.

На общем собрании всех выборных старшин, происходящем под открытым небом в одном из ущелий горы Татудинзы, Тун-Ли объявил о своем решении.

Никто из присутствующих не обмолвился ни словом, только по окончании совещания каждый из старшин подходил к старику и кланялся ему в ноги.

Совершив свое последнее моление с поминанием предков, Тун-Ли вернулся в свою фанзу, привел все в порядок, подмел, припер дверь снаружи колом и с небольшой котомкой за плечами отправился на север, в район Кокуй-Шаня, где, по слухам, находился в то время Великий Ван, ставший для него символом проявления воли Горного Духа.

Трои суток безостановочно шли охотники за тигрицей с двумя тигрятами. К тигрице иногда присоединялся тигр огромных размеров, мешая своим присутствием охотникам.

Судя по следам, тигр-самец понял намерение охотников и старался увести тигрицу, путая следы и направляя ее в недоступные дебри.

Тигрица, лишенная возможности пытаться и отдохнуть вследствие постоянного преследования, изнемогала и готова была броситься на охотников, но Ван принуждал ее идти дальше.

Тигрятка совершенно отошла и постоянно ложилась на отдых, отставая от матери все более и более.

Молодой матери было не более пяти лет, и она была неопытна.

Так как поймать тигра живым можно только до известного размера и возраста, то охотники все свое внимание сосредоточили на тигрице и тигрятках, а большого тигра игнорировали совершенно.

Был ясный и теплый зимний день.

Ни ветерка. На солнопеках снег обмяк и стаял. Издалека доносился лай многочисленных собак, преследовавших тигров.

По их следам, широко шагая, идут три человека. У двух за плечами карабины.

Впереди старик с белой окладистой бородой. Он безоружен, и только на боку виднеется короткий финский нож.

За ним бредут его сыновья, такие же косматые великаны, как отец.

Задние плечами у всех котомки, на ногах сибирские унты из ножек оленя. Куртки из летней кожи косули, шерстью вверх.

Вид у них сосредоточенный и серьезный. Идут молча, без слов понимая друг друга. Собаки заливаются на разные голоса. Издалека доносятся звуки таежного хора, и эхо вторит им в горных падях и ущельях.

Тигрята отказались идти дальше, забились в заросли аралий и дикого винограда.

Стая с лаем и воем окружила их кольцом. У многих собак кровавые раны – последствия борьбы с малышами.

Некоторые старые опытные собаки легли на снег, тяжело дыша и высунув розовые языки, в ожидании подхода хозяев. Вскоре появились охотники.

Обойдя вокруг заросли и узнав, что тигрята в кругу, старик распорядился набросить сеть и прижать зверей к земле вилами.

Став в порядке в одну шеренгу, сыновья его вошли в заросли. Один из тигрят, услышав приближение людей, бросился на ближайшего Никиту, который одним ловким неуловимым движением набросил ему на голову сеть и вилкой придавил шею к земле. Тигренок перевернулся на спину для защиты когтями, но не успел опомниться, как лапы его были скручены крепкой кокосовой веревкой.

В рот звереныша был вставлен кляп из мягкого кедрового дерева. Когда с первым было покончено, приступили ко второму, который забился в пустую колоду дерева. Его оттуда не вынимали, а только забили наглухо входное отверстие отрезком пня.

Собаки во время всей этой процедуры лежали вокруг зарослей кольцом и не принимали никакого участия в поимке. Дело их было окончено. Они отдыхали, зализывая полученные в бою раны.

Всех движениях охотников видна была большая опытность и сноровка. Они действовали спокойно и уверенно.

Оба тигренка пойманы были в течение часа. После этого отец с сыновьями отдыхали у костерка, на котором шипел и бурлил чайник.

Закусывая черным хлебом и свиным салом, они вели между собой тихую беседу и высказывали предположения относительно ушедшей тигрицы, причем говорил преимущественно отец, сыновья же почтительно слушали и отвечали на его вопросы. Собаки лежали тут же на снегу. Большинство спало, свернувшись калачиком и уткнув морду в пушистый хвост.

«Вот подкрепимся чайком и айда за тигрой! – произнес отец, отхлебывая чай из эмалированной кружки. – Ты, Никита, покрепче затягивай голову, а то, неровен час, вырвется, и беды не оберешься! А ты, Роман, возьми веревку вдвойне, матка-то здоровенная, почитай до 10 пудов! Если самец будет мешать, придется его пристрелить, а то как раз кого-нибудь задерет. Тигрятам-то, однако, дайте снежку, кабы не запалились, сердечные! Вишь, как дышут тяжело! Что-то наши запоздали с лошадьми! Надо уже быть давно! А вот и они! Легки на помине!» – воскликнул радостно старик, указывая на приближающийся обоз из двух саней, запряженных парой коней в унос. Возчики шли с боков, понукая усталых лошадей.

«Иван! – обратился старик к одному из возчиков, молодому видному парню, как две капли воды похожему на него, только без усов и бороды, – живо грузите тигрят и отступайте! На станции дайте им воды! А завтра, чуть свет, обратно сюда! Мы сейчас идем за маткой. Она тут недалече! Однако повозиться с ней придется! При ней кавалер! Китайцы говорят, Ван!

Следы дает знатные! Почитай в полторы четверти!
Весу в нем, однако, не менее 20 пудов! Ну, живо! Со-
бирайтесь детки! И по своим местам!».

Старый тигровол встал. Вытряхнул чай из своей кружки и положил ее в котомку.

Молодежи между тем занялась погрузкой тигрят на сани и сборами в поход.

Через полчаса все было готово.

Обоз с тигрятами по старой своей колее отправился к линии железной дороги, на северо-восток, а охотники по следам тигров – к юго-западу.

Собаки шли по следам, и вскоре их лай послышался в отдалении.

Хищники направились в скалистые хребты Лао-Э-Лина, темневшие своими кедровниками в вершине пади.

«Однако самец идет с маткой! – проговорил Кузьма Вергасов (так звали старика), рассматривая следы хищников, – дело дрянь! Если собаки не отобьют матку, нам не миновать с ним битвы! Много собак пропадет! Да ничего, однако, не сделаешь! Ну-ка, наддай! Как бы этот самый Ван не увел матку дальше!».

«Ты опять табачице свое запалил! – продолжал старик, обращаясь к сыну Рому. – Когда ты его брошишь, окяннного? Смотри, добра не будет! Где табак, там и нечистый!».

На замечание отца красавец Роман добродушно улыбнулся, сплюнул в сторону, вытряхнул табак из трубки и спрятал ее в боковой карман.

Солнце перевалило за полдень.

Поднялся легкий ветерок, предвещавший ночью снегопад.

Тайга зашумела.

Собачий лай доносился с высоты каменистого хребта.

Судя по всему, звери засели в скалах.

Охотники прибавили шагу и почти бежали.

Впереди шел старик, за ним сыновья, которые едва поспевали.

Тигры залегли на вершинах утесов, подымавшихся отвесными стенами на гребне хребта. Собаки стояли внизу и неистово лаяли, подняв морды кверху.

Увидя приближающихся людей, псы заволновались, делая бесплодные попытки взлезть на скалы.

«Оставайтесь здесь, – сказал старик сыновьям, – а я пойду в обход. Нет ли выходного следу?».

Никита и Роман обошли всю местность под утесами, с целью выяснить, откуда хищники взобрались наверх. Судя по следам, тигрица одна пошла на скалу, а самец уклонился вправо и направился вдоль хребта, очевидно, с целью обойти их.

Вскоре с противоположной стороны утесов вышел старик и объявил, что тигрица наверху, а тигр ушел вверх по хребту.

«Живее, ребята, за дело! – проговорил внушительного отца, обращаясь к сыновьям. – Надо покончить с маткой, пока не явился Ван, тогда у нас будут руки развязаны, и мы возьмем и его, мертвого или живого! Никита, бросай на скалу хлопушки! – приказал старик, – а ты, Роман, держи ухо востро и не зевай! Ну, табашник, поворачивайся и приготовь на всякий случай карабин! Не ровен час, вернется ейный кавалер! Тогда беда!».

Приказания старого охотника были немедленно выполнены. На вершине скалы с треском и шумом рвались хлопушки, наполняя чашу смрадом и дымом.

Собаки визжали и выли от нетерпения и азарта.

Среди собак роль вожака исполняла поджарая большая белая сука – Змейка. Ей подчинялась вся свора собак, и она же руководила всеми их действиями.

Неповинование влекло за собой жестокую трепку, а сопротивление – смерть.

Змейка слушалась только своего хозяина, старика Вергасова, и от него получала все приказания.

Падеж кабанов продолжался, и Ван чувствовал недомогание после плотного обеда из нездорового зараженного мяса. Ему впервые пришлось питаться чумными животными, это причиняло ему нестерпимые боли в области живота.

Он ослабел, и настроение его было подавленное.

Сонливость и желание отдыха и покоя овладели им, когда охотники начали свое преследование.

Он мог бы уйти от них, но чувство привязанности не позволяло ему бросить тигрицу, и он, заставляя ее двигаться, уводил все дальше и дальше в глубину тайги.

К тигрятам он был равнодушен и не обратил никакого внимания на их отсутствие, к тому же они были настолько велики, что мать не беспокоилась об их судьбе, предоставив им самостоятельность.

Вану надоело наконец это неотступное преследование со стороны человека, а неугомонный собачий лай раздражал его тонкий слух.

Он решил избиваться от всего этого и уйти по дальше, отдохнуть в тишине и спокойствии.

Положение тигрицы его не беспокоило. Он был уверен, что на вершине утеса она будет находиться в полной безопасности.

Перейдя глубокую падь, заросшую густыми орешниками, он поднялся на ближайший хребет, где залег на выступе скалы.

Отсюда открывался ему далекий кругозор во все стороны. Вдали виднелись утесы, куда скрылась тигрица от своих преследователей.

Солнце стояло еще высоко в синем безоблачном небе и бросало свои горячие лучи на скалы и утесы.

Положив голову на лапы, Ван задремал, и страшный сон приснился ему. Он видит себя окруженным со всех сторон людьми-великанами. Они душат его своими длинными могучими руками. Ему тяжело дышать, он задыхается. Великий Ван спал и не знал, что творится около него.

«Змейка! Отведи свою команду от скалы, вон туда! А то собаки не дадут нам работать!» – отдавал распоряжения старик, указывая место, куда должны были отойти собаки.

Умное животное вильнуло хвостом в знак согласия, и грозный лай его заглушил голоса всей стаи.

Собаки поняли его значение и безропотно отошли от скалы на место, указанное хозяином.

Сделав свое дело, Змейка села вблизи старика и уставилась на него своими выразительными карими глазами.

«Однако тигра пойдет сюда! – сказал Кузьма Вергасов, указывая на узкую расщелину в скале. – Остановитесь против нее. Никита, брось хлопушку вон туда, за куст! Ну, так! Теперь она пойдет! Идет! Держи!» – с этим словами старик стал на одно колено и выставил вперед левый локоть руки, обернутый в сырятину свиную кожу.

Судя по шуму и грохоту падающих камней в расщелине скалы, тигрица быстро спускалась вниз.

Все трое охотников застыли в ожидании зверя, и взоры их пронизывали заросли у устья каменной щели.

Сначала показалась голова тигрицы. Уши ее были прижаты к затылку, пасть открыта, и дикие желтые зрачки метали молнии.

Одно мгновение она стояла неподвижно, рассматривая своих врагов. Старик поднял руку кверху, защищая свою голову и плечи. Первый удар зверя он должен был принять на себя и движением этим возбудил его внимание. Тигрица зарычала и бросилась на старика.

Ударами лап она сбила его с ног и насыла на него всей своей тяжестью. Рыча и фыркая, она наносила ему быстрые удары лапами по левой руке, которую старик выставил кверху. Невероятная сила спасла старого охотника от гибели. Рука его гнулась, но не

поддавалась, и сырьмятная кожа летела клочьями под ударами острых когтей разъяренного зверя.

Момент был критический, и старик изнемогал.

Заметив это, Роман, размахнувшись, ударил тигрицу по плоской голове своим крепким тяжелым кулаком.

Удар был настолько силен, что могучий зверь низко опустил свою голову, в то же время нанеся ответный удар по правому плечу.

Роман пошатнулся, но устоял на ногах.

Тигрица оставила старика и обрушилась всей своей тушей на его сына.

Удары лапами сыпались на него.

Воспользовавшись этим моментом, отец поднялся на ноги и вместе с Никитой набросил на зверя сеть.

Голова и одна лапа тигрицы захвачены были тонкою, но крепкою сеткой.

Молодой богатырь боролся со зверем, стоя на ногах.

Руки его и плечи покрылись кровавыми пятнами, но он не выпускал веревок, которыми должна быть связана тигрица.

Концы сетки все сильнее и сильнее стягивали шею тигрицы, и она, оставив Романа, когтями старалась освободиться от душивших ее веревочных пут.

Израненный и разгоряченный борьбою, Роман бросился на тигрицу, катавшуюся по снегу с целью сбросить с себя коварную сеть.

Поймав свободную лапу зверя, он надел на нее веревочную петлю и затянул.

Этим воспользовались другие охотники и помогли Роману накинуть такие же петли и на задние лапы.

Зверь был уже во власти охотников, но не сдавался и делал отчаянные попытки освободиться и порвать веревки.

В пылу борьбы и сопротивления тигрица глухо рычала, и кровавая пена выступала из ее пасти.

Держа за концы веревок, охотники подтащили бившегося зверя к стволу ближайшего дерева и приткнули к нему лапы.

Затем им уже не представляло никакого труда окончательно связать тигрицу и вставить ей в пасть обрубок дерева, который был зажат зубами зверя.

Покончив с этим делом, охотники присели тут же передохнуть.

Вытирая потные лбы и приводя в порядок разорванную одежду, они делились впечатлениями и вспоминали различные перипетии смертельной борьбы со зверем.

Собаки лежали возле них на снегу, косясь на связанныю тигрицу, прикрученную к дереву.

Потеряв окончательно силы в борьбе, зверь лежал неподвижно у ствола старого дуба и тяжело дышал.

Глаза его были закрыты, и он, казалось, дремал.

Но это не был сон, это было забытье, граничащее с потерей сознания.

Помимо напряжения физических сил ему пришлось израсходовать свои духовные силы.

Теперь им овладела апатия от переутомления.

В голове его бродили неясные мысли, и кошмар пережитого вставал перед ним в багрово-красном тумане.

Только упругий, постоянно напряженный хвост зверя шевелился и вздрагивал, конвульсивно извиваясь.

«Ну, ребята! Айда прокладывать дорогу для саней, а то в этакую трущобу их не протащить! – произнес старик, затягивая пояс на своей гнойной талии.

– Солнце уже низко! Времени осталось мало, а дорога долгая! К ночи еле управимся!».

С этими словами старый Кузьма зашагал вниз, спускаясь по косогору через бурелом и заросли.

За ним двинулись собаки во главе со Змейкой.

Сыновья отстали от отца, так как были заняты перевязкой ран, нанесенных тигрицей.

XXXII. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Зловещий, недобрый сон снился Вану.

В полузыбьтве он слышал глухой рев и призывные крики тигрицы.

Чуткое ухо Вана проснулось раньше его самого. Не открывая глаз, он стал прислушиваться. Крики то усиливались, то ослабевали. Ван поборол свою слабость и сел, чтобы лучше слышать. Звуки борьбы доносились явственно с того хребта, где осталась тигрица.

Что бы это значило? Ван недоумевал и долго еще оставался в прежней позе ленивой апатии, не решаясь двинуться с места. Несясные, смутные подозрения стали закрадываться в его мозг.

Он знал, что там остановились охотники. Рев тигрицы указывал на борьбу.

Оставить ее одну в смертельной борьбе с человеком Великий Ван не мог. Он решил выручить ее во что бы то ни стало.

Потягиваясь и зевая, он размял свои могучие члены и не спеша двинулся по направлению к каменистому хребту.

Голоса тигрицы уже слышно не было, только издалека доносились крики сорок и постукивание дятлов. Поднимаясь на соседний хребет, заросший орешниками и виноградом, Ван слышал отдаленные звуки топора и гул падающих деревьев. Он знал, что это работа человека, и уверенно шел вперед, чувствуя что-то недоброд.

Выйдя на свои старые следы, Ван достиг подножия скалы, где, по предположениям, должна находиться подруга. Везде много человеческих следов, еще больше следов собак. Где же подруга?

Ван остановился в раздумье и весь обратился в слух. В тайге было тихо. В вершинах кедров попискивали рябчики. Где-то в глубине пади стучал топор.

Но вот чуткое ухо Вана уловило звуки тяжелого дыхания зверя. Невдалеке отсюда, прикрученная к стволу дерева крепкими веревками, лежала тигрица.

Она услышала привычным ухом его знакомые шаги и жалобно застонала. В мгновение ока Великий Ван был возле своей подруги.

Он не ожидал ничего подобного! Его мозг был подавлен и угнетен невиданным зрелищем! Его могучая подруга, накануне свободная и прекрасная в своей дикой красоте, связана как жалкий теленок!

Он не верил своим глазам! Он обнюхивал ее со всех сторон и все больше и больше убеждался в могуществе человека.

Тигрица открыла свои прекрасные большие глаза и с тоской и любовью смотрела на своего повелителя.

Во взоре ее светились мольба и отчаяние. Голова ее и все четыре лапы были круто притянуты к стволу дерева. Она не могла пошевелить ни одним членом, только выразительные глаза ее вращались и длинный пушистый хвост извивался, нанося удары по сыпучему снегу и по стволу старого дуба.

Горя неукротимою местью и злобой, Великий Ван пришел в ярость и стал наносить могучие удары когтями по веревкам, связывавшим тигрицу.

Но они не поддавались и только скрипели и натягивались еще туже, врезаясь в тело несчастной пленницы.

Чувствуя свое бессилие, могучий зверь пришел в бешенство: щерсть на его спине и загривке стала дымом, из раскрытой пасти вылетали клубы пены и пара.

Его грозное рыканье гремело в тайге, наводя панический страх на всех обитателей.

Таежные птицы и звери спешили спастись бегством, и только неугомонные сороки суетились в вершинах деревьев и кричали без умолку.

«Никак тигра освободилась от веревок! Слышь, как ревет!» – произнес старый охотник, прислушиваясь к звукам, доносившимся с вершины хребта.

«Надо идти узнать, в чем дело! – ответил Никита, прочищавший топором заросли. – Неровен час, уйдет! Тогда не поймаешь!»

«Батька! Я сбегаю мигом и прикручу ее крепче, а если отвязалась – дам знать выстрелом, тогда поспешишь!» – крикнул Роман, стоявший в отдалении с трубкой в руках.

«Ладно! Иди, Роман! Да поскорее! Сдается мне, что она освободилась!» – приказал отец, смотря вслед удалявшемуся сыну.

Грозные звуки звериного рыканья не прекращались.

Роман шел быстро, продираясь через чащу.

Рев тигра становился слышнее.

Собаки бежали впереди охотника и скоро достигли места, где привязана была тигрица.

Они окружили тигра со всех сторон и неистово лаяли, но держались от него на большом расстоянии.

Ван не обращал на них никакого внимания, стараясь освободить из плена свою подругу.

Не видя тигрицы и предполагая, что она освободилась от веревок, Роман подошел близко и выстрелил в воздух, как было условлено.

Тигр не заметил приближения человека, но оглянулся на звук выстрела.

Перед ним стоял ненавистный пришелец и смотрел на него смело и вызывающе.

Вот он, виновник всех бед и разочарований!

В голове Вана как молния мелькнула эта мысль, и двумя гигантскими прыжками он был уже возле охотника, успевшего пустить в него меткую пулю, попавшую в грудь. Но это было последнее сознательное действие человека.

Одним ударом своей могучей лапы зверь сорвал с Романа шапку, а вместе с нею снес половину черепа.

Как подрубленный могучий дуб, свалился молодой богатырь к ногам Вана, обагрив горячую кровью снег.

Упал он навзничь, во весь свой рост, раскинув руки.

Кисть правой руки сжимала ствол карабина.

Вместе с черепной крышкой отлетели в сторону и мозги.

Лицо и высокий белый лоб не были задеты когтями зверя и сохранили свою красоту.

Мертвые прекрасные глаза молодого охотника были открыты и спокойно смотрели в вышину темно-синего неба.

Сгоряча Ван бросился на труп человека, предполагая найти в нем искру жизни, но инстинкт зверя подсказал ему, что смерть наступила.

Обнюхав лицо мертвеца, Ван отошел в сторону и лег возле тигрицы.

Он смотрел на свою подругу.

Тоска и жалость закрадывались в его сердце.

Он чувствовал невыносимую боль в груди.

Из раны его сочилась темная кровь и капля по капле стекала на снег, просачиваясь до земли.

Шершавым, колючим языком своим он зализывал темное пулевое отверстие в левой стороне своей груди и вздрагивал нервно тягуче дрожью.

Солнце заходило. Вечерело. В тайге протянулись длинные угловатые тени.

Услышав выстрел, охотники спешили на выручку.

На этот же выстрел спускался с хребта Тун-Ли в поисках Великого Вана.

Собачий лай не умолкал. Остервенелые псы после гибели охотника окружили тесным кольцом залегшего хищника и не давали ему покоя.

Но Вану было не до них. Его мучила тоска, а осколки разрывной пули жгли все его внутренности. Среди звуков собачьего лая он услыхал человеческие голоса.

Этого было достаточно. Забыта боль, забыты страдания. Он поднялся во весь рост и увидел фигуры приближающихся охотников. Жажда борьбы и крови зажглась в нем с неудержимою силой, и он прилег на

снег, готовясь к роковому прыжку. Старый охотник заметил припавшего хищника и вскинул свой карабин.

Но что это? Фигура зверя исчезла перед его глазами, а вместо нее явилась другая, заслонившая собою первую.

Между Ваном и старым траппером стоял Тун-Ли.

Он пришел сюда выполнить свой обет и принести себя в жертву, как требовал того закон тайги.

Он не опоздал. Великий Ван здесь. Старый зверолов стоит на коленях и просит исполнить волю Великого Горного Духа.

«Великий Ван! – говорил Тун-Ли. – Я здесь стою перед тобою с чистым сердцем и помыслами! Исполни волю Горного Духа и освободи меня от бренной земной оболочки!».

Хищник, готовый броситься на свою жертву, был поражен и озадачен. Появление Великого Старика действовало на него как удар молнии с безоблачного неба.

В мозгу его мелькнули мысли и образы давно прошедшего. Он вспомнил свою первую встречу со стариком-звероловом, и образ его воскрес в его памяти.

Этот бесстрашный стариk с огненным взором немигающих глаз опять стоит перед ним на его пути!

Великий Ван всегда уступал ему дорогу, подчиняясь его несокрушимой воле, и теперь он должен уступить ему и сойти с его пути.

Подавленный и угнетенный всем пережитым за последнее время, чувствуя нестерпимую жгучую боль в груди, Ван опустил свою голову и медленно пошел в гору, направляясь на битую тигровую тропу, идущую по гребням хребтов и увалов.

В глазах его померк огонь жизни, и он двигался вперед как автомат, стремясь поскорее достигнуть вершины Татудинзы.

Тун-Ли стоял некоторое время на коленях, а затем, убедившись, что Ван уходит от него в тайгу, быстро поднялся на ноги и отправился за ним вслед.

Долго еще в тишине наступившего вечера слышался его голос, призывающий Вана.

Старый охотник под впечатлением всего виденного и слышанного долго стоял с поднятым карабином, пока сын Никита не потряс его за плечо со словами: «Батько! Очнись! Что с тобой?»

«А где Роман? – произнес, приходя в себя, отец. – Чует мое сердце недобро!». В это время Змейка вертелась у ног старика, как бы приглашая его следовать за собой.

Отец и сын пошли за собакой и наткнулись на труп Романа. Он лежал на снегу как богатырь, сжимая в руке оружие.

«Роман! Роман! Зачем ты нас оставил?» – произнес стариk, припав к трупу любимого сына, и остался не-подвижен.

Никита стоял возле него, всматриваясь в знакомые, близкие и в то же время такие далекие черты брата, и крупные слезы катились по щекам его, падая в снег.

Ночь приближалась. Полная луна выплыла из-за лесистого гребня гор, бросая свои бледные лучи в чащу.

XXXIII. ЭПИЛОГ

Всю ночь шел Тун-Ли по следам Вана и к утру уже был у своей фанзы.

Все в ней оставалось по-прежнему; никто в нее не входил, и никаких следов в ее окрестностях старый зверолов не заметил.

Подойдя к кумирне, стоящей у фанзы, Тун-Ли поставил несколько курительных благовонных свечей на ее алтарь и стал на колени.

Сложив руки на груди, он молился Великому Духу гор и лесов.

По окончании каждого моления Великий Старик ударял палочкой в чугунный колокол, и густые металлические звуки его, колыхаясь и вибрируя, неслись в глубину тайги, нарушая мертвую тишину пустыни.

Долго молился Тун-Ли, пока не погасли огоньки благовонных свечей и на месте их образовались кучки серого пепла.

Затем, обратив лицо к востоку, он беседовал с душами своих умерших предков и кланялся им до земли.

Совершив обряд поклонения, старый зверолов вышел на следы Вана и стал подниматься в гору.

Глубокий снег мешал идти хищнику; он часто останавливался и ложился на выступах утесов.

По этим признакам Тун-Ли убедился, что Ван ослабел от раны и напрягает последние силы, чтобы добраться до вершины.

Чем выше поднимался старый зверолов, тем труднее было идти.

Отвесные скалы, глубокие трещины и кручи преграждали путь.

Снежные наносы и ледяные поля затрудняли движение, угрожая падением в каменную щель или бездонную пропасть.

С великим трудом и невероятными усилиями к вечеру того же дня Тун-Ли вышел из полосы лесов на горные луга.

Здесь снег лежал ровным слоем и покрывал белой пеленой крутые скаты.

Следы Вана вели на южную сторону горы, где возвышались утесы гранитных обнажений и каменные россыпи гольцов.

Здесь, в трещинах скал, среди кварцевых обломков, лепился приземистый и корявый кедровый сланик вперемежку с кустами можжевельника и рододендрона.

Пучки седого мха покрывали все камни и гранитные выступы сплошным налетом.

Следы Вана, огибая утесы, терялись среди россыпей.

Тун-Ли остановился на краю пропасти, и зоркие глаза его искали знакомую фигуру зверя на одном из выступов горы, возвышающемся над бездной.

Старик не ошибся. Могучий зверь лежал на вершине утеса.

Прекрасная голова его покоялась на вытянутых лапах.

Длинный пушистый хвост не шевелился.

По-видимому, Ван спал.

Тун-Ли стоял зачарованный и смотрел на Великого Вана, не смев потревожить его сон.

Солнце багрово-красным шаром опускалось в туманную мару горных далей. Косые лучи его бросали кровавые блики на утесы, скалы и голову хищника, неподвижную как гранитное изваяние.

Великий Старик ждал пробуждения Вана. Сел на корточки и вперил свой острый немигающий взор в его могучую фигуру, возвышающуюся над хребтами гор.

Наступила ночь. Заискрились звезды. Из-за зубчатого гребня выглянула полная луна.

Тун-Ли застыл в своей позе и казался спящим.

Но он не спал. Он думал свою глубокую думу, и старая голова его под тяжестью этих дум склонялась на грудь.

Безмолвие пустыни царило вокруг.

Но вот где-то далеко-далеко прозвучал колокол.

Вдалеке фанзэ зверолова совершалось моление.

Тун-Ли очнулся и встал.

Тихая таежная ночь плыла над землей.

Ван лежал в той же позе и был неподвижен.

Тун-Ли подошел к нему, стал на колени и, скрестив на груди руки, произнес:

«Великий Ван! Проснись! Я пришел издалека!
Сердце мое открыто! Воля Горного Духа должна быть
исполнена! Проснись, Великий Ван!».

Но Ван не дрогнул; его могучее тело оставалось в
покое, и застывшие круглые глаза по-прежнему смо-
трели вдаль.

Он был мертв.

Тун-Ли долго не вставал с колен, надеясь, что Ве-
ликий Ван проснется.

Напрасно. Великая смерть коснулась Вана своим
белым крылом.

Старик поднялся с колен и положил свою худую
костлявую руку на широкий лоб зверя. Издалека до-
носились мертвые удары чугунного колокола.

Пустыня безмолвствовала.

Всю долгую ночь оставался Тун-Ли у тела Вели-
кого Вана, и только когда первые лучи восходящего
солнца озолотили гранитную вершину Татудинзы, он
спустился с горы и исчез в дебрях темного Шу-Хая.

Предание тайги говорит, что Горный Дух, Вели-
кий Ван, заснул глубоким сном на вершине древнего
Лао-Э-Лина.

Тело его окаменело и слилось в одно целое с гра-
нистым выступом утеса, гордо возвышаясь над за-
стывшими волнами горных хребтов.

Настанет время, когда Великий Ван проснется, и
могучий голос его прокатится по горам и лесам, рож-
дая многократное эхо.

Небо и земля содрогнутся, и пышно расцветет
прекрасный цветок священного лотоса.

ЧЕРНЫЙ КАПИТАН

МАНЬЧЖУРСКАЯ БЫЛЬ-РОМАН ИЗ ЖИЗНИ ЗААМУРИЦЕВ ПО ОХРАНЕ КИТ.-ВОСТ. ЖЕЛ. ДОР. 1901-1910

(*Black Captain. Manchurian true story -
novel from the life of men from beyond the Amur guarding
the Chinese Eastern Railway during 1901-1910*)

Впервые роман опубликован в 1943 году в
книгоиздательстве «Наше знание», Тяньцзинь. Затем в
1959 году переиздан в Брисбене, Австралия.

КОММЕНТАРИИ

«ВЕЛИКИЙ ВАН»

Впервые повесть опубликована в 1936 году в издании харбинского книгоиздателя М. В. Зайцева с предисловием П. Краснова. В России издана в тихоокеанском альманахе «Рубеж» (Владивосток) в 1992 году.

Повесть принесла Н. Байкову мировую известность. Она переведена на французский (1938), итальянский (1940), чешский (1940), немецкий (1941), а также английский, шведский, югославский и другие языки¹.

В 1940 году газета «Мансю нитинити симбун» («Ежедневная маньчжурская газета»), выходящая в Мукдене (Шэньянь) на японском языке, из номера напечатала повесть Байкова. В 1941 году в издательстве «Бунгэй сондзю» (Токио) она выходит отдельной книгой. В Японии «Великий Ван» выдержал более десяти изданий, причем в различных переводах. На китайском языке повесть была опубликована в 1942 году (Синдин). В Корее «Великий Ван» вышел в 1993 году в издательстве Кэмонаса (Сеул)².

В основу повести положена древняя восточная легенда о Великом Ване, в котором воплотился Горный дух, царищий над всей природой: «Душа великого человека, совершая цикл своих перевоплощений, поселяется в теле Великого Вана, а с его смертью переходит в цветок лотоса, невидимый для смертных, и пребывает в нем до полного очищения и слияния с мировой душой Вселенной».

¹ Более подробную информацию о переизданиях повести см. в работе В.Н. Жернакова «Николай Аполлонович Байков» – краткий биографический очерк и библиография работ писателя. Мельбурнский университет, 1968.

² Скорее всего, были и более ранние переводы, однако пока документальных подтверждений этому не найдено.

Главный герой повести – тигр – владыка маньчжурских лесов и гор. На лбу и затылке этого тигра обозначены иероглифы «Дэ» и «Ван», что означает «Великий Князь». Для коренных жителей Маньчжурии Великий Ван – царь всех зверей; в его теле находится душа умершего великого человека, царя или князя. Среди других тигров и прочих обитателей тайги Ван обладает непрекаемым авторитетом.

В повести воедино сплетаются легенды древней тайги, азарт заядлого охотника и наблюдения ученого-натуралиста. Совершенно новый, неизведанный материк под названием Маньчжурия открывает для читателя Н. Байкова, этим и объясняется невероятная популярность повести. До сих пор она переиздается в разных странах мира, а теперь выходит и на родине писателя – в России.

«ЧЕРНЫЙ КАПИТАН»

Роман «Черный капитан» завершает трилогию Байкова о Маньчжурии: «Великий Ван» – повесть о Маньчжурской тайге и ее обитателях; «Тигрица» – роман о таежниках, охотниках-промысловиках и маньчжурах-звероловах; и «Черный капитан» – роман о самом авторе, о несостоявшихся мечтах и планах, его воспоминания о счастливой жизни, которая навсегда осталась в прошлом.

Название «Черный капитан» – дань памяти барону Врангелю, которого Байков знал по добровольческой армии Деникина. Сослуживцы Врангеля за страстную любовь к черным черкескам прозвали его Черным бароном. Герой романа Байкова тоже любит щеголять в черкеске и имеет два прозвища: Черный капитан и Цыганский барон.

В декабре 1941 года японский литературный журнал «Бунгэй» опубликовал заметку известного писателя Кути-ти Кан – близкого знакомого Байкова – о том, что Байков работает над романом, состоящим из двух частей. В первой изображается жизнь Маньчжурии периода первой мировой войны, а во второй – падение правительства Северо-Востока Китая и «рождение нового государства Маньчжоу-го под эгидой великой Японии»³.

³ «Бунгэй» («Литература и искусство»), Токио, 1941, № 12. Пер. с японского Ким Рехо.

Возможно, у Байкова и был подобный замысел. Однако с началом Великой Отечественной войны его волнует уже не новый порядок в Маньчжуо-го, а положение на советско-германском фронте. В разговоре с японским критиком Уэваки Сусуму Байков говорит: «Я был командиром, поэтому знаю, что русский солдат не из слабых духом. В конечном итоге Россия обязательно победит»⁴.

И Байков создает роман не о Маньчжуо-го, как ожидали от него японцы, а о сильных духом русских солдатах и казаках, самоотверженно защищавших интересы своей родины при строительстве КВЖД в довоенные (до 1914-го) годы.

Разумеется, «Черный капитан» был встречен враждебно в военных кругах Японии. Уэваки Сусуму вспоминает: «Он (Байков) показал мне рукопись романа и попросил перевести его (на японский язык) и издать в Маньчжуо-го и в Японии. Но в годы войны не было издательства, которое согласилось бы печатать роман с сильным антивоенным духом. Поэтому я посоветовал ему подождать до конца войны»⁵.

Байков не стал ждать, он обращается к русским издательствам, но даже харбинское издательство Зайцева, напечатавшее «Великого Вана» и «Гигрицу», отказывается от нового романа Байкова, боясь Токуму кикан (дословно – Особый отдел – специальный орган информации и разведки японской армии в оккупированных частях Китая). Переговоры с шанхайскими русскими издательствами также не дали результата, и, в конце концов, «Черный капитан» выходит в провинциальном городе Цяньцзин в русском издательстве «Наше знание».

Настоящее издание является первым изданием романа в России.

Содержание

От издательства	5

Елена Ким. ПО БЕЛУ СВЕТУ (Николай Байков. Судьба и творчество)	9

Великий Ван

(The Great Wang)	53

I. Пролог	55
II. Рождение Вана	59
III. Первые шаги	64
IV. Появление человека	67
V. Переселение	70
VI. Первая добыча	74
VII. На промысле	79
VIII. Горький опыт	84
IX. Пришла зима	88
X. Отец Вана	93
XI. Шу-Хай – Лесное Море	99
XII. Бархатная Шубка	101
XIII. Встреча с Тун-Ли	106
XIV. Поединок	112
XV. Битва богатырей	118
XVI. В гареме	129
XVII. Снова дома	133
XVIII. Звериные ночи	137
XIX. Лесные кумушки	142
XX. Первое горе	144
XXI. Зов предков	150
XXII. Возвращение на родину	155
XXIII. На лесной концессии	161
XXIV. Тайга шумит	168

⁴ Ким Рехо. «Николай Байков. Судьба и книги». Журнал «Литературное обозрение», 1993, № 7-8, с. 147.

⁵ Уэваки Сусуму. Послесловие к японскому переводу повести Н. Байкова «Гигрица», Токио, 1990, с. 277.

XXV. Рваное ухо	173	Zвериная ночь	422
XXVI. Закон тайги	181	Письмо из России	430
XXVII. Великий старик	187	Черт выручил	435
XXVIII. На посту	190	В Харбине	446
XXIX. Незнакомые песни	197	Игра в банчок	452
XXX. О чем думал Тун-Ли	202	Рапорт о переводе	458
XXXI. Тигровы	205	Шашка Шамиля	466
XXXII. Последний бой	218	Алексей Большое Гнездо	474
XXXIII. Эпилог	223	О чем щебетали ласточки	480
ЧЕРНЫЙ КАПИТАН		Незванные гости	493
Маньчжурская быль-роман из жизни заамурцев по охране Кит.-Вост. жел. дор. 1901-1910	227	На берегу Муданьцзяна	503
Предисловие автора	229	Эпилог	516
Пролог	230	Комментарии	522
В рай Магомета	233		
Из-за женщины	237		
Дикая птичка	242		
Золотая клетка	244		
Одноглазый	248		
У колдуны	255		
Владыка тайги	257		
Нищий	262		
Отец Василий	265		
Вещий сон	272		
Похищение птички	280		
Поиски	287		
Смерть птички	295		
Охота на тигров	303		
Верочка скучает	315		
Черная пантера	320		
Казнь хунхузов	329		
Танец с кинжалами	334		
В лагерях	348		
Орлиная кровь	372		
За тигрятами	396		
В львиной клетке	406		
Поединок	415		